

СИБИРСКОЕ ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Том 23 · № 1

• 2026 •

Vol. 23 · No. 1

SIBERIAN LAW REVIEW

DOI: 10.19073/2658-7602

Учредитель и издатель:

частное образовательное учреждение высшего образования
«Сибирский юридический университет»

Адрес издателя и редакции:

ул. Короленко, 12, Омск, 644010, Россия
Телефон: (3812) 37-68-55. E-mail: nauka@siblu.ru

© Редакция научного журнала
«Сибирское юридическое обозрение», 2026

Founder and publisher:

private educational institution of higher education
“Siberian Law University”

Address of the publisher and the editorial office:

12 Korolenko st., Omsk, 644010, Russia
Phone: (3812) 37-68-55. E-mail: nauka@siblu.ru

© The editorial board of the scientific journal
“Siberian Law Review”, 2026

Журнал включен в:

- Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук;
- Категорию 1 (К 1) журналов, входящих в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук;
- базу данных «Российский индекс научного цитирования»;
- каталог Ulrich’s Periodicals Directory – авторитетную базу данных, которая содержит библиографическую информацию о научных периодических изданиях мира;
- электронный периодический справочник «Система ГАРАНТ»;
- научную электронную библиотеку «КиберЛенинка» и др.

The journal is included in:

- the List of peer-reviewed scientific journals, in which the main scientific results of dissertations for the degrees of candidate of sciences and doctor of sciences must be published;
- Category 1 (K 1) of the list of peer-reviewed scientific journals, in which the main scientific results of dissertations for the degrees of candidate of sciences and doctor of science must be published;
- the database “Russian science citation index”;
- Ulrich’s Periodicals Directory is an authoritative database that contains bibliographic information about scientific periodicals of the world;
- legal information database “GARANT System”;
- scientific electronic library “CyberLeninka” and others.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Председатель редакционной коллегии – главный редактор

Соловей Юрий Петрович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (Сибирский юридический университет, Омск, Российская Федерация);

Заместитель главного редактора

Кирсанов Роман Васильевич – кандидат юридических наук, доцент (Сибирский юридический университет, Омск, Российская Федерация);

Ответственный секретарь

Агеева Алена Викторовна – кандидат юридических наук (Сибирский юридический университет, Омск, Российская Федерация);

Бабурич Василий Васильевич – доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации (Омская академия МВД России, Омск, Российская Федерация);

Бекетов Олег Иванович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (Сибирский юридический университет, Омск, Российская Федерация);

Гатт Лусилла – профессор частного права (Университет Неаполя им. Сестры Орсола Бенинкасой, Неаполь, Италия; Республика);

Герасименко Юрий Васильевич – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (Уполномоченный по защите прав предпринимателей в Омской области, Сибирский юридический университет, Омск, Российская Федерация);

Гришковец Алексей Алексеевич – доктор юридических наук, профессор (Институт государства и права Российской академии наук, Москва, Российская Федерация);

Гундур Раджив – доктор философии в области криминологии (PhD in Criminology) (Ирландский национальный университет, Мейнут, Республика Ирландия);

Дерিশев Юрий Владимирович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (Сибирский юридический университет, Омск, Российская Федерация);

Кархалев Денис Николаевич – доктор юридических наук (Сибирский юридический университет, Омск, Российская Федерация);

Кодан Сергей Владимирович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева, Екатеринбург, Российская Федерация);

Кожевина Марина Анатольевна – доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации (Омская академия МВД России, Омск, Российская Федерация);

Кононов Павел Иванович – доктор юридических наук, профессор (Волго-Вятский институт (филиал) Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Киров, Российская Федерация);

Коэн-Альмагор Рафаэль – профессор, доктор философии в области политики (Университет Халла, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии);

Кузьмина Ирина Дмитриевна – доктор юридических наук, доцент (Сибирский федеральный университет, Красноярск, Российская Федерация);

Луговик Виктор Федорович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (Омская академия МВД России, Омск, Российская Федерация);

Мэгс Питер Б. – профессор-исследователь (Юридический колледж Университета Иллинойса, Шампейн, Иллинойс, Соединенные Штаты Америки);

Мюллер Амрей – доктор юридических наук, доцент (Юридическая школа Сазерленда UCD, Дублин, Республика Ирландия);

Озунгур Фахри – доктор философии в области права, семьи, бизнеса (Университет Мерсин, Мерсин, Турецкая Республика);

Паризи Франческо – профессор права (Университет Миннесоты, Миннеаполис, Миннесота, Соединенные Штаты Америки), профессор экономики (Болонский университет, Болонья, Италия; Республика);

Пфандер Джеймс Э. – профессор права (Юридическая школа Северо-Западного Притцкера, Чикаго, Иллинойс, Соединенные Штаты Америки);

Пьеткевич Михал – доктор философии в области права (Варминьско-Мазурский университет, Ольштын, Республика Польша);

Руда-Гонсалес Альберт – доцент в области частного права (Университет Жироны, Жирона, Королевство Испания);

Торнхилл Кристофер – профессор права (Бирмингемский университет, Бирмингем, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии);

Хоссейн Мд Саззад – доктор философии в области защиты прав человека (Университет Сонаргаон, Дакка, Народная Республика Бангладеш);

Цуканов Николай Николаевич – доктор юридических наук, профессор (Сибирский юридический институт МВД России, Красноярск, Российская Федерация);

Чен Джеймс Мин – профессор права (Юридический колледж Университета штата Мичиган, Ист-Лансинг, Мичиган, Соединенные Штаты Америки);

Черников Валерий Васильевич – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Российская Федерация);

Шарапов Роман Дмитриевич – доктор юридических наук, профессор (Университет прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Российская Федерация).

SIBERIAN LAW REVIEW

Scientific journal

Volume 23, no. 1

2026

Published since 2004
Published four times a year

Previous titles of the journal:

“Vestnik of the Omsk Law Institute” ISSN 2222-856X (2004 – first half of 2012);
“Vestnik of the Omsk Law Academy” ISSN 2306-1340 (print), 2410-8812 (online)
(second half of 2012 – first half of 2019)

EDITORIAL BOARD

The Chairman of the Editorial Board –

Editor-in-Chief

Yury P. Solovey – Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Siberian Law University, Omsk, Russian Federation;

Deputy Editor-in-chief

Roman V. Kirsanov – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Siberian Law University, Omsk, Russian Federation;

Executive Secretary

Alena V. Ageeva – Candidate of Legal Sciences, Siberian Law University, Omsk, Russian Federation;

Vasili V. Baburin – Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Worker of Higher School of the Russian Federation, Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Omsk, Russian Federation;

Oleg I. Beketov – Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Siberian Law University, Omsk, Russian Federation;

James Ming Chen – Professor of Law, Michigan State University College of Law, East Lansing, Michigan, United States of America;

Valerii V. Chernikov – Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation;

Raphael Cohen-Almagor – D. Phil. in political theory, University of Hull, United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland;

Yury V. Derishev – Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Siberian Law University, Omsk, Russian Federation;

Lucilla Gatt – Professor of Private Law, Suor Orsola Benincasa University of Naples, Naples, Italian Republic;

Yury V. Gerasimenko – Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Ombudsman for the Protection of the Rights of Entrepreneurs in the Omsk Region, Siberian Law University, Omsk, Russian Federation;

Aleksei A. Grishkovets – Doctor of Legal Sciences, Professor, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation;

Rajeev Gundur – PhD in Criminology, National University of Ireland in Maynooth, Maynooth, Republic of Ireland;

Md Sazzad Hossain – PhD in Law, Sonargaon University, Dhaka, People's Republic of Bangladesh;

Denis N. Karkhalev – Doctor of Legal Sciences, Siberian Law University, Omsk, Russian Federation;

Sergei V. Kodan – Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Yekaterinburg, Russian Federation;

Pavel I. Kononov – Doctor of Legal Sciences, Professor, Volga-Vyatka Institute (branch) of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Kirov, Russian Federation;

Marina A. Kozhevina – Doctor of Legal Sciences, Candidate of Historical Sciences, Professor, Honored Worker of Higher School of the Russian Federation, Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Omsk, Russian Federation;

Irina D. Kuzmina – Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russian Federation;

Viktor F. Lugovik – Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Omsk, Russian Federation;

Peter B. Maggs – Research Professor, University of Illinois College of Law, Champaign, Illinois, United States of America;

Amrei Muller – PhD in Law, UCD Sutherland School of Law, Dublin, Republic of Ireland;

Fahri Ozsunger – PhD in Law, Family and Consumer Sciences, PhD in Business, Mersin University, Mersin, Republic of Turkey;

Francesco Parisi – Professor of Law, University of Minnesota, Minneapolis, Minnesota, United States of America; Professor of Economics, University of Bologna, Bologna, Italian Republic;

James E. Pfander – Professor of Law, Northwestern Pritzker School of Law, Chicago, Illinois, United States of America;

Michal Pietkiewicz – PhD in Law, University of Warmia and Mazury, Olsztyn, Republic of Poland;

Albert Ruda-Gonzalez – PhD in Law, University of Girona, Girona, The Kingdom of Spain;

Roman D. Sharapov – Doctor of Legal Sciences, Professor, University of Prosecutor's Office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russian Federation;

Christopher Thornhill – Professor of Law, University of Birmingham, Birmingham, United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland;

Nikolai N. Tsukanov – Doctor of Legal Sciences, Professor, Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnoyarsk, Russian Federation.

СОДЕРЖАНИЕ

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

<i>М. С. Басиев</i> Финансовые основы местного самоуправления в Российской Федерации	6
<i>А. Г. Быкова</i> Административная ответственность арбитражного управляющего за деяния, предусмотренные частями 3 и 3.1 статьи 14.13 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации.	18
<i>Ю. В. Герасименко</i> Развитие, нормативно-правовое регулирование и перспективы института бизнес-защиты в Российской Федерации	39
<i>Е. А. Кравцова, Э. А. Винокуров</i> Юридическая природа решений Конституционного Суда Российской Федерации (на примере уголовно-процессуального законодательства)	56
<i>Д. А. Кулешов</i> Правовое регулирование квантовых коммуникаций в механизме защиты финансовой информации	68
<i>В. А. Сафонов</i> Правовые вопросы ведения коллективных переговоров как формы социального партнерства.	82
<i>С. В. Щепалов</i> Административно-деликтное судопроизводство как процессуальная форма отечественного правосудия	96

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

<i>Р. А. Амиржанов</i> Модели оспаривания сделок при несостоятельности (банкротстве).	114
---	-----

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

<i>И. А. Антонов, Р. В. Черепанов</i> Уголовно-правовая охрана внешней безопасности Российской Федерации	129
<i>А. В. Верещагина</i> Личность осужденного за незаконную охоту по материалам судебной практики Сибирского и Дальневосточного федеральных округов	141
<i>Н. В. Игнатьева</i> Особенности квалификации подкупа работника контрактной службы, контрактного управляющего, члена комиссии по осуществлению закупок	157
Информация для авторов	167

CONTENTS

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

<i>M. S. Basiev</i> Financial Foundations of Local Self-Government in the Russian Federation	6
<i>A. G. Bykova</i> Administrative Liability of an Insolvency Practitioner for Acts Provided For in Parts 3 and 3.1 of Article 14.13 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation	18
<i>Yu. V. Gerasimenko</i> Development, Legal Regulation, and Prospects of the Business Protection Institution in the Russian Federation	39
<i>E. A. Kravtsova, E. A. Vinokurov</i> The Legal Nature of Decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation (Using Criminal Procedure Legislation as an Example)	56
<i>D. A. Kuleshov</i> Legal Regulation of Quantum Communications in the Mechanism for Protecting Financial Information	68
<i>V. A. Safonov</i> Legal Issues of Conducting Collective Bargaining as a Form of Social Partnership	82
<i>S. V. Schepalov</i> Administrative Delict Proceedings as a Procedural Form of the National System of Justice	96

PRIVATE LAW (CIVIL LAW) SCIENCES

<i>R. A. Amirzhanov</i> Models for Challenging Transactions in Insolvency (Bankruptcy)	114
--	-----

CRIMINAL LAW SCIENCES

<i>I. A. Antonov, R. V. Cherepanov</i> Criminal-Law Protection of the External Security of the Russian Federation	129
<i>A. V. Vereshchagina</i> The Profile of Persons Convicted of Illegal Hunting Based on Judicial Practice in the Siberian and Far Eastern Federal Districts	141
<i>N. V. Ignatieva</i> Specific Issues of Qualifying Bribery of a Contract Service Employee, Contract Manager, or Member of a Procurement Commission	157
Information for Authors	169

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ Public Law (State Law) Sciences

УДК 336.14:352

DOI: 10.19073/2658-7602-2026-23-1-6-17

EDN: YABMDO

Оригинальная научная статья

Финансовые основы местного самоуправления в Российской Федерации

М. С. Басиев

*Северо-Осетинский государственный университет имени Коста Левановича Хетагурова,
Владикавказ, Российская Федерация*

✉ m.basi@mail.ru

Аннотация. В настоящей статье рассматривается проблема увеличения доходной части местных бюджетов как необходимого условия повышения эффективности функционирования муниципальных образований в Российской Федерации. Собственные налоговые и неналоговые доходы большинства муниципалитетов Российской Федерации представляют незначительную долю в составе доходной части местных бюджетов, что объясняется достаточно высокой степенью централизованности отечественной финансовой системы. Местные налоги и нормативы отчислений от соответствующих федеральных и региональных налогов, поступающие в нижестоящие бюджеты, не могут обеспечить полную самодостаточность местного самоуправления. Более того, имеющихся финансовых средств хватает в лучшем случае лишь для «латания дыр», а вопрос о бюджете развития при этом остается открытым. Существует настоятельная потребность в реформировании всей системы финансового обеспечения компетенционной сферы муниципальной власти, что предполагает принципиально иной методологический подход. Предмет настоящего научного исследования обуславливает необходимость анализа действующего федерального законодательства, а также практики его применения с точки зрения выявления комплекса проблем в контексте эффективности финансовой обеспеченности реализации полномочий местного самоуправления. Кроме того, анализируются научные труды российских и зарубежных авторов, затрагивающие различные аспекты рассматриваемой проблематики. Методологической базой проведенного исследования выступили такие методы, как логический, формально-юридический, сравнительно-правовой, системный, а также анализ. Очевидно, что у муниципальных образований должны быть свои полноценные налоговые и неналоговые источники доходной части местных бюджетов, а также следует увеличить (установить) нормативы отчислений отдельных федеральных налогов (налога на доходы физических лиц, налога на прибыль и др.), сделать местными такие налоги, как налог на добычу общераспространенных полезных ископаемых и т. п. Необходимо разработать дифференцированные нормативы и методики расчета размера дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности муниципальных образований с учетом их вида, численности населения, климатических условий, удаленности и транспортной доступности.

Ключевые слова: местное самоуправление; местный бюджет; трансферты; доходы; бюджеты; субвенция; местные налоги; межбюджетные отношения; нормативы финансирования полномочий

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Басиев М. С., 2026

Для цитирования: Басиев М. С. Финансовые основы местного самоуправления в Российской Федерации // Сибирское юридическое обозрение. 2026. Т. 23, № 1. С. 6–17. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2026-23-1-6-17>. EDN: <https://elibrary.ru/yabmdo>

Original scientific article

Financial Foundations of Local Self-Government in the Russian Federation

M. S. Basiev

North Ossetian State University named after Kosta Levanovich Khetagurov, Vladikavkaz, Russian Federation
✉ m.basi@mail.ru

Abstract. This article examines the issue of increasing local budget revenues as a necessary condition for improving the efficiency of municipalities in the Russian Federation. In most municipalities in our country, their own tax and non-tax revenues constitute a small portion of local budget revenues, which is explained by the relatively high degree of centralization of the domestic financial system. Local taxes and the standard deductions from the corresponding federal and regional taxes received by lower-level budgets cannot ensure the complete self-sufficiency of local self-government. Moreover, existing financial resources are sufficient, at best, only to "plug holes," while the issue of a development budget remains unaddressed. There is an urgent need to reformat the entire system of financial support for the competence of municipal government, which requires a fundamentally different methodological approach. The subject of this scientific study necessitated an examination of current federal legislation, as well as the practice of its application, in order to identify a set of problems in the context of the effective financial support for the implementation of local self-government powers. Furthermore, scientific works by Russian and foreign authors touching on various aspects of the problem under consideration are analyzed. The methodological basis for the study included logical, formal-legal, comparative-legal, analytical, and systemic approaches. Clearly, municipalities should have their own comprehensive tax and non-tax sources of local budget revenue. This includes increasing (or establishing) the standards for deducting certain federal taxes (personal income tax, corporate tax, etc.); making such taxes as the mineral extraction tax, etc., local. It is also necessary to develop differentiated standards and methods for calculating the amount of subsidies to equalize the budgetary capacity of municipalities, taking into account their type, population size, climate, remoteness, and transportation accessibility.

Keywords: local government; local budget; transfers; budgets; revenues; subvention; local taxes; inter-budgetary relations; standards for financing powers

Conflict of interest. The Author declares no conflict of interest.

For citation: Basiev M. S. Financial Foundations of Local Self-Government in the Russian Federation. *Siberian Law Review*. 2026;23(1):6-17. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2026-23-1-6-17>. EDN: <https://elibrary.ru/yabmdo> (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Одним из центральных вопросов в рамках обеспечения эффективности местного самоуправления является оптимальное нормативное закрепление его финансовой основы¹, обеспечивающей

¹ Исследователи справедливо отмечают, что в соответствии с Федеральным законом от 20 марта 2025 г. № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» в основе ревизии полномочий органов местного самоуправления лежит принцип соразмерности бюджетных средств [1, с. 98]. Однако указанный подход является спорным: вместо усиления гарантий экономической устойчивости муниципальных образований и системного внедрения принципа субсидиарности осуществляется «подгонка» полномочий под недостаточные финансовые ресурсы.

результативное решение вопросов местного значения², а также развитие муниципалитетов³. Исследователи вполне обоснованно указывают, что расходы местных бюджетов не покрываются в полной мере их собственными средствами, вследствие чего они крайне зависимы от межбюджетных трансфертов, что минимизирует степень их финансовой автономности [4, с. 16–17]⁴. В научной литературе заостряется внимание на отрицательной динамике удельного веса собственной доходной части местных бюджетов в Российской Федерации с начала 2000-х гг., что позволяет специалистам сделать вывод об искусственной дотационности муниципальных образований, создающейся путем направления в вышестоящие бюджеты основной доли налоговых поступлений [5] в результате механизма укрепления вертикали власти и централизации всех ресурсов [6, с. 93].

Кроме того, инкрементальное расширение перечня вопросов местного значения приводит к недостаточности финансовых средств для их надлежущей реализации⁵. В свою очередь субъекты РФ делегируют муниципалитетам отдельные государственные полномочия, которые нередко требуют большего финансирования, нежели предлагается в расчетах регионов⁶.

Отсутствие достаточного количества собственных ресурсов приводит к тому, что муниципалитеты при проектировании бюджета вынуждены исходить из тех приоритетов, которые определяются федеральным и региональным уровнями публичной власти⁷. При этом местные властные структуры в первую очередь заинтересованы в привлечении финансовых средств из вышестоящих бюджетов, а не в развитии собственной доходной основы [7, с. 90–102].

² Представляется спорным утверждение о том, что недостаточность финансовых средств местного бюджета для эффективного решения вопросов непосредственного обеспечения жизнедеятельности местного населения обусловлена отсутствием надлежущего механизма взаимоотношений государственной и муниципальной власти [2, с. 28–29].

³ Польские специалисты отмечают, что принцип справедливости (всеобщее правовое равенство) имеет универсальное значение и может быть применен к размежеванию финансовых средств между государственным уровнем управления и местным самоуправлением. Следовательно, доходные источники должны быть разделены между публично-территориальными образованиями пропорционально их вкладу в осуществление публичных задач [3, с. 394].

⁴ По данным Министерства финансов Российской Федерации, в 2024 г. значительная часть доходов местных бюджетов (64,6 %) была представлена межбюджетными трансфертами из вышестоящих бюджетов. См.: *Результаты мониторинга исполнения местных бюджетов и межбюджетных отношений в субъектах Российской Федерации на региональном и муниципальном уровнях за 2024 год* // М-во финансов Рос. Федерации. 2025. URL: https://minfin.gov.ru/common/upload/library/2025/06/main/Rezultaty_monitoringa_mestnykh_budzhetrov.pdf (дата обращения: 04.10.2025).

⁵ См.: *Информационно-аналитический материал к заседанию Совета по местному самоуправлению при Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации на тему «Актуальные вопросы финансового обеспечения реализации полномочий органов местного самоуправления»* // Материалы к заседанию на тему «Актуальные вопросы финансового обеспечения реализации полномочий органов местного самоуправления». М., 2022. С. 3. URL: <http://council.gov.ru/media/files/AAP0o0U2nVGBwYjx6dRDc3cQmcY-QMVoY.pdf> (дата обращения: 04.10.2025).

⁶ См.: *Материалы к заседанию «Основные направления и перспективы развития местного самоуправления в Российской Федерации»*. М., 2024. С. 25–26. URL: <http://council.gov.ru/media/files/IZ73ipESbh2Iik-mYBDSNQEEmQCB0e7fi3.pdf> (дата обращения: 04.10.2025).

⁷ Примечательно, что в 2023 г. в структуре межбюджетных трансфертов наибольший удельный вес в общем объеме финансирования бюджетов местных сообществ занимали субвенции (45,2 %) и субсидии (31,2 %), имеющие целевой характер. См.: *Результаты мониторинга исполнения местных бюджетов и межбюджетных отношений в субъектах Российской Федерации на региональном и муниципальном уровнях за 2023 год* // М-во финансов Рос. Федерации. 2024. URL: https://minfin.gov.ru/common/upload/library/2024/06/main/Rezultaty_monitoringa_2024.pdf (дата обращения: 04.10.2025).

В рамках расходной части бюджетов муниципалитетов значительную долю, наряду с обеспечением социальных обязательств и мерами по поддержке имеющейся инфраструктуры, должен занимать элемент развития («бюджет развития»)⁸. В частности, Федеральный закон от 20 марта 2025 г. № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти»⁹ при указании полномочий органов местного самоуправления по решению вопросов непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения относит к ним такие функциональные сферы, как создание условий для развития сельскохозяйственного производства, расширение рынка сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия, а также содействие развитию малого и среднего предпринимательства. Кроме того, в соответствии с пп. 1 и 3 ч. 1 ст. 11 Федерального закона от 24 июля 2007 года № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации»¹⁰ компетенция муниципальных властных структур включает в себя формирование и осуществление муниципальных программ (подпрограмм) с учетом национальных и местных социально-экономических, экологических, культурных и других особенностей, формирование инфра-

структуры поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства на территориях муниципальных образований и обеспечение ее деятельности.

Однако представители муниципальных образований указывают на отсутствие у них необходимых финансовых средств на соответствующие цели – все ресурсы идут на «латание дыр», а не на развитие [8, с. 179].

Таким образом, муниципалитетам следует фокусироваться на развитии собственной доходной части бюджетов посредством увеличения налоговых и неналоговых поступлений¹¹. Кроме того, стоит учитывать, что доходные источники местного бюджета важны не сами по себе в абсолютных цифрах, а с учетом соразмерности с объемом компетенции, закрепленной за муниципальными властными структурами [9, с. 71]. В связи с этим исследователи предлагают, в частности, масштабировать механизм заключения концессионных соглашений, а также расширить деятельность в сфере земельных правоотношений [10, с. 229], внедрить практику укрупнения муниципальных образований [11] и др.

Необходимо отметить, что приоритетом выступает наделение муниципалитетов собственными существенными налоговыми и неналоговыми источниками

⁸ В отраслевом разрезе в структуре расходных обязательств местных бюджетов основную долю в 2023 г. составили ассигнования на образование и ЖКХ (62 %). См.: *Результаты* мониторинга исполнения местных бюджетов и межбюджетных отношений в субъектах Российской Федерации на региональном и муниципальном уровнях за 2023 год ...

⁹ Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹⁰ Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹¹ В частности, в 2024 г. размер доходов бюджетов местных сообществ составил 8197 млрд руб., в том числе налоговые доходы – 2492,1 млрд руб., неналоговые доходы – 397 млрд руб., трансферты – 5307,9 млрд руб. Таким образом, удельный вес собственных налоговых доходов в общем объеме поступлений составил около 30 %. Также в системе налоговых доходов местных бюджетов более двух третей (67,1 %) составили поступления от нормативов отчислений по налогу на доходы физических лиц, в то время как местные налоги (земельный налог и налог на имущество физических лиц) в совокупности – 10,6 %. По итогам 2023 г. 93,4 % муниципалитетов являлись получателями дотаций. См., напр.: *Результаты* мониторинга исполнения местных бюджетов и межбюджетных отношений в субъектах Российской Федерации на региональном и муниципальном уровнях за 2024 год ... ; *Результаты* мониторинга исполнения местных бюджетов и межбюджетных отношений в субъектах Российской Федерации на региональном и муниципальном уровнях за 2023 год ...

доходной части их бюджетов¹². Как вполне обоснованно отмечают специалисты, если муниципальные образования в значительной мере находятся в зависимости от межбюджетных трансфертов с более высоких уровней публичной власти, то любая серьезная нестабильность в финансовой сфере последних практически всегда обуславливает сокращение объема трансфертов в бюджеты субнационального и местного уровней. В случае децентрализации бюджетной системы при возникновении кризиса муниципальная финансовая самостоятельность будет способствовать автономному и более оперативному реагированию местных сообществ на возникающие проблемы, что в конечном итоге позволит быстрее преодолеть трудный период за счет создания стабилизирующего эффекта. Немаловажно, что в подобной ситуации жители населенных пунктов, входящих в состав муниципальных образований, охотнее поддержат стратегию жесткой экономии, участвуя в принятии соответствующих решений [12, с. 32–36].

Необходимость системного исследования проблематики повышения финансовой устойчивости муниципальных образований в Российской Федерации обусловила потребность в изучении положений федерального бюджетного законодательства, а также анализе результатов

практики его применения, в том числе со стороны Министерства финансов РФ. Помимо того, универсальность заявленной темы позволяет обратиться к релевантному иностранному опыту. Немало внимания в настоящей статье уделено критическому исследованию позиций отечественных и зарубежных специалистов по вопросам совершенствования порядка формирования доходной части муниципальных бюджетов.

Указанная проблематика обусловила использование различных методов исследования, среди которых следует упомянуть системный, сравнительно-правовой, логический, формально-юридический и аналитический методы. Данный инструментарий позволил комплексно рассмотреть все проблемные вопросы.

МОДЕЛИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ФИНАНСОВОЙ ОСНОВЫ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

Как справедливо отмечает Е. М. Бухвальд, правовая модель содействия социально-экономическому развитию муниципальных образований должна предполагать не возрастающую «перекачку» средств из вышестоящих бюджетов, а активную мотивирующую помощь по расширению и более эффективному использованию экономического потенциала муниципалитетов [13, с. 27].

---

¹² В материалах Европейской комиссии анализируется такой показатель местного самоуправления, как фискальная автономия, связанная со степенью возможности муниципальных образований осуществлять независимое налогообложение. Исследование законодательной базы и практики ее применения в различных государствах позволило выделить следующие уровни фискальной автономии: отсутствие права у местных сообществ устанавливать базу и ставку какого-либо налога; наделение муниципальных образований правом устанавливать базу или ставку второстепенных налогов; наделение муниципалитетов правом устанавливать ставку одного основного налога (личного подоходного, корпоративного, на добавленную стоимость и др.) с учетом закрепленных нормативных ограничений; право местной власти устанавливать ставку одного основного налога с небольшими ограничениями или без них; право муниципалитетов устанавливать базу и ставку более чем одного основного налога. Российская Федерация в данной классификации отнесена к первой категории. Аналогичная ситуация наблюдается в отношении показателей, связанных с удельным весом доходов местных сообществ, полученных из собственных источников, в общем объеме доходной части. См.: *Ladner A., Keuffer N., Bastianen A. Local Autonomy Index in the EU, Council of Europe and OECD countries (1990–2020). Release 2.0. Brussels : European Commission, 2021. P. 34–36. URL: https://ec.europa.eu/regional_policy/sources/policy/analysis/KN-07-22-144-EN-N.pdf (дата обращения: 27.08.2025).*

В данном контексте к настоящему времени выдвинуты различные предложения, связанные как с увеличением нормативов отчислений в бюджеты местных сообществ от федеральных и региональных налогов¹³, так и с передачей дополнительных налоговых доходов [14, с. 3–4]¹⁴. Так, специалисты акцентируют внимание на востребованности увеличения норматива зачисления налога на добавленную стоимость [15, с. 6], закреплении нормативов отчислений от налога на прибыль и налога, уплачиваемого в связи с применением упрощенной системы налогообложения [5]¹⁵, целесообразности отнесения к числу местных налогов транспортного налога, налога на добычу общераспространенных полезных ископаемых¹⁶ и всех установленных имущественных налогов [16, с. 240], необходимости нормативного закрепления за всеми уровнями публичной власти двух–трех налогов с различной налогооблагаемой базой [16, с. 239].

Также отмечается необходимость определить нормативы финансового обеспечения муниципальной компетенции по аналогии с передаваемыми местным сообществам отдельными государственными полномочиями. «Важно при этом учесть, чтобы за местными бюджетами закреплялись такие источники налоговых доходов, на развитие налогооблагаемой базы которых на своей территории могли бы влиять и органы местного самоуправления... Это повысит заинтересованность органов местного самоуправления в развитии на территории муниципального образования промышленного производства, местной экономики, малого и среднего бизнеса» [17, с. 154].

Есть все основания для поддержки указанных предложений в отношении как повышения (закрепления) нормативов отчислений от федеральных и региональных налогов, так и отнесения дополнительных налоговых доходов к разряду местных.

¹³ В перечне поручений по итогам заседания Совета при Президенте по развитию местного самоуправления от 4 июня 2023 г. закреплено поручение Правительству Российской Федерации представить предложения о переходе к установлению дополнительных нормативов отчислений в местные бюджеты от федеральных и региональных налогов и сборов (п. 2а-1). См.: *Перечень поручений по итогам заседания Совета при Президенте по развитию местного самоуправления // Президент России. 2023. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/71296> (дата обращения: 04.10.2025).*

Подобные положения имеются и в решении Совета по местному самоуправлению при Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации от 16 июля 2024 г. Также органам государственной власти субъектов РФ рекомендовано представить предложения о создании условий для укрепления собственной доходной части местных бюджетов, а также об активном применении на практике инструментов межбюджетного регулирования в целях увеличения налоговых и неналоговых доходов местных бюджетов. См.: *Решение Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации на тему «Государственная поддержка социально-экономического развития муниципальных образований в современных условиях (актуальные вопросы, механизмы и формы)» // Совет Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации. 2024. URL: <http://council.gov.ru/media/files/owDKImfBo60wBTkul4qsg32SBBcT5b6G.pdf> (дата обращения: 04.10.2025).*

¹⁴ См.: *Информационно-аналитический материал к заседанию Совета по местному самоуправлению при Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации на тему «Актуальные вопросы финансового обеспечения реализации полномочий органов местного самоуправления» ... С. 9–10.*

¹⁵ Специалисты обращают внимание на то, что в ряде иностранных государств (Австрии, Италии, Испании, США) за местными бюджетами закреплены налоги на прибыль организаций, что способствует развитию предпринимательства на территориях муниципальных образований.

¹⁶ См.: *Информационно-аналитический материал к заседанию Совета по местному самоуправлению при Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации на тему «Государственная поддержка социально-экономического развития муниципальных образований в современных условиях (актуальные вопросы, механизмы и формы)». М., 2024. С. 7. URL: <http://council.gov.ru/media/files/D5ZgAldnvwI0AzsEJhQQ4EYB0fyBQgq7.pdf> (дата обращения: 04.10.2025).*

**ПРОБЛЕМА СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ
ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
РАСПРЕДЕЛЕНИЯ МЕЖБЮДЖЕТНЫХ
ТРАНСФЕРТОВ МЕСТНЫМ БЮДЖЕТАМ**

Необходимо модифицировать бюджетное законодательство в части регулирования механизма расчета дополнительных финансовых поступлений из вышестоящих бюджетов в бюджеты местных сообществ.

Так, в настоящее время Бюджетный кодекс Российской Федерации (далее – БК РФ) предусматривает критерий взимаемости определенного налога или сбора в пределах территории муниципального образования при закреплении нормативов отчислений от федеральных налогов и сборов в местный бюджет (в частности, ч. 2 ст. 61, ч. 2 ст. 61.1, ч. 2 ст. 61.2 и др.). При этом Министерство финансов Российской Федерации отмечает, что выбор конкретных федеральных налогов и сборов (налога на доходы физических лиц, единого сельскохозяйственного налога) для установления отчислений в бюджеты муниципальных образований определен тем, что они обладают равномерностью размещения по субъектам РФ и муниципалитетам в отличие от других налогов и сборов, отражающих социально-экономические различия определенных территорий (налога на прибыль, налога на имущество организаций, акцизов, налога на добавленную стоимость). В связи с этим непосредственная передача в местные бюджеты дополнительных средств от данных налоговых источников привела бы к росту дифференциации

регионов и муниципалитетов по уровню их бюджетной обеспеченности¹⁷.

Однако имеющаяся в настоящее время существенная стратификация финансово-экономического положения в субъектах РФ, связанная с различающейся совокупной налогооблагаемой базой, обуславливает потребность в устранении указанной диспропорции путем реализации модели направления трансфертов (включая дотации) местным бюджетам из вышестоящих бюджетов бюджетной системы¹⁸.

Согласно БК РФ выравнивание бюджетной обеспеченности местных сообществ направлено на обеспечение равных финансовых возможностей в сфере оказания муниципальных услуг. Объем дотаций муниципалитетам из бюджета субъекта РФ на выравнивание бюджетной обеспеченности первых устанавливается в соответствии с региональным законом на основе учета численности населения и (или) уровня расчетной бюджетной обеспеченности (соотношение налоговых доходов на одного жителя соответствующей публично-территориальной единицы, которые могут быть получены местным бюджетом, и аналогичного показателя в среднем по муниципальным образованиям конкретного региона исходя из различий в структуре населения, объективных факторов и условий, влияющих на стоимость предоставления муниципальных услуг в расчете на одного жителя) (ч. 3 ст. 137 и ч. 3 ст. 138 БК РФ). Очевидно, что в указанных правовых нормах осуществление соответствующих расчетов базируется

¹⁷ См.: Информационно-аналитический материал к заседанию Совета по местному самоуправлению при Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации на тему «Актуальные вопросы финансового обеспечения реализации полномочий органов местного самоуправления» ...

¹⁸ Исследователи указывают, что в настоящее время имеются значительные различия в уровне социального и экономического развития муниципальных образований. Так, на Европейском Севере Российской Федерации разница в зарплате составляет 1,8–2,5 раза. См.: Информационно-аналитический материал к заседанию Совета по местному самоуправлению при Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации на тему «Государственная поддержка социально-экономического развития муниципальных образований в современных условиях (актуальные вопросы, механизмы и формы)» ... С. 4.

на критерии относительности расходов местных бюджетов исходя из налогового потенциала муниципалитетов конкретного субъекта РФ.

**СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПОРЯДКА
РАСПРЕДЕЛЕНИЯ ДОТАЦИЙ
НА ВЫРАВНИВАНИЕ
БЮДЖЕТНОЙ ОБЕСПЕЧЕННОСТИ
МЕСТНЫМ БЮДЖЕТАМ**

Механизм определения объема дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности муниципальных образований должен основываться на иных объективных факторах – нормативах расходных обязательств местных бюджетов применительно к конкретным видам расходов (жилищно-коммунальное хозяйство, инвестиции в классифицированные объекты инфраструктуры, транспорт и др.)¹⁹.

Как отмечают специалисты, для подобного алгоритма регулирования института предоставления дотаций с высокой степенью вероятности характерна фактическая направленность на средние расходы по соответствующему субъекту РФ на реализацию конкретных полномочий. В то же время при ориентации на нормативы расходных обязательств местных бюджетов применительно к конкретным видам расходов возможно возникновение противоречивой ситуации: общий размер подлежащих распределению финансов в составе дотационных трансфертов не может быть значительно увеличен на фоне объективного уровня возможных расходных обязательств вышестоящих бюджетов [18, с. 17–18].

Таким образом, необходимо модифицировать нормативы и методику определения объема дотаций на выравнивание уровня бюджетной обеспеченности муниципалитетов, в том числе дотаций, направленных на обеспечение перспективного развития муниципальных образований. Финансирование местных сообществ должно осуществляться на основе необходимых для эффективной реализации соответствующих полномочий денежных средств²⁰.

В частности, в зарубежной литературе отмечается, что для финансовой самодостаточности муниципалитетов следует изменить размер процентов отчислений в местные бюджеты в общей сумме налоговых доходов в масштабе всего государства. Вследствие дифференцированного экономического потенциала муниципальных образований при этом необходимо учитывать уровень доходов на душу населения (местные налоговые поступления делятся на численность жителей соответствующей публично-территориальной единицы, затем полученный результат сопоставляется со средним показателем по стране в целом), а также финансовый корректирующий инструмент, обеспечивающий с помощью государственных ресурсов и ресурсов более богатых муниципалитетов осуществление всех необходимых расходов [3, с. 395, 399].

Конкретным примером подобной модели финансирования является механизм, используемый в Северо-Западных территориях Канады. Составляются списки классифицированных объектов

¹⁹ Указанное предложение коррелирует с концепцией модельного бюджета, подразумевающей закрепление общероссийских нормативных показателей стоимости расходных обязательств региональных бюджетов. См.: *Подходы к определению расчетных объемов расходных обязательств субъектов Российской Федерации* // Совет Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации. 2019. URL: <http://council.gov.ru/media/files/CvI R2gK7AaKXAt0OISIQppKHBDCMnAfn.pdf> (дата обращения: 04.10.2025).

²⁰ Подобный алгоритм применяется к порядку определения суммы субвенций на финансовое обеспечение переданных муниципальным властным структурам отдельных государственных полномочий. См.: п. 4 ч. 2 ст. 45 Федерального закона от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» и п. 3 ч. 6 ст. 34 Федерального закона от 20 марта 2025 г. № 33-ФЗ. (Доступ из СПС «КонсультантПлюс».) Исследователями также акцентируется внимание на целесообразности аналогичного подхода к вычислению иных вертикальных трансфертов [19, с. 40–47].

общественной инфраструктуры (здания, дороги, водопроводные и канализационные сети и т. д.), специфичных для каждого муниципального образования, с указанием оценки их текущего состояния, стоимости ремонта, а также отличий в уровне обслуживания. Затем в целях финансирования соответствующих работ определяется средний годовой тариф замены определенного актива, отражающий срок его эксплуатации. В свою очередь финансирование оказания коммунальных услуг по водоснабжению и водоотведению осуществляется на основе фиксированной стоимости соответствующей деятельности с учетом таких критериев, как численность населения, стоимость топлива и электроэнергии, текущие затраты на замену материально-технических средств, заработная плата и др.²¹

Кроме того, данное предложение также коррелирует с концепциями анализа выгод и затрат (benefit–cost analysis) и бюджетирования, связанных с ориентацией на конечный результат. В частности, согласно концепции бюджетирования муниципальная власть должна планировать и исполнять бюджет исходя из учета приоритетов местного сообщества по вопросам развития, связанным с достижением определенных измеримых результатов [20, с. 204].

При установлении нормативов и методики расчета дотаций на выравнивание уровня бюджетной обеспеченности муниципалитетов определяющую роль игра-

ет расчет количественных показателей, выступающих критериями определения итоговой совокупной суммы для обеспечения осуществления всей компетенции муниципальных образований²². В связи с этим следует отметить, что российские исследователи при разработке объема дотаций предлагают использовать такой показатель, как удельный расход местных бюджетов на душу населения муниципальных образований внутри соответствующих макрорегионов (федеральные округа, Арктическая зона РФ и новые субъекты РФ согласно Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 г. с прогнозом до 2036 г.²³). Помимо этого, в отношении сельских поселений исследователи отдельно указывают, что наделение дополнительными источниками налоговых доходов местных бюджетов будет целесообразно в природно-климатических районах с благоприятными условиями ведения сельского хозяйства и развитой аграрной экономической базой, а на территориях с неблагоприятными условиями ведения сельского хозяйства, значительными социально-экономическими проблемами более обоснованно увеличение доходной части бюджетов путем предоставления межбюджетных трансфертов [21, с. 151–152].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, необходимо увеличить (закрепить) нормативы отчисления

²¹ См.: *Focus for the Future: a Strategic Response to the Challenge of Community Government Funding* // Municipal and Community Affairs. 2019. P. 14–15, 20. URL: https://www.maca.gov.nt.ca/sites/maca/files/resources/focus_for_the_future.pdf (дата обращения: 04.10.2025).

²² Показательно, что в подп. 2 п. 4 решения Совета по местному самоуправлению при Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации от 16 июля 2024 г. содержится рекомендация федеральным министерствам осуществить оценку бюджетных расходов для обеспечения исполнения полномочий муниципальных властных структур по решению вопросов местного значения в полном объеме. См.: *Решение Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации на тему «Государственная поддержка социально-экономического развития муниципальных образований в современных условиях (актуальные вопросы, механизмы и формы)»* ...

²³ См.: *Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года* : распоряжение Правительства Рос. Федерации от 28 дек. 2024 г. № 4146-р. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

от федеральных налогов, в частности, налога на доходы физических лиц, налога на прибыль и т. д., а также отнести к числу местных такие налоги, как налог на добычу общераспространенных полезных ископаемых.

В рамках гарантирования всестороннего развития муниципалитетов и осуществления различных видов расходных обязательств бюджетов местных сообществ следует выработать федеральные нормативы минимальной бюджетной обеспеченности, позволяющие реализовать единые стандарты качества жизни граждан Российской Федерации на всей территории страны и учитываемые при предоставлении дотаций.

Следует дифференцировать данные стандарты в соответствии с видами рас-

ходов. Так, в отношении расходов по социальному обеспечению следует исходить из уровня доходов бюджета местного сообщества в расчете на душу населения. В то же время применительно к бюджетным ассигнованиям в общественную инфраструктуру целесообразнее учитывать типовой классифицированный список конкретных объектов с определением стоимости соответствующих видов работ. Кроме того, методика установления федеральных нормативов минимальной бюджетной обеспеченности должна включать механизм выявления актуальной стоимости объекта. Относительно финансового обеспечения других расходных обязательств определяющим фактором также должна быть сумма расходов на одного человека.

Список литературы

1. Гребенникова А. А., Масляков В. В., Мокеев М. М. Полномочия органов местного самоуправления в новых законодательных условиях // *Индустриальная экономика*. 2025. № 4. С. 96–101. DOI: <https://doi.org/10.47576/2949-1886.2025.4.4.013>
2. Нанба С. Б. Конституционные преобразования: перенастройка российского местного самоуправления // *Журнал российского права*. 2021. Т. 25, № 6. С. 27–36. DOI: <https://doi.org/10.12737/jrl.2021.071>
3. Niezgoda A. Constitutional Conditions of Financial Correctional Mechanism for Selfgovernment Voivodeships // *Teka Komisji Prawniczej PAN Oddział w Lublinie*. 2021. Vol. 14, № 2. P. 391–402. DOI: <https://doi.org/10.32084/tekapr.2021.14.2-28>
4. Луныкова Н. А. Обеспечение финансовой основы местного самоуправления в Российской Федерации // *Научный вестник: финансы, банки, инвестиции*. 2020. № 3 (52). С. 12–21.
5. Каурова О. В., Шинкарева О. В. Направления повышения налоговых доходов местных бюджетов в Российской Федерации // *Russian Journal of Management*. 2019. Т. 7, № 1. С. 16–20. DOI: https://doi.org/10.29039/article_5d0b5e6ebc7266.83546986
6. Гретченко А. И. Ключевые проблемы местного самоуправления в России // *Федерализм*. 2017. № 3 (87). С. 87–96.
7. Савельев А. А. Управление финансами муниципального образования «Город Калуга»: проблемы и пути решения // *Финансы и управление*. 2016. № 2. С. 90–102. DOI: <https://doi.org/10.7256/2409-7802.2016.2.15635>
8. Спирин Ф. А. Дотационность муниципального образования: проблемы и способы решения // *Урал – драйвер неиндустриального и инновационного развития России : материалы I Урал. экономич. форума (Екатеринбург, 24–25 окт. 2019 г.) : [в 2 т.] / [отв. за вып.: Я. П. Силин, Е. Б. Дворякина]*. Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. экономич. ун-та, 2019. Т. 2. С. 177–181.
9. Шугрина Е. С. Местные бюджеты как финансовая основа для осуществления полномочий органов местного самоуправления // *Конституционное и муниципальное право*. 2018. № 11. С. 67–74.
10. Саблин Д. А. Проблемы финансирования местного самоуправления в Российской Федерации // *Вопросы российского и международного права*. 2021. Т. 11, № 2А. С. 226–232. DOI: <https://doi.org/10.34670/AR.2021.31.37.029>
11. Косинский П. Д., Чупрякова А. Г. К вопросу бюджетной обеспеченности муниципальных образований сельских поселений // *Региональная экономика и управление: электронный научный журнал*. 2014. № 4 (40). С. 45–57. URL: <https://eee-region.ru/article/4005/> (дата обращения: 27.08.2025).
12. Ladner A. Chapter 1: Autonomy and Austerity: Re-Investing in Local Government // *The Future of Local Government in Europe: Lessons from Research and Practice in 31 Countries*. Baden-Baden : Nomos, 2017. P. 23–52. DOI: <https://doi.org/10.5771/9783845280639-23>

13. Бухвальд Е. М. От новых Основ государственной политики к новому законодательству о местном самоуправлении // Журнал российского права. 2021. Т. 25, № 2. С. 18–29. DOI: <https://doi.org/10.12737/jrl.2021.016>
14. Дышекова А. А., Казова З. М. Актуальные проблемы формирования местных бюджетов и пути их решения // Российский экономический интернет-журнал. 2018. № 1. С. 14. URL: <https://www.e-rej.ru/Articles/2018/Dysheкова.pdf> (дата обращения: 27.08.2025).
15. Жукова А. П., Карамышева Е. П., Осипов В. А. Проблемы управления муниципальными бюджетами (на примере Калужской области) // Вестник евразийской науки. 2023. Том 15, № 4. URL: <https://esj.today/PDF/55ECVN423.pdf> (дата обращения: 27.08.2025).
16. Замятина Н. В. Пути повышения устойчивости местных бюджетов // Регион: экономика и социология. 2010. № 3. С. 237–248.
17. Овчинников И. И. Местное самоуправление в Российской Федерации (теоретические, исторические и правовые аспекты): моногр. М.: Консалтбанкир, 2018. 186 с.
18. Леонов С. Н. Проблемы выравнивания уровня бюджетной обеспеченности муниципальных образований и пути их решения // Регионалистика. 2021. Т. 8, № 4. С. 5–21. DOI: <https://doi.org/10.14530/reg.2021.4.5>
19. Глазунова И. В., Башуров В. Б. Финансово-правовой механизм обеспечения отдельных государственных полномочий, передаваемых органам местного самоуправления // Правоприменение. 2025. Т. 9, № 2. С. 40–47. DOI: [https://doi.org/10.52468/2542-1514.2025.9\(2\).40-47](https://doi.org/10.52468/2542-1514.2025.9(2).40-47)
20. Perlman V. J. Fiscal Distress and Governance Challenges: The Perfect Storm of the Fiscal Crisis // State and Local Government Review. 2009. Vol. 41, № 3. P. 201–207. DOI: <https://doi.org/10.1177/0160323X0904100305>
21. Рубцова В. Н., Ильинская Е. В. Некоторые теоретико-методологические направления совершенствования поддержки муниципальных бюджетов сельских поселений // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 148–158. DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2021-21-2-148-158>

References

1. Grebennikova A. A., Maslyakov V. V., Mokeev M. M. Powers of Local Self-Government Bodies in the New Legislative Conditions. *Industrial Economics*. 2025;4:96-101. DOI: <https://doi.org/10.47576/2949-1886.2025.4.4.013> (In Russ.)
2. Nanba S. B. Constitutional Transformations: Reconfiguring Russian Local Self-Government. *Journal of Russian Law*. 2021;25(6):27-36. DOI: <https://doi.org/10.12737/jrl.2021.071> (In Russ.)
3. Niezgodna A. Constitutional Conditions of Financial Correctional Mechanism for Selfgovernment Voivodeships. *Teka Komisji Prawniczej PAN Oddzial w Lublinie*. 2021;14(2):391-402. DOI: <https://doi.org/10.32084/teka-pr.2021.14.2-28>
4. Lunyakova N. A. Financial Basis Ensuring for the Local Self-Government in the Russian Federation. *Scientific Bulletin: Finance, Banking, Investment*. 2020;3:12-21. (In Russ.)
5. Kaurova O. V., Shinkareva O. V. Directions for Increasing Tax Revenues Local Budgets in the Russian Federation. *Russian Journal of Management*. 2019;7(1):16-20. DOI: https://doi.org/10.29039/article_5d0b5e6ebc7266.83546986 (In Russ.)
6. Gretchenko A. I. Key Problems of Local Self-Government in Russia. *Federalism*. 2017;3:87-96. (In Russ.)
7. Savel'ev A. A. Financial Management of the Municipal District 'Kaluga City': Problems and Solutions. *Finance and Management*. 2016;2:90-102. DOI: <https://doi.org/10.7256/2409-7802.2016.2.15635> (In Russ.)
8. Spirin F. A. Subsidization of Municipalities: Problems and Solutions. In: Silin Ya. P., Dvoryadkina E. B. (Eds.). *Ural – Driver of Neo-Industrial and Innovative Development of Russia. Vol. 2*. Yekaterinburg: Ural State University of Economics Publ.; 2019. P. 177–181. (In Russ.)
9. Shugrina E. S. Local Budgets as a Financial Basis for Exercising of Powers of Local Self-Government Authorities. *Constitutional and Municipal Law*. 2018;11:67-74. (In Russ.)
10. Sablin D. A. The Problems of Financing Local Self-Government in the Russian Federation. *Matters of Russian and International Law*. 2021;11(2A):226-232. DOI: <https://doi.org/10.34670/AR.2021.31.37.029> (In Russ.)
11. Kosinskij P. D., Chuprjakova A. G. To the Question of the Budgetary Security of Municipalities of Rural Settlements. *Regional Economy and Management: Electronic Scientific Journal*. 2014;4:45-57. Available at: <https://eee-region.ru/article/4005/> (accessed: 27.08.2025). (In Russ.)
12. Ladner A. Chapter 1: Autonomy and Austerity: Re-Investing in Local Government. In: *The Future of Local Government in Europe: Lessons from Research and Practice in 31 Countries*. Baden-Baden: Nomos Publ.; 2017. P. 23–52. DOI: <https://doi.org/10.5771/9783845280639-23>
13. Buchwald E. M. From the New Principles of Public Policy to the New Legislation on Local Self-Government. *Journal of Russian Law*. 2021;25(2):18-29. DOI: <https://doi.org/10.12737/jrl.2021.016> (In Russ.)
14. Dysheкова А. А., Казова З. М. Actual Problems of Formation of Local Budgets and Ways of Their Solution. *Russian Economic Online Journal*. 2018;1:14. Available at: <https://www.e-rej.ru/Articles/2018/Dysheкова.pdf> (accessed: 27.08.2025). (In Russ.)

15. Zhukova A. P., Karamysheva E. P., Osipov V. A. Problems of Municipal Budget Management (on the Example of the Kaluga Region). *The Eurasian Scientific Journal*. 2023;15(4). Available at: <https://esj.today/PDF/55ECVN423.pdf> (accessed: 27.08.2025). (In Russ.)
16. Zamyatina N. V. How To Make Municipal Budgets More Stable. *Region: Ekonomika i Sotsiologiya*. 2010;3:237-248. (In Russ.)
17. Ovchinnikov I. I. *Local Self-Government in the Russian Federation (Theoretical, Historical, and Legal Aspects)*. Moscow: Konsaltbankir Publ.; 2018. 186 p. (In Russ.)
18. Leonov S. N. Problems of Equalization the Level of Budget Security of Municipalities and Ways To Solve Them. *Regionalistics*. 2021;8(4):5-21. DOI: <https://doi.org/10.14530/reg.2021.4.5> (In Russ.)
19. Glazunova I. V., Bashurov V. B. Financial and Legal Mechanism for Ensuring Certain State Powers Delegated To Local Governments. *Law Enforcement Review*. 2025;9(2):40-47. DOI: [https://doi.org/10.52468/2542-1514.2025.9\(2\).40-47](https://doi.org/10.52468/2542-1514.2025.9(2).40-47) (In Russ.)
20. Perlman B. J. Fiscal Distress and Governance Challenges: The Perfect Storm of the Fiscal Crisis. *State and Local Government Review*. 2009;41(3):201-207. DOI: <https://doi.org/10.1177/0160323X0904100305>
21. Rubtsova V. N., Pliyanskaya E. V. Some Theoretical and Methodological Directions for Improving the Support of Rural Settlements' Municipal Budgets. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*. 2021;21(2):148-158. DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2021-21-2-148-158> (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Марат Сосланбекович Баснев, доцент кафедры публично-правовых дисциплин Северо-Осетинского государственного университета имени Коста Левановича Хетагурова (ул. Ватутина, 44–46, Владикавказ, 362025, Российская Федерация), кандидат юридических наук; ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-2962-2045>; e-mail: m.basi@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Marat S. Basiev, Associate Professor of the Department of Public Law Disciplines at the North Ossetian State University named after Kosta Levanovich Khetagurov (44–46 Vatutin str., Vladikavkaz, 362025, Russian Federation), Candidate of Legal Sciences; ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-2962-2045>; e-mail: m.basi@mail.ru

Поступила | Received
08.10.2025

Поступила после рецензирования
и доработки | Revised
05.11.2025

Принята к публикации | Accepted
18.11.2025

УДК 342.9
DOI: 10.19073/2658-7602-2026-23-1-18-38
EDN: YJEPK

Оригинальная научная статья

Административная ответственность арбитражного управляющего за деяния, предусмотренные частями 3 и 3.1 статьи 14.13 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации

А. Г. Быкова

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, Омск, Российская Федерация

✉ anastasyigen@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена проблеме административной ответственности арбитражных управляющих в рамках современного законодательства Российской Федерации. Основное внимание уделяется анализу объективной стороны состава административного правонарушения, предусмотренного чч. 3 и 3.1 ст. 14.13 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. Исследование обусловлено ростом числа дел о банкротстве и увеличением количества административных правонарушений, связанных с неправомерными действиями арбитражных управляющих. Целью статьи является анализ судебной практики и выявление типичных ошибок и проблем в правоприменении. Эмпирическую базу исследования составили решения арбитражных судов, размещенные в программном комплексе «Электронное правосудие», за период 2014–2025 гг. Научная новизна заключается в комплексном анализе судебной практики применения указанных норм, что ранее не было предметом детального исследования. Методологическую основу составили анализ нормативных правовых актов, изучение судебной практики и сравнительно-правовой метод. Проанализированы конкретные судебные решения, выявляющие тенденции и проблемы в правоприменении. Особое внимание уделено анализу объективной стороны административных правонарушений, что позволяет выявить специфику квалификации неправомерных действий при банкротстве. Практическая значимость исследования определяется возможностью использования его результатов для совершенствования правоприменительной практики и разработки рекомендаций по улучшению законодательства в сфере административной ответственности арбитражных управляющих. Анализ судебной практики позволяет выявить типичные ошибки и пробелы в правоприменении, что способствует повышению эффективности контроля за деятельностью арбитражных управляющих и снижению количества правонарушений в данной сфере. В статье также рассмотрены принципы справедливости и законности при распределении имущества должника. Нарушение этих принципов арбитражным управляющим, повлекшее причинение крупного ущерба, образует состав административного правонарушения. Судебная практика применяет эти принципы при квалификации действий управляющих. Анализ решений судов позволяет утверждать, что суды не всегда с должным вниманием относятся к принятию решений по рассматриваемым спорам. Например, в некоторых случаях суды признают действия управляющих неправомерными на основании формальных признаков, в то время как в других случаях требуются доказательства умысла или неосторожности. Это указывает на необходимость дальнейшего совершенствования законодательства и правоприменительной практики в данной сфере.

Ключевые слова: административная ответственность арбитражных управляющих; Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях; арбитражный суд; Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)»; дисквалификация; устное замечание; предупреждение

© Быкова А. Г., 2026

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Быкова А. Г. Административная ответственность арбитражного управляющего за деяния, предусмотренные частями 3 и 3.1 статьи 14.13 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации // Сибирское юридическое обозрение. 2026. Т. 23, № 1. С. 18–38. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2026-23-1-18-38>. EDN: <https://elibrary.ru/yjjepek>

Original scientific article

Administrative Liability of an Insolvency Practitioner for Acts Provided For in Parts 3 and 3.1 of Article 14.13 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation

A. G. Bykova

Dostoevsky Omsk State University, Omsk Russian Federation

✉ anastasyigen@yandex.ru

Abstract. The article considers the problem of administrative responsibility of arbitration managers in the context of modern legislation of the Russian Federation. The main attention is paid to the analysis of the objective side of the corpus delicti of an administrative offense provided by parts 3 and 3.1 of article 14.13 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation. The study is conditioned by the growing number of bankruptcy cases and the increasing number of administrative offenses related to illegal actions of arbitration managers. The purpose of the article is to analyze court practice and identify typical errors and problems in law enforcement. The empirical basis of the study were the decisions of arbitration courts posted in the program complex “Electronic Justice” for the period 2014–2025. Scientific novelty lies in the comprehensive analysis of judicial practice of application of the above norms, which was not previously the subject of a detailed study. The research methodology includes analysis of normative legal acts, study of judicial practice and comparative legal method. The article considers specific court decisions revealing trends and problems in law enforcement. Special attention is paid to the analysis of the objective side of administrative offenses, which allows to reveal the specifics of qualification of wrongful acts in bankruptcy. Practical significance of the research consists in the possibility of using its results to improve law enforcement practice and development of recommendations to improve the legislation in the field of administrative responsibility of arbitration managers. The analysis of judicial practice allows to identify typical errors and gaps in law enforcement, which contributes to improving the effectiveness of control over the activities of arbitration managers and reducing the number of offenses in this area. The article also considers the principles of fairness and legality in the distribution of the debtor's property, which are an integral part of the object of administrative offense. Violation of these principles by an insolvency practitioner, resulting in the infliction of major damage, forms the corpus delicti of this offense. Judicial practice consistently applies these principles in qualifying the actions of trustees. An analysis of court decisions suggests that courts do not always take due care in making decisions on disputes under consideration. For example, in some cases courts recognize the actions of managers as unlawful on the basis of formal features, while in other cases evidence of intent or recklessness is required. This indicates the need for further improvement of legislation and law enforcement practice in this area.

Keywords: administrative responsibility of arbitration managers, Code of Administrative Offenses of the Russian Federation, arbitration court, Federal Law “On Insolvency (Bankruptcy)”

Conflict of interest. The Author declares no conflict of interest.

For citation: Bykova A. G. Administrative Liability of an Insolvency Practitioner for Acts Provided For in Parts 3 and 3.1 of Article 14.13 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation. *Siberian Law Review*. 2026;23(1):18–38. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2026-23-1-18-38>. EDN: <https://elibrary.ru/yjjepek> (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность настоящего исследования обусловлена значительным ростом числа дел о банкротстве в Российской Федерации и, как следствие, увеличением количества административных правонарушений, связанных с неправомерными действиями арбитражных управляющих. Части 3 и 3.1 ст. 14.13 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) устанавливают ответственность за неправомерные действия при банкротстве, что делает их предметом пристального внимания со стороны правоприменительных органов и судебных инстанций. Анализ судебной практики показывает, что применение данных норм часто вызывает споры. Это свидетельствует о необходимости их детального изучения для формирования единообразных подходов к их применению.

Целью статьи является анализ объективной стороны состава административного правонарушения, предусмотренного чч. 3 и 3.1 ст. 14.13 КоАП РФ, в контексте ответственности арбитражных управляющих.

Эмпирической базой данного исследования стали решения арбитражных судов, размещенные в картотеке арбитражных дел программного комплекса «Электронное правосудие»¹. Проанализированы решения арбитражных судов за период 2014–2025 гг.

Научная новизна исследования заключается в детальном и системном рассмотрении объективной стороны состава административного правонарушения, раскрывающем специфику квалификации неправомерных действий арбитражного управляющего с учетом требований чч. 3 и 3.1 ст. 14.13 КоАП РФ и соответствующих норм Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несо-

стоятельности (банкротстве)»² (далее – ФЗ «ОНБ»). Научная новизна состоит также в комплексном анализе судебной практики применения чч. 3 и 3.1 ст. 14.13 КоАП РФ, что до настоящего времени не имело достаточного освещения в научной литературе. В статье рассмотрены не только теоретические аспекты административной ответственности арбитражных управляющих, но и конкретные судебные решения, выявляющие тенденции и проблемы в правоприменении. Особое внимание уделено анализу объективной стороны административных правонарушений, что позволяет выявить специфику квалификации неправомерных действий при банкротстве.

Практическая значимость исследования состоит в том, что его результаты могут быть использованы для совершенствования правоприменительной практики, а также для разработки рекомендаций по улучшению законодательства в сфере административной ответственности арбитражных управляющих. Анализ судебной практики позволил выявить типичные ошибки и пробелы в правоприменении, что может способствовать повышению эффективности контроля за деятельностью арбитражных управляющих и снижению количества правонарушений в данной сфере. Кроме того, результаты исследования могут быть полезны для обучения и повышения квалификации арбитражных управляющих, а также подготовки методических рекомендаций для судей и правоприменительных органов.

Для достижения поставленной цели использованы следующие научные методы:

– анализ нормативных правовых актов – положений КоАП РФ, ФЗ «ОНБ», а также иных нормативных актов, регулирующих деятельность арбитражных управляющих;

¹ URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 05.07.2025).

² Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

– анализ судебной практики, включающий изучение решений арбитражных судов по делам об административных правонарушениях, предусмотренных чч. 3 и 3.1 ст. 14.13 КоАП РФ, а также постановлений Верховного Суда Российской Федерации и Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, формирующих единообразную практику применения указанных норм;

– сравнительно-правовой метод, позволивший сопоставить подходы к квалификации неправомерных действий арбитражных управляющих в различных судебных инстанциях.

Таким образом, полученные результаты могут способствовать развитию научно-обоснованной системы административной ответственности, ориентированной на обеспечение баланса интересов кредиторов, должника и общества, а также повышению эффективности законодательного регулирования и судебной практики в сфере банкротства и административного права.

Сформулированные выводы основаны на действующем законодательстве и подтверждаются результатами анализа судебной практики, что гарантирует юридическую точность и системность представленных положений.

***

Традиционно под административной ответственностью понимается исполнение лицом, совершившим административное правонарушение, обязанности претерпеть предусмотренные санкцией юридической нормы лишения личного, имущественного или организационного характера³. В научных исследованиях рас-

сматриваются составы административных правонарушений, обобщается судебная практика по ним и таким образом характеризуются обязанности лица исполнять наложенные на него санкции [1–3].

Арбитражный управляющий – гражданин Российской Федерации, утверждаемый арбитражным судом для проведения процедур банкротства и осуществления иных установленных законом полномочий, являющийся членом одной из саморегулируемых организаций. Правовое положение арбитражного управляющего устанавливается ФЗ «ОНБ». Данный закон определяет материально-правовые нормы (процедуры, права, обязанности), нарушение которых может повлечь административную ответственность по КоАП РФ. Административная ответственность за неправомерные действия при банкротстве установлена ст. 14.13 КоАП РФ.

Как неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации в своих решениях, учитывая особый публично-правовой характер деятельности арбитражных управляющих, связанный с исполнением ими функций, возложенных государством, законодатель обладает правом устанавливать в отношении данных лиц специальные требования. В частности, арбитражные управляющие квалифицируются как должностные лица в соответствии с примечанием к ст. 2.4 КоАП РФ, что обосновывает применение к ним повышенного уровня административной ответственности за нарушение установленных норм. Такой подход обусловлен необходимостью обеспечения высокого уровня публичного контроля и ответственности при реализации

---

³ В решениях судов можно встретить и иную трактовку понятия административной ответственности, например: «Административная ответственность как реализация принудительных мер представляет собой средство самозащиты государства от вреда, причиненного нарушением действующих в государстве правил». См.: *Решение* Арбитр. суда Респ. Калмыкия от 4 июня 2025 г. по делу А22-1054/2025 // Электр. правосудие. 2025. URL: https://mkad.arbitr.ru/Kad/PdfDocument/372e1754-bceb-43e7-addc-b9828d6fea1a/ffc1afb8-2ec8-40b6-8f3f-caa53a485f4a/A22-1054-2025_20250604_Reshenija_i_postanovlenija.pdf (дата обращения: 07.07.2025).

арбитражными управляющими возложенных на них полномочий⁴.

Часть 3 ст. 14.13 КоАП РФ предусматривает ответственность арбитражного управляющего, утвержденного в деле о банкротстве, за совершение им действий (бездействие), нарушивших установленную законом процедуру банкротства и причинивших крупный ущерб кредиторам, должнику или иным лицам. Такие действия (бездействие) не должны содержать уголовно наказуемого деяния. В качестве наказания предусматривается предупреждение или наложение административного штрафа на должностных лиц в размере от 25 тыс. до 50 тыс. руб.

Объектом административного правонарушения являются общественные отношения в сфере банкротства. Рассматриваемое правонарушение посягает на установленный ФЗ «ОНБ» порядок проведения процедур банкротства (наблюдения, финансового оздоровления, внешнего управления, конкурсного производства, мирового соглашения), являющийся необходимым условием оздоровления экономики, а также защиты прав и законных интересов собственников организаций, должников и кредиторов. В качестве охраняемых ценностей выступают законные права и интересы кредиторов (включая государство как кредитора по налогам и сборам), должника и иных лиц, участвующих в деле о банкротстве.

В составе административного правонарушения, предусмотренного ч. 3 ст. 14.13 КоАП РФ, принципы справедливости и законности при распределении имущества должника являются непосредственным элементом объекта правонарушения.

Принцип справедливости, установленный в ст. 2 ФЗ «ОНБ», позволяет

обеспечить равный (пропорциональный) и недискриминационный подход к удовлетворению требований кредиторов, относящихся к одной очереди, при распределении имущества должника. Требования кредиторов каждой очереди удовлетворяются после полного удовлетворения требований предыдущей очереди. В рамках одной очереди требования удовлетворяются пропорционально их размерам, указанным в реестре требований кредиторов (ст.ст. 134, 138 ФЗ «ОНБ»). Все кредиторы, чьи требования включены в одну очередь реестра, имеют равные права на получение удовлетворения из конкурсной массы пропорционально размеру их требований. Не допускается произвольное изменение данной пропорции в пользу одних кредиторов за счет других. Распределение должно соответствовать размерам законоустановленных требований кредиторов одной очереди.

Принцип законности, определенный ст.ст. 2, 20.3 ФЗ «ОНБ», предусматривает строгое соблюдение арбитражным управляющим всех норм ФЗ «ОНБ» и иных федеральных законов, регулирующих процедуру банкротства, при формировании конкурсной массы и распределении имущества должника между кредиторами. Реализация принципа обязывает продавать имущество должника исключительно на открытых торгах в порядке, установленном ст.ст. 110, 111, 139 ФЗ «ОНБ» (если законом не предусмотрен иной порядок), строго соблюдать установленную очередность удовлетворения требований кредиторов (ст.ст. 134–138 ФЗ «ОНБ»), включать требования кредиторов в реестр строго в соответствии с установленными законом правилами и сроками (гл. 4 ФЗ «ОНБ»), распределять денежные

---

⁴ См.: *Об отказе* в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Мнеев Эрмине Арменаковны на нарушение ее конституционных прав частями 3 и 31 статьи 14.13, частями 1 и 11 статьи 28.1 и пунктом 10 части 2 статьи 28.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях : Определение Конституц. Суда Рос. Федерации от 29 нояб. 2024 г. № 3270-О // Конституц. Суд Рос. Федерации. 2024. URL: <https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision800489.pdf> (дата обращения: 07.07.2025).

средства только в соответствии с реестром требований кредиторов, утвержденным арбитражным судом. Кроме того, ФЗ «ОНБ» устанавливает запрет на оказание предпочтения отдельным кредиторам вопреки установленной законом очередности и пропорциональности.

Нарушение арбитражным управляющим принципов законности и справедливости напрямую посягает на установленный ФЗ «ОНБ» порядок распределения имущества должника, который является частью общего порядка проведения процедур банкротства (основного объекта правонарушения). Такое нарушение приводит к причинению крупного ущерба кредиторам, должнику или иным лицам⁵. Нарушение принципа законности⁶ часто приводит к необоснованной финансовой нагрузке на должника. Несоблюдение принципа справедливости⁷ прямо нарушает имущественные права кредиторов, лишая их части причитающегося удовлетворения в пользу других кредиторов.

Охрана принципов справедливости и законности при распределении имущества – это конкретное проявление охраны прав и законных интересов кредиторов, должника и иных лиц, входящих в содержание родового и видового объектов правонарушения по ст. 14.13 КоАП РФ.

По смыслу Определения Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 23 января 2017 г. № 304-ЭС16-14541 по делу № А70-14095/2015⁸ потребительское банкротство, то есть банкротство граждан, в отличие от банкротства юридических лиц, имеет своей целью не только удовлетворение требований кредиторов с соблюдением требований к очередности и пропорциональности, но и так называемый *fresh start*, то есть возможность начать заново, с чистого листа, путем списания непосильных долговых обязательств гражданина с одновременным введением в отношении него ограничений, установленных ст. 213.30 ФЗ «ОНБ». Это прямо указывает на защиту принципов справедливости (пропорциональность) и законности (очередность)⁹.

Принципы справедливости (пропорциональность и равенство кредиторов одной очереди) и законности (соблюдение установленной законом процедуры и очередности) при распределении имущества должника являются неотъемлемой и охраняемой частью объекта административного правонарушения по ч. 3 ст. 14.13 КоАП РФ. Их несоблюдение арбитражным управляющим, повлекшее причинение крупного ущерба, образует состав данного

⁵ См.: *Решение* Арбитражного суда г. Санкт-Петербурга и Ленинградской обл. от 18 июня 2025 г. по делу № А56-10254/2025 // Электр. правосудие. 2025. URL: https://kad.arbitr.ru/Kad/PdfDocument/8193e010-c8b1-4311-a643-1ba0e34ef161/f09d86c8-aa3c-47ca-a666-b783cec41c26/A56-10254-2025_20250618_Reshenie.pdf (дата обращения: 08.07.2025).

⁶ Например, привлечение специалиста с чрезмерным размером оплаты услуг не соответствует указанным в п. 4 ст. 20.3 ФЗ «ОНБ» критериям, нарушает права и законные интересы лиц, участвующих в деле, а также цели конкурсного производства. См.: *Постановление* Девятнадцатого Арбитражного апелляционного суда от 29 сент. 2021 г. по делу № А48-4675/2019 // Электр. правосудие. 2021. URL: https://kad.arbitr.ru/Kad/PdfDocument/534cdda8-c8f7-4ec5-a7ac-ca50c9e4d7d5/3a2ebce1-ab9e-4348-a079-dd5fbd843126/A48-4675-2019_20210929_Reshenija_i_postanovlenija.pdf (дата обращения: 08.07.2025).

⁷ Например, непропорциональное распределение средств в рамках одной очереди. См.: *Постановление* Восьмого Арбитражного апелляционного суда от 19 июня 2025 г. по делу № А70-17862/2023 // Электр. правосудие. 2025. URL: https://kad.arbitr.ru/Kad/PdfDocument/fea97323-7928-4fa6-a2f8-246e119402d6/42737111-c441-4212-bac9-7460814cebfe/A70-17862-2023_20250619_Postanovlenie_apelljacionnoj_instancii.pdf (дата обращения: 08.07.2025).

⁸ Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁹ См.: *Определение* Арбитражного суда Астраханской обл. от 22 июня 2025 г. по делу № А06-4078/2024 // Электр. правосудие. 2025. URL: https://kad.arbitr.ru/Kad/PdfDocument/aba125b6-1315-4bfc-a466-ce0bbbd0a042/63513396-cfa0-4760-bdce-3ee43a3e8931/A06-4078-2024_20250622_Opredelenie.pdf (дата обращения: 08.07.2025).

правонарушения, так как прямо нарушает установленный федеральным законом порядок банкротства и защищаемые им имущественные права участников процесса. Судебная практика последовательно применяет эти принципы при квалификации действий (бездействия) управляющих.

Нормы ч. 3 ст. 14.13 КоАП РФ являются бланкетными, поэтому для привлечения лица к административной ответственности по указанной статье заявителю необходимо доказать неисполнение арбитражным управляющим обязанностей, установленных законодательством о несостоятельности (банкротстве), а также наличие вины арбитражного управляющего в допущенном нарушении.

Объективная сторона административного правонарушения по ч. 3 ст. 14.13 КоАП РФ характеризует действие (бездействие) арбитражного управляющего, нарушающее требования ФЗ «ОНБ» или иных федеральных законов, регулирующих процедуры банкротства и порядок их проведения.

Объективная сторона правонарушения может проявляться в непринятии мер по розыску и возврату имущества должника, находящегося у третьих лиц без законных оснований (п. 2 ст. 129 ФЗ «ОНБ»). Данная обязанность может быть исполнена в том числе путем оспаривания неправомερных сделок, совершенных должником, для чего конкурсному управляющему предоставлены следующие права: запрашивать необходимые сведения о должнике, принадлежащем ему имуществе, в том числе об имущественных правах, и об обязательствах должника; подавать в арбитражный суд от имени должника заявления о признании недействительными сделок.

Целью заявления требования о признании сделок должника недействительными является формирование и по-

полнение конкурсной массы должника, что позволит удовлетворить требования кредиторов (п. 1 ст. 61.1, п. 3 ст. 120 ФЗ «ОНБ»). Определением Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 10 июля 2023 г. № 308-ЭС23-2920 по делу № А53-19245/2022¹⁰ Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 30 января 2023 г. по делу № А53-19245/2022 Арбитражного суда Ростовской области отменено, дело направлено на новое рассмотрение в Арбитражный суд Северо-Кавказского округа, поскольку у суда отсутствовали основания для рассмотрения кассационной жалобы арбитражного управляющего на судебные акты единолично без вызова сторон, так как размер назначенного арбитражному управляющему административного штрафа превышает 5000 руб.

Вторым примером объективной стороны правонарушения является бездействие в течение длительного времени по формированию конкурсной массы. В соответствии с п. 8 ст. 213.9 ФЗ «ОНБ» финансовый управляющий обязан принимать меры по выявлению имущества гражданина и обеспечению сохранности этого имущества. Право представления доказательств о принятии управляющим мер по розыску и истребованию указанного имущества лежит на самом управляющем.

Если в определении суда об утверждении финансового управляющего отсутствуют указания о предоставлении данному лицу сведений из Единого государственного реестра записей актов гражданского состояния, то такие сведения предоставляются ему в общем порядке, установленном в ст. 13.2 Федерального закона от 15 ноября 1997 г. № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния»¹¹, на основании запроса по определению арбитражного

¹⁰ Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹¹ Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

суда, рассматривающего дело о банкротстве гражданина.

Анализ решений судов позволяет утверждать, что управляющие не всегда добросовестно относятся к своим обязанностям. В частности, Решением Арбитражного суда Краснодарского края от 12 февраля 2019 г. по делу № А32-15735/2017¹² введена процедура реализации имущества гражданина, а управляющий обратился за получением информации в отношении должника в Управление ЗАГС Краснодарского края лишь 17 апреля 2024 г. Указанное свидетельствует о длительном бездействии арбитражного управляющего по истребованию сведений, необходимых для формирования конкурсной массы.

Данное дело очень показательно, так как впоследствии в Арбитражный суд Краснодарского края обратилось Управление Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии (далее – Управление Росреестра) по Краснодарскому краю с заявлением о привлечении этого арбитражного управляющего к административной ответственности по ч. 3.1 ст. 14.13 КоАП РФ по шести эпизодам:

- 1) управляющим ненадлежащим образом исполнена обязанность по обеспечению сохранности имущества должника, что привело к эксплуатации имущества, являющегося предметом залога без согласия залогодержателя;
- 2) нарушен порядок опубликования сведений о проведении торгов по продаже имущества должника;
- 3) нарушен порядок реализации имущества должника;

4) длительное время не предпринимались меры по формированию конкурсной массы;

5) нарушен порядок подготовки и предоставления отчетов финансового управляющего в суд;

6) не предпринимались меры по погашению требований кредиторов.

В итоге Арбитражный суд Краснодарского края не нашел в действиях арбитражного управляющего существенного вреда, причиненного государственным либо общественным интересам, правам и интересам кредиторов. Нарушения были квалифицированы как незначительные. С учетом характера административного правонарушения суд принял решение назначить наказание в виде предупреждения¹³.

В свою очередь Арбитражный суд Калининградской области за три схожих эпизода правонарушения ограничился объявлением арбитражному управляющему устного замечания¹⁴. В этом случае суд установил, что нарушения, допущенные управляющим, носили несущественный характер и не причинили значительного ущерба. На всех стадиях производства по делу управляющий не оспаривал вину в совершении правонарушения. Суд признал данное обстоятельство смягчающим ответственность на основании ч. 2 ст. 4.2 КоАП РФ.

Какие-либо доказательства, свидетельствующие о том, что совершенное арбитражным управляющим административное правонарушение привело к наступлению негативных последствий, а также причинило ущерб лицам, участвующим в деле о банкротстве, государственным

¹² URL: https://kad.arbitr.ru/Kad/PdfDocument/31312552-f688-48d0-b10a-78c18d344b63/18e76ac3-7bf9-4c33-b278-661e5217adf3/A32-15735-2017_20190212_Reshenija_i_postanovlenija.pdf (дата обращения: 07.07.2025).

¹³ См.: *Решение* Арбитр. суда Краснодар. края от 30 июня 2025 г. по делу № А32-6904/2025 // *Электр. правосудие*. 2025. URL: https://kad.arbitr.ru/Kad/PdfDocument/e2d55928-adaa-4c38-b991-06a0322a38f4/5f6cf1fc-ca7b-42e5-954a-8eb904f32048/A32-6904-2025_20250630_Reshenija_i_postanovlenija.pdf (дата обращения: 07.07.2025).

¹⁴ См.: *Решение* Арбитр. суда Калининград. обл. от 26 июня 2025 г. по делу № А21-4318/2025 // *Электр. правосудие*. 2025. URL: https://kad.arbitr.ru/Kad/PdfDocument/7e38fbc-bcb-e3d9-412b-b5a9-103607b32c53/caf0f7ba-950e-475c-882d-da99db05b1ae/A21-4318-2025_20250626_Reshenija_i_postanovlenija.pdf (дата обращения: 07.07.2025).

интересам, в том числе административным органам и третьим лицам, не были представлены и в материалах дела отсутствовали. Суд полагал, что допущенные нарушения в данном случае не свидетельствовали о пренебрежительном отношении управляющего к исполнению своих обязанностей в той степени, которая обуславливает необходимость воздействия на правонарушителя путем применения предусмотренных мер административной ответственности.

Суд отметил, что назначение административного наказания должно основываться на данных, подтверждающих действительную необходимость применения к лицу, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, в пределах нормы, предусматривающей ответственность за административное правонарушение, именно той меры государственного принуждения, которая с наибольшим эффектом достигала бы целей восстановления социальной справедливости, исправления правонарушителя и предупреждения совершения новых противоправных деяний, а также подтверждающих ее соразмерность в качестве единственно возможного способа достижения справедливого баланса публичных и частных интересов в рамках административного судопроизводства.

Согласно положениям федерального законодательства административная ответственность как сложное правовое явление характеризуется не только своей карательной функцией, но и функцией стимулирования позитивного развития охраняемых отношений, раскрывающей социальную ценность административной ответственности как средства, обеспечивающего становление правопорядка и дисциплины. В связи с этим суд посчитал, что в данном случае назначение административного наказания арбитражному

управляющему в виде дисквалификации не приведет к достижению целей и задач административной ответственности, установленных ст.ст. 1.2 и 3.1 КоАП РФ.

Учитывая обстоятельства дела, Арбитражный суд Калининградской области исходил из того, что в данном случае цель административного наказания, установленная ч. 1 ст. 3.1 КоАП РФ, может быть достигнута превентивно без применения в отношении арбитражного управляющего административного наказания. Указанная цель была достигнута возбуждением дела об административном правонарушении, его рассмотрением и установлением вины лица, его совершившего. Принимая во внимание обстоятельства дела, в соответствии с конституционными принципами соразмерности и справедливости при назначении наказания, суд посчитал возможным признать совершенное правонарушение малозначительным и освободить арбитражного управляющего от административной ответственности, ограничившись устным замечанием.

Устное замечание как мера ответственности за совершение вмененного правонарушения является для арбитражного управляющего в данном случае достаточным наказанием в целях достижения задач законодательства об административных правонарушениях, указанных в ст. 1.2 КоАП РФ.

Такая позиция Арбитражного суда соответствует п. 17 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 2 июня 2004 г. № 10 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях»¹⁵. Пленум Высшего Арбитражного Суда РФ разъяснил, что, установив при рассмотрении дела о привлечении к административной ответственности малозначительность правонарушения, суд, руководствуясь ч. 2 ст. 206 Арбитражного процессуального

¹⁵ Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

кодекса Российской Федерации и ст. 2.9 КоАП РФ, принимает решение об отказе в удовлетворении требований административного органа, освобождая от административной ответственности в связи с малозначительностью правонарушения, и ограничивается устным замечанием, о чем указывается в мотивировочной части решения.

Обратим внимание на разные меры административного воздействия – замечание и предупреждение, примененные судами за схожие эпизоды. Разница между ними заключается в степени строгости и последствиях их применения.

Замечание является самой мягкой формой административного воздействия. Оно выносится в устной форме при освобождении лица от административной ответственности из-за малозначительности правонарушения (ст. 2.9 КоАП РФ). Данная мера направлена на то, чтобы нарушитель осознал противоправность своего поведения и в дальнейшем не допускал подобного. Замечание не влечет за собой ни каких-либо юридических последствий, ни штрафных санкций или иных ограничений – только моральное осуждение.

Предупреждение представляет собой более строгую меру административного наказания. Оно выносится в письменной форме и может повлечь за собой определенные юридические последствия. Согласно ст. 3.4 КоАП РФ предупреждения могут быть вынесены за предусмотренные соответствующими статьями КоАП РФ административные правонарушения, которые не влекут за собой значительной общественной опасности, но требуют более строгого реагирования со стороны государства. Данная мера на-

казания влечет юридически значимые последствия. Например, лицо, к которому применено предупреждение, с момента вступления в силу судебного постановления и до истечения одного года со дня вручения его копии считается подвергнутым административному наказанию. При совершении повторных правонарушений к нему может быть применено более строгое наказание.

Предусмотренная п. 8 ст. 213.9 ФЗ «ОНБ» обязанность принимать меры по выявлению имущества гражданина и обеспечивать сохранность этого имущества не всегда может быть исполнена управляющим. Так, Управлением Росреестра по Красноярскому краю в качестве противоправного действия, ставшего поводом для обращения в суд, определено отсутствие в месте фактического проживания должника имущества, подлежащего включению в конкурсную массу должника. Вина финансового управляющего заключалась в несовершеннии отдельных действий, направленных на установление факта наличия или отсутствия имущества. Арбитражный суд Красноярского края в своем решении отказал в удовлетворении требований заявителя, а арбитражному управляющему объявил устное замечание¹⁶.

Распространенным нарушением обязанности управляющего является несвоевременное опубликование сведений в Едином федеральном реестре сведений о банкротстве (далее – ЕФРСБ) и газете «Коммерсантъ»¹⁷.

В соответствии с абз. 3 п. 3.1 Порядка формирования и ведения Единого федерального реестра сведений о фактах деятельности юридических лиц и ЕФРСБ и Перечня сведений, подлежащих

¹⁶ См.: *Решение* Арбитр. суда Красноярск. края от 3 марта 2025 г. по делу № А33-38444/2024 // Электр. правосудие. 2025. URL: https://kad.arbitr.ru/Kad/PdfDocument/ebba1f1d-65e0-44c7-9981-61279788eecf/77195120-6953-4c51-b911-dbf2f07b0c46/A33-38444-2024_20250303_Reshenie.pdf (дата обращения: 07.07.2025).

¹⁷ См.: *Об официальном издании, осуществляющем опубликование сведений, предусмотренных Федеральным законом «О несостоятельности (банкротстве)»* : распоряжение Правительства Рос. Федерации от 21 июля 2008 г. № 1049-р. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

включению в ЕФРСБ¹⁸, в случае если федеральным законом или иным нормативным правовым актом предусмотрено внесение (включение) в информационный ресурс сведений, подлежащих также опубликованию, но срок внесения (включения) сведений в информационный ресурс не установлен, соответствующие сведения вносятся (включаются) в информационный ресурс не позднее трех рабочих дней с даты возникновения обязанности по их опубликованию, установленной соответствующим федеральным законом или иным нормативным правовым актом. При нарушении данного требования суды ограничиваются устным замечанием¹⁹ или предупреждением²⁰.

Часто встречающимся административным правонарушением, предусмотренным ч. 3 ст. 14.13 КоАП РФ, является внесение неполных сведений в ЕФРСБ, в частности

сокращенного наименования саморегулируемой организации²¹ (далее – СРО).

ЕФРСБ функционирует на основании ст. 28 ФЗ «ОНБ». Сведения, подлежащие опубликованию в ЕФРСБ, должны содержать фамилию, имя, отчество утвержденного арбитражного управляющего, его индивидуальный номер налогоплательщика, страховой номер индивидуального лицевого счета, адрес для направления корреспонденции, а также наименование соответствующей СРО, государственный регистрационный номер записи о государственной регистрации такой организации, ее индивидуальный номер налогоплательщика и адрес (п. 8 ст. 28 ФЗ «ОНБ»).

В соответствии с п. 4 Порядка опубликования сведений, предусмотренных Федеральным законом «О несостоятельности (банкротстве)», утвержденным Приказом Минэкономразвития России

¹⁸ См.: *Об утверждении* Порядка формирования и ведения Единого федерального реестра сведений о фактах деятельности юридических лиц и Единого федерального реестра сведений о банкротстве и Перечня сведений, подлежащих включению в Единый федеральный реестр сведений о банкротстве : приказ М-во экономического развития Рос. Федерации от 5 апр. 2013 г. № 178. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Документ утратил силу с 1 сентября 2025 г. в связи с изданием приказа Минэкономразвития России от 14 апреля 2025 г. № 237 «О формировании и ведении Единого федерального реестра сведений о банкротстве и Единого федерального реестра сведений о фактах деятельности юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и иных субъектов экономической деятельности, о размещении указанных сведений в информационно-телекоммуникационной сети “Интернет”, а также о взаимодействии оператора Единого федерального реестра сведений о банкротстве и Минэкономразвития России» (вместе с «Порядком формирования и ведения Единого федерального реестра сведений о банкротстве и Единого федерального реестра сведений о фактах деятельности юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и иных субъектов экономической деятельности, размещения указанных сведений в информационно-телекоммуникационной сети “Интернет”, а также взаимодействия оператора Единого федерального реестра сведений о банкротстве и Минэкономразвития России»). (Доступ из СПС «КонсультантПлюс».)

Оценка соблюдения обязательных требований, содержащихся в данном документе, привлечение к административной ответственности за их несоблюдение допускались до 1 сентября 2025 г.

¹⁹ См., напр.: *Мотивированное решение* Арбитр. суда Сахалин. обл. от 26 июня 2025 г. по делу № А59-2120/2025 // Электр. правосудие. 2025. URL: https://kad.arbitr.ru/Kad/PdfDocument/4063fa83-1025-4943-b192-914d723f78f5/663790fb-5d52-4cb9-a3ec-1c58cab9af6f/A59-2120-2025_20250626_Reshenija_i_postanovlenija.pdf (дата обращения: 07.07.2025).

²⁰ См., напр.: *Решение* Арбитр. суда Москов. обл. от 21 марта 2025 г. по делу № А41-4131/2025 // Электр. правосудие. 2025. URL: https://kad.arbitr.ru/Kad/PdfDocument/f6c342f5-8272-4924-afc5-c47d252d1839/21f63c2c-5eec-4847-b441-d61461f926af/A41-4131-2025_20250321_Reshenija_i_postanovlenija.pdf (дата обращения: 07.07.2025).

²¹ См., напр.: *Решение* Арбитр. суда Москов. обл. от 21 марта 2025 г. по делу № А41-4131/2025 ... ; *Решение* Арбитр. суда Омск. обл. от 4 апр. 2025 г. по делу № А46-1716/2025 // Электр. правосудие. 2025. URL: https://kad.arbitr.ru/Kad/PdfDocument/ce00e996-ef4a-4902-8203-c19f80d01137/679d10e6-f4ec-48cd-8588-65ffecbd47b9/A46-1716-2025_20250404_Reshenie.pdf (дата обращения: 07.07.2025) ; *Решение* Арбитр. суда Свердлов. обл. от 11 марта 2025 г. по делу № А60-5727/2025 // Электр. правосудие. 2025. URL: https://kad.arbitr.ru/Kad/PdfDocument/99cd9ab3-e365-474e-99fe-1b0a9034f0fe/3576125f-b76c-42fd-b169-7c86ddd017b6/A60-5727-2025_20250311_Reshenija_i_postanovlenija.pdf (дата обращения: 07.07.2025)

от 12 июля 2010 г. № 292²², в публикуемых сообщениях, содержащих официальные сведения, не допускается использование сокращений, за исключением сокращений, предусмотренных нормативными правовыми актами Российской Федерации.

Исходя из правовой позиции, отраженной в Решении Высшего Арбитражного Суда РФ от 25 декабря 2013 г. по делу № ВАС-14620/13²³, соответствующий запрет на использование общепринятых, но нормативно незакрепленных сокращений вызван необходимостью обеспечения быстрого и свободного доступа любого заинтересованного лица к публикуемым сведениям, направлен на ограничение злоупотреблений и в этой связи полностью соответствует п. 4 ст. 28 ФЗ «ОНБ». Возможный экономический эффект от опубликования отдельных слов с сокращениями не соизмерим с возможным ущербом, который может причинить искажение сведений о банкротстве.

Сокращенное наименование СРО, членом которой обязан быть арбитражный управляющий, не предусмотрено нормативными правовыми актами Российской Федерации. Исходя из правил гражданского законодательства, СРО – это некоммерческая организация, регистрируемая как юридическое лицо. Право на фирменное наименование (в том числе сокращенное) имеет юридическое лицо, действующее именно в организационно-правовой форме коммерческой организации. Также ст. 4 Федерального закона от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях»²⁴,

регулирующая правовые основы наименования данных организаций, не содержит указания на возможность использования ими сокращенного наименования. Следовательно, для некоммерческих организаций применяется только полное наименование, позволяющее определить организационно-правовую форму организации и характер ее деятельности.

Таким образом, в публикациях по делу о банкротстве должника должно быть использовано наименование СРО без сокращения.

Суды указывают и другую позицию по этому вопросу. Так, Семнадцатый арбитражный апелляционный суд в Постановлении от 11 июня 2025 г. по делу № А60-5727/2025²⁵ указал, что не считает отсутствие полного наименования СРО в сообщении, публикуемом в официальном издании, основанием для привлечения к административной ответственности, поскольку п. 8 ст. 28 ФЗ «ОНБ» это не предусматривает, а правильное сокращенное наименование СРО вместе с ее индивидуальным номером налогоплательщика управляющим были указаны.

Решением Арбитражного суда Ханты-Мансийского автономного округа от 23 июня 2025 г. по делу № А75-6351/2025²⁶ отказано в удовлетворении требований административных органов о привлечении к административной ответственности управляющего по п. 7 ст. 213.8 ФЗ «ОНБ». Проблема заключалась в том, что он указал на сайте ЕФРСБ вместо почтового адреса абонентский ящик для получения заполненных бюллетеней для голосования.

²² См.: *Об определении* тиража официального издания, в котором подлежат опубликованию сведения в соответствии с Федеральным законом «О несостоятельности (банкротстве)», периодичности, порядка и сроков опубликования, а также цены на услуги по опубликованию таких сведений (вместе с «Порядком опубликования сведений, предусмотренных Федеральным законом “О несостоятельности (банкротстве)”»). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

²³ Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

²⁴ Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

²⁵ URL: https://kad.arbitr.ru/Kad/PdfDocument/99cd9ab3-e365-474e-99fe-1b0a9034f0fe/97251d1e-24c5-4a7b-959f-5e8a383e9ee5/A60-5727-2025_20250611_Reshenija_i_postanovlenija.pdf (дата обращения: 08.07.2025).

²⁶ URL: https://kad.arbitr.ru/Kad/PdfDocument/9b78b20d-318e-4c7b-993c-b250e5261cbf/60e3ac40-f101-4ddf-9a27-9958f53e5b58/A75-6351-2025_20250623_Reshenija_i_postanovlenija.pdf (дата обращения: 08.07.2025).

Согласно п. 7 ст. 213.8 ФЗ «ОНБ» по решению финансового управляющего или собрания кредиторов оно может проводиться без совместного присутствия лиц, имеющих право на участие в собрании кредиторов, для обсуждения вопросов повестки дня собрания кредиторов и принятия решений по вопросам, поставленным на голосование, в форме заочного голосования. При проведении собрания кредиторов в форме заочного голосования к уведомлению о проведении собрания кредиторов, включенному в ЕФРСБ, должны быть приложены бюллетени для голосования. В абзаце 9 п. 7 данной статьи установлено, что такое уведомление должно содержать почтовый адрес управляющего, по которому должны направляться заполненные бюллетени для голосования, при этом использование почтового абонентского ящика для получения заполненных бюллетеней для голосования не допускается.

Таким образом, было нарушено императивное требование об указании почтового адреса, реквизитами которого, согласно п. 19 Приказа Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации от 17 апреля 2023 г. № 382 «Об утверждении Правил оказания услуг почтовой связи»²⁷, являются: а) для юридического лица – полное или сокращенное наименование (при наличии), для гражданина – фамилия, имя, отчество (при наличии); б) банковские реквизиты (для почтовых переводов, направляемых юридическому лицу или принимаемых от юридического лица); в) название улицы, номер дома, номер квартиры; г) название населенного пункта; д) название района; е) название республики, края, области, автономного округа (области); ж) название страны (для международных почтовых отправлений); з) почтовый индекс.

Суд пришел к выводу, что в данном случае составлением и рассмотрением протокола об административном правонарушении достигнута предупредительная цель административного производства, установленная ст. 3.1 КоАП РФ, в связи с чем к нарушителю подлежит применению такая мера государственного реагирования, как устное замечание, которая призвана оказать воздействие на нарушителя и направлена на то, чтобы предупредить, проинформировать его о недопустимости совершения подобного нарушения впредь.

Одним из проявлений объективной стороны является обязанность управляющего принимать меры по выявлению имущества гражданина и обеспечению его сохранности (п. 8 ст. 213.9 ФЗ «ОНБ»). В качестве примера приведем Решение Арбитражного суда Воронежской области от 23 июня 2025 г. по делу № А14-5590/2025²⁸, которым действия арбитражного управляющего (несвоевременная выплата бывшей супруге должника причитающейся ей суммы за долю совместно нажитого имущества) не признаны основанием для применения критерия малозначительности и назначено наказание в виде предупреждения.

Как показывает анализ судебных решений, большинство поступающих протоколов об административных правонарушениях арбитражных управляющих содержат сведения о формальных нарушениях требований ФЗ «ОНБ», допущенных указанными лицами. Суды, на наш взгляд, правильно отмечают, что данные правонарушения не приводят к существенным нарушениям охраняемых общественных и государственных интересов, не влияют на процедуры банкротства должников. На этом основании можно сделать вывод о том, что при установленных

²⁷ Доступ из «КонсультантПлюс».

²⁸ URL: https://kad.arbitr.ru/Kad/PdfDocument/a885ed74-f30a-4f5c-9ae1-f0c179d19bf9/34f8f2a6-8d49-4978-b3de-24617ed4ba78/A14-5590-2025_20250623_Reshenija_i_postanovlenija.pdf (дата обращения: 07.07.2025).

обстоятельства назначения наказания в пределах санкций, установленных ч. 3 ст. 14.13 КоАП РФ, является чрезмерным. В качестве примера приведем Решение Арбитражного суда Республики Дагестан от 5 ноября 2024 г. по делу № А15-6874/2024²⁹. Управление Росреестра по Республике Дагестан обратилось в суд с заявлением о привлечении арбитражного управляющего к административной ответственности за нарушение срока опубликования на сайте ЕФРСБ сообщения о результатах торгов, о заключении договора купли-продажи имущества должника, использование личного счета для получения денежных средств по договору купли-продажи при наличии специального счета должника, неприкрепление к сообщению о проведении торгов файлов проекта договора купли-продажи и договора о задатке, подлежащих размещению на электронной площадке и включению в ЕФРСБ без опубликования в официальном издании, реализацию залогового имущества (двух объектов недвижимости), осуществленную одним лотом вместо разных, неопубликование сообщения о торгах в газете «Коммерсантъ», непредоставление информации о проведении торгов должнику и непроведение собрания кредиторов по итогам торгов. Вмененные арбитражному управляющему нарушения не порождают каких-либо сомнений в способности данного управляющего к надлежащему ведению процедур банкротства (абз. 4 п. 56 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 22 июня 2012 г. № 35 «О некоторых процессуаль-

ных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве»³⁰). В рамках разбираемого дела суд объявил управляющему устное замечание³¹.

Тем не менее суды не всегда относятся лояльно к формальным нарушениям ФЗ «ОНБ». В марте 2025 г. в Арбитражном суде Липецкой области рассматривалось обособленное дело³² о привлечении арбитражного управляющего за неоднократные нарушения ФЗ «ОНБ». Арбитражному (финансовому) управляющему вменялись в вину шесть событий (эпизодов):

1) нарушение п. 2 ст. 213.8 ФЗ «ОНБ» – в ЕФРСБ не опубликованы сведения о завершении реструктуризации долгов граждан;

2) нарушение п. 13 ст. 213.8 ФЗ «ОНБ» – в ЕФРСБ не приложены копии в электронной форме протоколов собраний кредиторов, а также документы, рассмотренные собраниями кредиторов;

3) нарушение п. 10 Общих правил подготовки, организации и проведения арбитражным управляющим собраний кредиторов и заседаний комитетов кредиторов, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 6 февраля 2004 г. № 56 – в протоколах собраний кредиторов отсутствует информация об общем количестве голосов конкурсных кредиторов и уполномоченных органов по данным реестра требований кредиторов;

4) нарушение п. 10 ст. 110 ФЗ «ОНБ» – в сообщениях о продаже имущества должников в ЕФРСБ отсутствовали проект договора купли-продажи предприятия

²⁹ URL: https://kad.arbitr.ru/Kad/PdfDocument/7340307f-385b-4ee9-bb21-2ea24201412c/98629954-438d-44ee-ade1-614d2c270c56/A15-6874-2024_20241028_Reshenija_i_postanovlenija.pdf (дата обращения: 08.07.2025).

³⁰ Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³¹ Решением Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 1 июля 2025 г. по делу № А15-6874/2024 Решение Арбитражного суда Республики Дагестан от 5 ноября 2024 г. и Постановление Шестнадцатого арбитражного апелляционного суда от 5 февраля 2025 г. по делу № А15-6874/2024 оставлены без изменения, кассационная жалоба – без удовлетворения (URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/7340307f-385b-4ee9-bb21-2ea24201412c> (дата обращения: 08.07.2025)).

³² См.: *Решение* Арбитр. суда Липец. обл. от 6 июня 2025 г. по делу № А36-2070/2025 // Электр. правосудие. 2025. URL: https://kad.arbitr.ru/Kad/PdfDocument/d21e7653-f593-4d98-9e88-3c43141e1093/befc250c-c4f7-4954-8b86-ab1476f814f7/A36-2070-2025_20250606_Reshenija_i_postanovlenija.pdf (дата обращения: 09.07.2025).

и подписанные электронной подписью организатора торгов договоры о задатке;

5) нарушение п. 2 ст. 143 ФЗ «ОНБ» – в отчетах конкурсного управляющего отсутствовали сведения о размерах текущих обязательств должников за процедуры банкротства – реструктуризацию долгов гражданина, не указана информация о проведенной работе по закрытию счетов должников и ее результатах, не указаны сведения о сформированной конкурсной массе, сведения о ходе реализации имущества должников, сведения об описи, о ходе и результатах оценки имущества должников;

6) нарушение п. 17 ст. 20.6 ФЗ «ОНБ» – управляющий выплатил себе дополнительное вознаграждение в размере 7 % от сумм реализованного имущества граждан, при этом в арбитражный суд с заявлениями об утверждении процентов по вознаграждению финансового управляющего не обращался, судебные акты об утверждении процентов по вознаграждению финансового управляющего не выносились.

На момент рассмотрения дела управляющий был четырежды привлечен к административной ответственности по ч. 3 ст. 14.13 КоАП РФ, и на этом основании суд принял решение о применении ч. 3.1 ст. 14.13 КоАП РФ. Изучив представленные доказательства, учитывая характер допущенных нарушений, суд счел возможным применить минимальное наказание, предусмотренное санкцией ч. 3.1 ст. 14.13 КоАП РФ, то есть дисквалификацию сроком на 6 месяцев.

Несмотря на то что суд счел эту меру наказания минимальной, считаем, что она является суровой по отношению к управляющему. Согласно ч. 3.1 ст. 14.13 КоАП РФ дисквалификация арбитражного управляющего является строгой мерой ответственности, которая существенно ограничивает его трудовые права, гарантированные ст. 37 Конституции Российской

Федерации. Данная санкция фактически лишает управляющего возможности заниматься профессиональной деятельностью и получать доход. В условиях современной экономической ситуации в Российской Федерации данная мера должна стимулировать арбитражных управляющих к более ответственному исполнению своих публично-правовых обязанностей.

При применении данной нормы права необходимо исключать формальный подход. Суды при рассмотрении дел о привлечении арбитражных управляющих к административной ответственности по ч. 3.1 ст. 14.13 КоАП РФ должны учитывать все обстоятельства дела и соблюдать принципы справедливости и соразмерности, закрепленные в ст. 1.5 КоАП РФ и ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод³³.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что суды не всегда с должным вниманием относятся к принятию решений по рассматриваемым спорам.

Например, в ноябре 2023 г. Арбитражный суд Пермского края рассматривал заявление Управления Росреестра Пермскому краю о привлечении к административной ответственности арбитражного управляющего по ч. 3.1 ст. 14.13 КоАП РФ. В действиях (бездействии) арбитражного управляющего установлено три нарушения требований ФЗ «ОНБ»:

1) п. 1 ст. 143 – в части непроведения собраний кредиторов;

2) п. 4 ст. 61.1 – в части неопубликования в ЕФРСБ сведений о поданном заявлении о признании сделок недействительными;

3) п. 2 ст. 129 – в части непроведения инвентаризации имущества должника.

С точки зрения суда, совершенные арбитражным управляющим деяния, квалифицированные по ч. 3 ст. 14.13 КоАП РФ, существенно нарушают охраняемые общественные интересы, в том числе

³³ Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

интересы кредиторов и иных заинтересованных лиц в деле о банкротстве должника. Также было установлено, что ранее арбитражный управляющий был привлечен к административной ответственности по ч. 3 ст. 14.13 КоАП РФ и срок наказания не истек. Но суд по непонятным причинам не применил ч. 3.1 ст. 14.13 КоАП РФ, а привлек управляющего к административной ответственности по ч. 3 ст. 14.13 КоАП РФ в виде штрафа в размере 25 000 руб.³⁴

Повторное совершение административного правонарушения еще не означает применение санкции, предусмотренной ч. 3.1 ст. 14.13 КоАП РФ. Например, Решением Арбитражного суда Красноярского края от 15 апреля 2025 г. по делу № А33-7094/2025³⁵ заявителю было отказано в привлечении к административной ответственности арбитражного управляющего по ч. 3.1 ст. 14.13 КоАП РФ в связи с малозначительностью совершенного административного правонарушения, а арбитражному управляющему было объявлено устное замечание.

Управление Росреестра по Забайкальскому краю в июне 2025 г. дважды пыталось привлечь управляющего к административной ответственности по ч. 3 ст. 14.13 КоАП РФ. В результате рассмотрения дела Арбитражный суд Забайкальского края пришел к выводу о том, что рассматриваемые нарушения допущены в рамках одного дела о банкротстве, являются эпизодами одного нарушения и выявлены в связи с вынесением одного и того же частного определения, следовательно, административный ор-

ган должен был возбудить одно дело об административном правонарушении с включением в него всех периодов нарушений для последующего вынесения одного акта о привлечении к административной ответственности. Соответственно, в данном случае составление нескольких протоколов об административном правонарушении и вынесение нескольких решений о привлечении к административной ответственности противоречит принципу однократности наказания, установленному ч. 5 ст. 4.1 КоАП РФ, и ухудшает положение лица, привлекаемого к ответственности³⁶.

Почти экзотичным является требование Управления Росреестра по Санкт-Петербургу о привлечении к административной ответственности арбитражного управляющего за нарушения требований ФЗ «ОНБ» по следующим основаниям: уполномоченный орган констатировал исполнение арбитражным управляющим ненадлежащим образом обязанности по опубликованию сведений о вынесении судебного акта по результатам рассмотрения заявления о привлечении к ответственности контролирующих должника лиц, выразившееся в неопубликовании сведений о наименовании арбитражного суда, принявшего судебный акт, о дате принятия судебного акта. При этом арбитражным управляющим при опубликовании сведений об Определении Арбитражного суда от 27 октября 2022 г. в сообщении № 9999542, включенном в ЕФРСБ 1 ноября 2022 г., указано следующее:

«Решением Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской

³⁴ См.: *Решение* Арбитражного суда Пермского края от 5 дек. 2023 г. по делу № А50-22857/2023 // Электр. правосудие. 2023. URL: https://kad.arbitr.ru/Kad/PdfDocument/e6123bd9-dceb-42ab-bbdc-d9b12f018f33/0e33522c-cae8-4bfd-baf7-653f96c0062b/A50-22857-2023_20231205_Reshenija_i_postanovlenija.pdf (дата обращения: 09.07.2025).

³⁵ URL: https://kad.arbitr.ru/Kad/PdfDocument/c235b6bc-266c-4d62-98fe-1f57724a2adb/86210a2a-0ef8-4ff6-a39a-7e6fdfe475f6/A33-7094-2025_20250415_Reshenie.pdf (дата обращения: 09.07.2025).

³⁶ См.: *Решение* Арбитражного суда Забайкальского края от 4 июня 2025 г. по делу № А78-12920/2024 // Электр. правосудие. 2025. URL: https://kad.arbitr.ru/Kad/PdfDocument/ef7a740e-605d-44c8-8bbe-1232a1b72730/b38ff5b6-7b58-4317-8d05-828aba7a4569/A78-12920-2024_20250604_Reshenija_i_postanovlenija.pdf (дата обращения: 09.07.2025).

области от 07.10.2020 (резолютивная часть объявлена 07.10.2020) по делу № А56-132319/2019 ООО «АГРОПОЛИВ СПБ» (ОГРН 1137847283892, ИНН 7802832398, адрес: 192029, ГОРОД САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, ПРОСПЕКТ БОЛЬШОЙ СМОЛЕНСКИЙ, ДОМ 6, ОФИС 335 А) признано несостоятельным (банкротом), открыто конкурсное производство. Конкурсным управляющим утвержден Мигаленя Алексей Николаевич (ИНН 165912313508, СНИЛС 113-969-788 01, адрес для направления корреспонденции конкурсному управляющему: 197372, г. Санкт-Петербург, а/я 242) – член Союза СРО «ГАУ» (ОГРН 1021603626098, ИНН 1660062005, адрес: 420034, Респ. Татарстан, г. Казань, Московский р-н, ул. Соловецких юнг, д. 7, оф. 1004)».

При этом в ходе судебного заседания управляющему пришлось пояснять, что в публикации от 1 ноября 2022 г. первая строка сообщения содержит указание на наименование суда, принявшего судебный акт. Вместе с тем факт правонарушения в части неуказания в публикации даты судебного акта – определения суда от 27 октября 2022 г. – материалами дела подтвержден и арбитражным управляющим не отрицался, что свидетельствовало о наличии в его действиях события административного правонарушения, предусмотренного ч. 3 ст. 14.13 КоАП РФ. В итоге суд отказал в удовлетворении за-

явленных требований и ограничился только устным замечанием³⁷.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги, остановимся на проблемах административной ответственности арбитражных управляющих.

Одной из ключевых проблем является неоднородность правоприменительной практики. Различные судебные инстанции по-разному интерпретируют нормы чч. 3 и 3.1 ст. 14.13 КоАП РФ, что приводит к неединообразию в квалификации правонарушений арбитражных управляющих. Например, в одних случаях суды признают действия управляющих правонарушающими на основании формальных признаков, в то время как в других случаях требуются доказательства умысла или неосторожности. Анализ судебных актов, по которым арбитражными судами применяется ст. 2.9 КоАП РФ, показал, что абсолютно идентичные нарушения могут квалифицироваться судами и как малозначительные, и как достаточные для привлечения арбитражных управляющих к административной ответственности³⁸.

Другой проблемой нормативного характера является недостаточная конкретизация норм. Части 3 и 3.1 ст. 14.13 КоАП РФ содержат общие формулировки, что создает трудности в их применении. Например, понятие «неправомерные

³⁷ См.: *Решение* Арбитражного суда г. Санкт-Петербурга и Ленинградской обл. от 11 июня 2025 г. по делу № А56-29708/2025 // Электронное правосудие. 2025. URL: https://kad.arbitr.ru/Kad/PdfDocument/b5227225-d72f-4b87-bf42-5e0f392a7f04/169394fd-3c47-40c7-9acf-15081b0ec438/A56-29708-2025_20250611_Reshenie.pdf (дата обращения: 09.07.2025).

³⁸ См., напр.: *Решение* Арбитражного суда Респ. Татарстан от 20 янв. 2015 г. по делу № А65-27488/2014 // Электронное правосудие. 2015. URL: https://kad.arbitr.ru/Kad/PdfDocument/f43582b6-ac56-43a4-87e6-7b06f497192f/7f250eff-394a-4d02-bd44-d11a657f7a7a/A65-27488-2014_20150120_Reshenie.pdf (дата обращения: 10.07.2025); *Решение* Арбитражного суда Костромской обл. от 26 авг. 2014 г. по делу № А31-7493/2014 // Электронное правосудие. 2014. URL: https://kad.arbitr.ru/Kad/PdfDocument/9fdb6930-7be1-42da-ba04-134d22e5bcce/8fa04c4d-a61a-4720-ba88-504feb5903ec/A31-7493-2014_20140826_Reshenija_i_postanovlenija.pdf (дата обращения: 10.07.2025); *Решение* Арбитражного суда Алтайского края от 30 окт. 2015 г. по делу № А03-17086/2015 // Электронное правосудие. 2015. URL: https://kad.arbitr.ru/Kad/PdfDocument/df5c30a2-5d07-403d-8c6d-88aca0f78692/bcf3e1d2-b33b-406c-bd60-02a8f9daeb4a/A03-17086-2015_20151030_Reshenija_i_postanovlenija.pdf (дата обращения: 10.07.2025); *Решение* Арбитражного суда Калининградской обл. от 28 апр. 2015 г. по делу № А21-998/2015 // Электронное правосудие. 2015. URL: https://kad.arbitr.ru/Kad/PdfDocument/914e0ffb-42ce-4850-a953-be14449cb1f0/5240a2b1-c686-47c6-8624-7473693d7513/A21-998-2015_20150428_Reshenija_i_postanovlenija.pdf (дата обращения: 10.07.2025).

действия» требует детального раскрытия – отсутствие конкретизации часто приводит к спорным ситуациям в судебной практике, что усложняет процесс доказывания и квалификации правонарушений.

В административных делах, связанных с банкротством, нередко возникают проблемы с доказыванием вины арбитражных управляющих. Это связано с необходимостью сбора и анализа большого объема документов, а также с привлечением экспертов для оценки действий управляющих. В некоторых случаях суды сталкиваются с недостаточностью доказательств, что приводит к оправдательным решениям.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что абсолютное большинство выявленных правонарушений касается раскрытия арбитражными управляющими сведений о своей деятельности, а именно: нарушаются сроки и порядок опубликования сведений о процедуре банкротства, а также требования к порядку представления и содержанию отчетов о деятельности арбитражного управляющего. Достаточно распространенными нарушениями являются несоблюдение сроков проведения инвентаризации и порядка реализации имущества должника, порядка распределения денежных средств должника, порядка и периодичности проведения собрания кредиторов и работников, бывших работников должника, несоблюдение порядка ведения реестра требований кредиторов, сроков представления собранию кредиторов положения о порядке, сроках и условиях продажи имущества должника. Также часто нарушаются сроки направления в арбитражный суд протокола собрания кредиторов, отчета о деятельности управляющего.

Наряду с вышеперечисленными арбитражными управляющими нарушаются:

– требования об опубликовании сведений о признании действий арбитражных управляющих незаконными в рамках

процедур банкротства (п. 5 ст. 28, п. 12 ст. 213.9 ФЗ «ОНБ»);

– требования об опубликовании сведений о наличии (отсутствии) признаков преднамеренного или фиктивного банкротства граждан (п. 2 ст. 213.7 ФЗ «ОНБ»);

– сроки опубликования сообщений о проведении собрания кредиторов (п. 4 ст. 13 ФЗ «ОНБ») и сведений о результатах проведения собрания кредиторов (заседания комитета кредиторов) или о признании их несостоявшимся (п. 7 ст. 12, п. 5 ст. 18 ФЗ «ОНБ»);

– сроки опубликования сведений о получении арбитражным управляющим требований кредиторов о включении в реестр (п. 2 ст. 100 ФЗ «ОНБ»).

При этом в силу прямого указания в п. 4 ст. 213.24 ФЗ «ОНБ» сведения о получении требований кредиторов подлежат включению финансовым управляющим в ЕФРСБ в процедурах реализации имущества должников граждан и индивидуальных предпринимателей. Также достаточно часто выявлялись нарушения требований п. 1 ст. 61.22 ФЗ «ОНБ», предусматривающего обязанность по опубликованию сведений о подаче заявления о привлечении контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности, определения о результатах рассмотрения такого заявления и судебных актах вышестоящих судебных инстанций. Кроме того, наиболее часто выявляемые нарушения связаны с раскрытием арбитражным управляющим сведений о своей деятельности посредством представления отчетов кредиторам.

В последние годы наблюдается тенденция к увеличению числа административных правонарушений, совершаемых арбитражными управляющими. Это связано с ростом числа дел о банкротстве и ужесточением контроля за деятельностью управляющих со стороны регулирующих органов. Согласно статистическим

данным, количество дел, возбужденных по чч. 3 и 3.1 ст. 14.13 КоАП РФ, ежегодно увеличивается. Например, в 2015 г. судами на основании административных материалов Росреестра вынесено 3130 решений о наложении на арбитражных управляющих административных штрафов (в 2014 г. – 2766, 2013 г. – 3649, 2012 г. – 2752), 52 решения о дисквалификации арбитражных управляющих (в 2014 г. – 67), 3 решения о вынесении предупреждения (в 2014 г. – 9)³⁹.

Одной из наиболее распространенных категорий правонарушений являются неправомерные действия, связанные с распоряжением имуществом должника. Арбитражные управляющие часто допускают нарушения при проведении инвентаризации, оценке и реализации имущества, за что привлекаются к административной ответственности.

Судебная практика играет все более значимую роль в формировании единообразного подхода к применению норм об административной ответственности арбитражных управляющих. Решения Верховного Суда Российской Федерации и Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации становятся ориентирами для нижестоящих судов, что способствует выработке единых стандартов правоприменения.

В целях устранения проблем, связанных с неоднородностью правоприменительной практики и недостаточной конкретизацией норм ст. 14.13 КоАП РФ, а также для повышения эффективности административной ответственности арбитражных управляющих предлагаются следующие конкретные меры законодательного характера.

1. Внести в чч. 3 и 3.1 ст. 14.13 КоАП РФ четкое и исчерпывающее определение понятия «неправомерные действия арбитражного управляющего». В частности, необходимо уточнить, что под неправомерными действиями понимаются конкретно предусмотренные законом неправомерные деяния (действия или бездействие), нарушающие установленные требования законодательства о банкротстве и регламентированные порядок и сроки раскрытия сведений, проведения инвентаризации, реализации имущества и проч. Это позволит исключить разночтения при квалификации деяний арбитражных управляющих, обеспечив единообразие применения норм КоАП РФ.

2. Для повышения уровня правовой определенности и обеспечения единообразного применения норм права необходимо повысить уровень юридико-технической определенности понятийного аппарата, используемого в нормативных правовых актах, регулирующих деятельность арбитражных управляющих и связанную с ними процедуру банкротства. В частности, целесообразно провести систематизацию и унификацию терминологии, применяемой в Гражданском кодексе Российской Федерации, в Федеральном законе от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости», ФЗ «ОНБ», а также в ведомственных правовых актах. Общая правовая система должна обеспечить, чтобы одни и те же понятия в разных законодательных актах не имели различного юридического содержания. Как было указано выше, в случае с СРО указание только полного наименования и (или) сокращенного наименования

³⁹ См.: *Обобщение* практики реализации органом по контролю (надзору) в 2015 году полномочий, предоставленных Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях, в том числе практики отказов арбитражных судов в удовлетворении требований территориальных органов Росреестра о привлечении арбитражных управляющих к административной ответственности, предусмотренной статьей 14.13 Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях // Федер. служба гос. регистрации, кадастра и картографии. 2016. URL: <https://rosreestr.gov.ru/upload/iblock/1ef/1efd0160adb6d8dd6471620c9f47457d.pdf?ysclid=mcon5ouz4z932620208> (дата обращения: 02.07.2025).

не должно являться административным правонарушением. Такой подход соответствует современным требованиям к качеству законодательства, отраженным в ст. 1.1 КоАП РФ и рекомендациях по правотворчеству, а также поддерживается судебной практикой по вопросам единства применения правовых норм.

3. Ввести в закон норму, предусматривающую обязательность установления вины в виде умысла или неосторожности для привлечения к административной ответственности по чч. 3 и 3.1 ст. 14.13 КоАП РФ. Это устранил противоречия в судебной практике, когда отдельные суды квалифицируют правонарушения по формальным признакам без анализа субъективной стороны. Данная мера соответствует общим принципам административного права и судебной практики.

4. Установить четкие критерии и подкатегории административных правонарушений в деятельности арбитражных управляющих, включая выделение мало-значительных правонарушений и их особый порядок рассмотрения в соответствии со ст. 2.9 КоАП РФ. В частности, такие правонарушения: а) не должны приводить к значительным финансовым или иным последствиям для кредиторов, должников или иных участников процедуры банкротства; б) могут быть совершены впервые, без умысла и при отсутствии систематичности; в) должны быть связаны с незначительным нарушением сроков опубликования сведений, небольшими техническими ошибками в отчетах и протоколах. Данный подход позволит обеспечить единообразное определение малозначительности и смягчить административную

ответственность в случаях незначительных нарушений, что будет способствовать рациональному применению санкций и разгрузке судебной системы.

5. Ввести регулярные обучающие программы и сертификацию для арбитражных управляющих с обязательным обновлением знаний по изменяющемуся административному законодательству и требованиям к раскрытию информации, а также предусмотреть ответственность за нарушения, вызванные недостаточным уровнем квалификации. Нормативное закрепление этих мер позволит повысить профессионализм и снизить количество правонарушений вследствие незнания или непонимания требований закона.

Данные предложения направлены на устранение противоречий в правоприменении, снижение рисков неправомерного привлечения к ответственности, повышение прозрачности деятельности арбитражных управляющих и повышение эффективности административного контроля в сфере банкротства. Их реализация соответствует принципам законности, справедливости и системности, закрепленным в ст. 1 КоАП РФ и ст. 1 ФЗ «ОНБ».

Таким образом, анализ проблем и тенденций в динамике и характере административных правонарушений, совершаемых арбитражными управляющими, показывает необходимость дальнейшего совершенствования законодательства и правоприменительной практики в данной сфере. Это позволит повысить эффективность контроля за деятельностью арбитражных управляющих и снизить количество правонарушений, связанных с банкротством.

Список литературы

1. Астанин Г. В. Административная ответственность арбитражных управляющих по законодательству РФ и Украины: сравнительный анализ // Административное и муниципальное право. 2013. № 7 (67). С. 753–757. DOI: <https://doi.org/10.7256/1999-2807.2013.7.9038>
2. Винницкий А. В. Административная ответственность арбитражных управляющих: динамика и практика применения новых норм КоАП РФ // Административное и муниципальное право. 2017. № 12. С. 11–25. DOI: <http://dx.doi.org/10.7256/2454-0595.2017.12.24877>

3. Макшанов В. Л. Особенности привлечения к административной ответственности арбитражного управляющего // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. № 12-4 (63). С. 122–124. DOI: <https://doi.org/10.24412/2500-1000-2021-12-4-122-124>

References

1. Astanin G. V. Administrative Responsibility of Insolvency Officers in Legislations of the Russian Federation and Ukraine: Comparative Analysis. *Administrative and Municipal Law*. 2013;7:753-757. DOI: <https://doi.org/10.7256/1999-2807.2013.7.9038> (In Russ.)
2. Vinnitskiy A. V. Administrative Responsibility of Bankruptcy Commissioners: Dynamics and Practice of Application of the New Provisions of the Administrative Offences Code of the Russian Federation. *Administrative and Municipal Law*. 2017;12:11-25. DOI: <http://dx.doi.org/10.7256/2454-0595.2017.12.24877> (In Russ.)
3. Makshanov V. L. Features of Bringing an Arbitration Manager to Administrative Responsibility. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*. 2021;12-4:122-124. DOI: <https://doi.org/10.24412/2500-1000-2021-12-4-122-124> (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Анастасия Геннадьевна Быкова, профессор кафедры гражданского права Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского (пр. Мира, 55А, Омск, 644077, Российская Федерация), доктор исторических наук, доцент; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5178-9556>; e-mail: anastasyigen@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Anastasia G. Bykova, Professor of the Department of Civil Law at the Dostoevsky Omsk State University (55A Mir ave., Omsk, 644077, Russian Federation), Doctor of Historical Sciences, Associate Professor; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5178-9556>; e-mail: anastasyigen@yandex.ru

Поступила | Received
28.08.2025

Поступила после рецензирования
и доработки | Revised
29.09.2025

Принята к публикации | Accepted
29.09.2025

УДК 342.5
DOI: 10.19073/2658-7602-2026-23-1-39-55
EDN: ZJTJEP

Оригинальная научная статья

Развитие, нормативно-правовое регулирование и перспективы института бизнес-защиты в Российской Федерации

Ю. В. Герасименко

*Исполняющий обязанности Уполномоченного по защите прав предпринимателей в Омской области,
Омск, Российская Федерация*

✉ omsk@ombudsmanbiz.ru

Аннотация. Статья посвящена комплексному юридическому анализу действующего на протяжении вот уже более 10 лет института уполномоченных по защите прав предпринимателей в Российской Федерации (института бизнес-защиты). Учреждение данного института объяснялось, прежде всего, стремлением содействовать предпринимателям, которые нередко сталкивались в своей повседневной деятельности с необоснованными административными барьерами, излишним бюрократическим давлением, коррупционными проявлениями со стороны чиновников, рейдерскими захватами собственности и незаконным уголовным преследованием. Сегодня данный институт – состоявшийся специальный правозащитный механизм, представленный на федеральном и региональном уровнях, важная государственная гарантия обеспечения конституционного права граждан на свободное использование своих способностей и имущества для осуществления предпринимательской деятельности. Предприниматели при необходимости могут направить тому или иному представителю института бизнес-защиты обращение (жалобу, заявление, предложение), которое оперативно будет рассмотрено в соответствии с Федеральным законом от 7 мая 2013 г. № 78-ФЗ «Об уполномоченных по защите прав предпринимателей в Российской Федерации». Уполномоченные в ходе реализации своей компетенции взаимодействуют с различными органами государственной власти и органами местного самоуправления, а также с полномочными представителями Президента Российской Федерации в федеральных округах и иными должностными лицами. Практика функционирования института бизнес-защиты свидетельствует о том, что имеющаяся правовая основа деятельности федерального и региональных уполномоченных по защите прав предпринимателей еще далека от совершенства и нуждается в определенной корректировке. В статье автор суммирует достигнутые итоги разносторонней работы правозащитного института по отстаиванию прав и законных интересов предпринимателей, раскрывает способы реализации имеющихся у бизнес-омбудсменов (уполномоченных по защите прав предпринимателей) полномочий, показывает выявленные на практике пробелы правового регулирования их статуса, а также формулирует обоснованные предложения по совершенствованию действующего законодательства. Отдельное внимание уделено особенностям правового положения Уполномоченного по защите прав предпринимателей в Омской области и персонализированным результатам деятельности регионального института.

Ключевые слова: институт уполномоченного по защите прав предпринимателей; права и законные интересы предпринимателей; федеральный и региональные бизнес-омбудсмены; нормативное правовое регулирование деятельности

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Герасименко Ю. В. Развитие, нормативно-правовое регулирование и перспективы института бизнес-защиты в Российской Федерации // Сибирское юридическое обозрение. 2026. Т. 23, № 1. С. 39–55. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2026-23-1-39-55>. EDN: <https://elibrary.ru/zjtjep>

Original scientific article

Development, Legal Regulation, and Prospects of the Business Protection Institution in the Russian Federation

Yu. V. Gerasimenko

Acting Commissioner for the Protection of Entrepreneurs' Rights in Omsk Region,

Omsk, Russian Federation

✉ omsk@ombudsmanbiz.ru

Abstract. This article provides a comprehensive legal analysis of the institution of Commissioners for the Protection of Entrepreneurs' Rights (the institution of business protection), which has been operating in the Russian Federation for more than ten years. The establishment of this institution was primarily driven by the need to support entrepreneurs who frequently encountered unjustified administrative barriers, excessive bureaucratic pressure, corrupt practices by officials, unlawful corporate raiding, and unlawful criminal prosecution. Today, this institution constitutes a fully established specialized human-rights mechanism operating at both federal and regional levels and serving as an important state guarantee of citizens' constitutional right to freely use their abilities and property for entrepreneurial activity. Entrepreneurs may submit appeals (complaints, applications, proposals) to representatives of the business protection institution, which are promptly reviewed in accordance with Federal Law No. 78-FZ of 7 May 2013 "On Commissioners for the Protection of Entrepreneurs' Rights in the Russian Federation." In exercising their competence, Commissioners interact with various state authorities and local self-government bodies, as well as with plenipotentiary representatives of the President of the Russian Federation in federal districts and other officials. Practice shows that the existing legal framework governing federal and regional business ombudsmen is not yet sufficiently developed and requires certain adjustments. The author summarizes the results achieved by this human-rights institution in protecting entrepreneurs' rights and legitimate interests, describes mechanisms for exercising ombudsmen's powers, identifies regulatory gaps concerning their status, and formulates substantiated proposals for improving current legislation. Particular attention is paid to the legal status of the Commissioner for the Protection of Entrepreneurs' Rights in the Omsk Region and to the individualized results of the regional institution's activities.

Keywords: institution of Commissioners for the Protection of Entrepreneurs' Rights; rights and legitimate interests of entrepreneurs; federal and regional business ombudsmen; legal regulation of activities

Conflict of interest. The Author declares no conflict of interest.

For citation: Gerasimenko Yu. V. Development, Legal Regulation, and Prospects of the Business Protection Institution in the Russian Federation. *Siberian Law Review*. 2026;23(1):39-55. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2026-23-1-39-55>. EDN: <https://elibrary.ru/zjtjep> (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Нельзя не согласиться с утверждением о том, что в Российской Федерации довольно активно развиваются институты уполномоченных (различные формы ом-

будсменов), которые востребованы в нашем обществе [1, с. 139–144; 2; 3]¹.

Что касается дискретно функционирующей сегодня системы уполномоченных по защите прав предпринимателей

¹ См., напр.: Гerasименко Ю. В. Новые формы предпринимательского конституционализма в Российской Федерации // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2022. Т. 27, № 3 (90). С. 354–358. DOI: <https://doi.org/10.24411/1999-6241-2022-390-354-358> ; Система защиты прав человека в Российской Федерации : учеб. / под ред. Г. Н. Комковой. М. : Проспект, 2023. С. 175–218.

(бизнес-омбудсменов), то изначально общее поручение по ее созданию было зафиксировано в Указе Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 года № 596 «О долгосрочной государственной экономической политике»².

21 июня 2012 г. на 16-м Петербургском международном экономическом форуме Президент Российской Федерации В. В. Путин уже публично заявил³ о начале формирования нового правозащитного института для бизнеса как на федеральном, так и на региональном уровнях. В подтверждение этого Указом Президента Российской Федерации от 22 июня 2012 г. № 879 «Об Уполномоченном при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей»⁴ на должность федерального бизнес-омбудсмана назначен Б. Ю. Титов, известный предприниматель и общественный деятель. В дальнейшем своим Указом от 21 июня 2017 г. № 278 глава государства продлил его полномочия⁵. С 16 июня 2024 г. должность Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей оказалась вакантной⁶, так как, согласно действующим федеральным установлениям, одно и то же лицо не может замещать ее более двух пятилетних сроков подряд.

За минувшие годы проведена масштабная работа по формированию

и совершенствованию института уполномоченных по защите прав предпринимателей, повышению эффективности реализации имеющихся у них полномочий, выстраиванию конструктивного взаимодействия федерального и региональных омбудсменов с широким кругом предпринимательских объединений, контрольно-надзорными, правоохранительными и иными органами публичной власти⁷.

Достигнутые результаты вполне обоснованно подразделяют на три относительно самостоятельных блока:

1) *институционализация*, в рамках которой разрабатывалась и корректировалась соответствующая нормативная правовая база, создавалась необходимая организационная структура, налаживались механизмы взаимодействия с органами публичной власти и общественными предпринимательскими объединениями, а также формировалась региональная система;

2) *практическая реализация целей и задач*, поставленных перед институтом, по защите прав и законных интересов различных субъектов предпринимательской деятельности;

3) *организация международного сотрудничества* с иностранными институтами бизнес-защиты и организациями.

² См.: *Собр. законодательства Рос. Федерации*. 2012. № 19, ст. 2333.

³ См.: *Петербургский международный экономический форум // Президент России*. 2012. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/15709> (дата обращения: 17.08.2025).

⁴ См.: *Собр. законодательства Рос. Федерации*. 2012. № 26, ст. 3509.

⁵ См.: *Об Уполномоченном при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей : Указ Президента Рос. Федерации от 21 июня 2017 г. № 278 // Собр. законодательства Рос. Федерации*. 2017. № 26 (ч. 1), ст. 3832.

⁶ Указом Президента Российской Федерации от 16 июня 2024 г. № 516 Б. Ю. Титов назначен специальным представителем Президента Российской Федерации по связям с международными организациями для достижения целей устойчивого развития (см.: *О специальном представителе Президента Российской Федерации по связям с международными организациями для достижения целей устойчивого развития : Указ Президента Рос. Федерации от 16 июня 2024 г. № 516 // Собр. законодательства Рос. Федерации*. 2024. № 25, ст. 3486).

⁷ См.: *От бизнес-омбудсмана ждут перезагрузки // Коммерсантъ*. 2022. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5735052> (дата обращения: 17.08.2025).

**НОРМАТИВНОЕ ЗАКРЕПЛЕНИЕ
СТАТУСА УПОЛНОМОЧЕННЫХ
ПО ЗАЩИТЕ ПРАВ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ:
ФЕДЕРАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ
И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ**

Правовой основой предметной деятельности института бизнес-защиты послужило принятие Федерального закона от 7 мая 2013 г. № 78-ФЗ «Об уполномоченных по защите прав предпринимателей в Российской Федерации»⁸ (далее – Федеральный закон № 78-ФЗ), который определил общий юридический статус, основные задачи и компетенцию Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей и уполномоченных по защите прав предпринимателей в субъектах Российской Федерации. Затем субъекты РФ в своих нормативных правовых актах установили особенности назначения и деятельности региональных уполномоченных по защите прав предпринимателей (бизнес-омбудсменов).

Так, в соответствии с Законом Омской области от 24 апреля 2014 г. № 1628-ОЗ «Об Уполномоченном по защите прав предпринимателей в Омской области»⁹ (далее – Закон Омской области № 1628-ОЗ) назначение на должность Уполномоченного по защите прав предпринимателей в регионе производится Губернатором Омской области по согласованию с Уполномоченным при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей и с учетом мнения предпринимательского сообщества, сформированного в результате публичного обсуждения кандидатуры. Указ Губернатора Омской области от 29 апреля 2014 г. № 52 «О Порядке направления Губернатору Омской области предложений о кандидатурах на должность Уполномоченного по защите прав предпринимателей в Омской

области и публичного обсуждения кандидатуры Уполномоченного по защите прав предпринимателей в Омской области»¹⁰ установил процедуру направления главе региона предложений о кандидатурах на должность бизнес-омбудсмена Омской области в целях их рассмотрения, а также процедуру публичного обсуждения соответствующей кандидатуры, проводимого в целях учета мнения предпринимательского сообщества.

Направление предложений о кандидатурах осуществляют зарегистрированные и действующие на территории Омской области структурные подразделения общероссийских общественных объединений предпринимателей, в число уставных целей которых входит содействие правовой защите законных интересов субъектов предпринимательской деятельности, региональные объединения предпринимателей с численностью свыше 50 членов, Омская торгово-промышленная палата и организации, образующие инфраструктуру поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства в Омской области.

Конкурсный отбор претендентов возложен на специальную экспертную группу. В ходе отдельной процедуры формируется перечень претендентов (не более трех человек), который экспертная группа представляет Губернатору Омской области для рассмотрения и определения кандидатуры Уполномоченного по защите прав предпринимателей в Омской области.

В первоначальной редакции ст. 5 Закона Омской области № 1628-ОЗ предусматривалось, что Уполномоченный по защите прав предпринимателей в Омской области назначается на должность сроком на 5 лет, но не более двух сроков подряд. Следует отметить, что тогда не все

⁸ См.: *Собр. законодательства Рос. Федерации*. 2013. № 19, ст. 2305.

⁹ См.: *Омск. вестник*. 2014. 25 апр.

¹⁰ См.: *Омск. вестник*. 2014. 2 мая.

субъекты РФ содержали нормативные предписания, ограничивающие количество сроков пребывания в должности региональных бизнес-омбудсменов (в частности, Ростовская область).

На сегодняшний день какие-либо ограничения по числу сроков пребывания в должности уполномоченного по защите прав предпринимателей в субъекте РФ отсутствуют в действующей редакции Федерального закона № 78-ФЗ (ред. от 10 июля 2023 г.) и Федерального закона от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации»¹¹ (ред. от 4 августа 2023 г.).

Поэтому не случайно значительное число субъектов РФ (Краснодарский край, Нижегородская, Орловская, Ярославская, Челябинская, Сахалинская, Свердловская, Псковская, Ленинградская области, Чеченская Республика и др.), первоначально установившие ограничения по числу сроков пребывания в должности регионального уполномоченного по защите прав предпринимателей, в 2023–2024 гг. их отменили. Как правило, они руководствовались тем, что региональные бизнес-омбудсмены, положительно зарекомендовавшие себя и имевшие стабильно высокие показатели в работе по защите прав и законных интересов субъектов предпринимательской деятельности, с учетом выраженного тем или иным способом мнения (пожелания) предпринимательского сообщества и по согласованию с Уполномоченным при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей могут и должны быть назначены на очередные (то есть третьи или последующие) пятилетние сроки полномочий.

Иными словами, субъекты РФ использовали свою законотворческую возможность по пролонгации полномочий успешных региональных бизнес-омбудсменов

на новый срок их легислатуры, поскольку данный подход способствует продолжению высокопрофессиональной защиты прав и законных интересов предпринимателей, сохранению наработанных форм правозащитной деятельности и эффективному взаимодействию с бизнес-объединениями и органами публичной власти разного уровня.

ХАРАКТЕРИСТИКА И ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ЧЕРТЫ ИНСТИТУТА БИЗНЕС-ЗАЩИТЫ В ОМСКОЙ ОБЛАСТИ

Законом Омской области от 24 мая 2024 г. № 2692-ОЗ «О внесении изменений в статьи 5 и 7 Закона Омской области “Об Уполномоченном по защите прав предпринимателей в Омской области”»¹² действующие ранее ограничения по предельным срокам замещения должности регионального бизнес-омбудсмена отменены. Вместе с тем в нем было определено, что Уполномоченный по защите прав предпринимателей в Омской области назначается на должность сроком лишь на один год с возможной пролонгацией полномочий.

В этой связи представляют интерес отдельные высказывания некоторых экспертов в отношении новации Омской области по ежегодному назначению (переназначению) регионального бизнес-омбудсмена:

1) федеральный законодатель, учреждая специальный корпоративный правозащитный институт, не входящий в систему исполнительных органов власти субъектов РФ, исходил из доктринальной концепции, согласно которой пятилетняя легислатура региональных уполномоченных по защите прав предпринимателей – важная юридическая гарантия их должностного иммунитета;

2) процесс назначения (как и допустимого переназначения) региональных

¹¹ См.: *Собр. законодательства Рос. Федерации*. 2021. № 52 (ч. 1), ст. 8973.

¹² См.: *Омск. вестник*. 2024. 7 июня.

уполномоченных по защите прав предпринимателей носит строго регламентированный публично-правовой по форме и продолжительный по времени (фактически несколько месяцев) характер, так как требует обязательного участия в нем заинтересованных предпринимательских объединений и Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей. Кроме того, важно учитывать, что полномочия сотрудников аппарата Уполномоченного, занимающих должности государственной гражданской службы Омской области, опосредованы, как правило, сроком его полномочий и требуют ежегодного переназначения со всеми обязательными юридическими процедурами, которые в действительности могут оказывать неблагоприятное влияние на возможности подбора востребованных высококвалифицированных специалистов;

3) немаловажно и то, что рассмотрение Уполномоченным многих обращений субъектов предпринимательской деятельности и реализация иных предусмотренных полномочий занимает на практике довольно продолжительное время.

Как следствие, в рамках законотворческого процесса звучал релевантный доктринальный прогноз: ежегодное проведение предусмотренных в региональном законодательстве процедур по назначению (переназначению) Уполномоченного способно отрицательно сказываться на результативности всей работы института бизнес-защиты.

Между тем на основе измененного правового режима и при консолидированном одобрении всех ведущих бизнес-объединений региона распоряжением Губернатора Омской области от 16 июля 2024 г. № 207-рк¹³ исполняющим обязан-

ности Уполномоченного по защите прав предпринимателей в Омской области назначен автор настоящей статьи Ю. В. Герасименко, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, успешно работающий в этой должности с 2014 г. Среди результатов его деятельности: громкие победы в рамках уголовного, административного и арбитражного судопроизводства по защите прав и законных интересов предпринимателей; первое в стране использование предоставленного права на непосредственное обращение в Конституционный Суд Российской Федерации (далее – КС РФ) в интересах субъекта предпринимательской деятельности; инициирование принятия и внесения изменений в федеральные, региональные и муниципальные нормативные правовые акты, направленные на разрешение проблем ведения предпринимательской деятельности и улучшения инвестиционного климата; новаторская реализация имеющихся правозащитных полномочий по корректировке правоприменительной практики в интересах предпринимателей; подготовка мотивированных заключений с анализом системных проблем бизнеса в адрес органов публичной власти, а также специальных докладов и материалов, направленных на защиту прав и законных интересов субъектов предпринимательской деятельности, для федеральных, региональных органов власти, научно-исследовательских учреждений; и иные.

Так, например, к числу официально подтвержденных фактов участия в вышеуказанном нормотворческом процессе относятся: интегрирование в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) процедуры замены штрафных санкций

---

¹³ См.: *Об исполняющем обязанности Уполномоченного по защите прав предпринимателей в Омской области* : распоряжение Губернатора Омск. обл. от 16 июля 2024 г. № 207-рк // Официальное опубликование правовых актов. 2024. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/5500202407160002?ysclid=mlqxfmnrj1165816969> (дата обращения: 17.08.2025).

на предупреждение для субъектов малого и среднего предпринимательства, впервые допустивших правонарушения; внесение изменений в Налоговый кодекс Российской Федерации в части продления для предпринимателей единого налога на вмененный доход; принятие Федерального закона о снижении размера государственной пошлины за регистрацию соглашений об изменении и расторжении договоров аренды, зарегистрированных в Едином государственном реестре недвижимости; включение в Кодекс Омской области об административных правонарушениях профилактических мероприятий и замены штрафов на предупреждения для впервые допустивших правонарушения субъектов малого и среднего предпринимательства; введение ряда налоговых льгот для предпринимателей, применяющих упрощенную систему налогообложения и (или) патентную систему налогообложения; сокращение сроков получения субъектами предпринимательской деятельности разрешительной документации на территории города Омска; разработка нормативной правовой базы, регулирующей вопросы размещения нестационарных торговых объектов на территории города Омска и других муниципальных образований Омской области; формирование правоприменительной практики по соблюдению прав и законных интересов участников мелкорозничной торговли; и проч.

Терминологическое обозначение статуса исполняющего обязанности Уполномоченного по защите прав предпринимателей в Омской области обусловлено тем, что должность Уполномоченного при Пре-

зиденте Российской Федерации по защите прав предпринимателей на момент соответствующего регионального назначения являлась незаемленной. Между тем согласно п. 4 ст. 9 Федерального закона № 78-ФЗ назначение кандидата на должность уполномоченного по защите прав предпринимателей в субъекте Российской Федерации может осуществляться в порядке, установленном законом субъекта Российской Федерации, и по согласованию с Уполномоченным при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей¹⁴.

Исходя из действующего законодательства, основными задачами Уполномоченного по защите прав предпринимателей в Омской области (далее – Уполномоченный, бизнес-омбудсмен) являются:

- 1) защита прав и законных интересов субъектов предпринимательской деятельности на территории Омской области;
- 2) содействие развитию общественных институтов, ориентированных на защиту прав субъектов предпринимательской деятельности на территории Омской области;
- 3) правовое просвещение субъектов предпринимательской деятельности по вопросам их прав и законных интересов, форм и методов их защиты;
- 4) содействие в формировании и реализации государственной политики в сфере развития предпринимательской деятельности и защиты прав субъектов предпринимательской деятельности на территории Омской области;
- 5) взаимодействие с предпринимательским сообществом.

¹⁴ Поскольку по истечению годовых полномочий исполняющего обязанности Уполномоченного по защите прав предпринимателей в Омской области главой государства не был назначен Уполномоченный при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей, то согласно региональным правовым установлениям на основании распоряжения Губернатора Омской области от 15 июля 2025 г. № 236-рк на следующий срок легислатуры пролонгирован статус исполняющего обязанности бизнес-омбудсмана Омской области (см.: *Об исполняющем обязанности Уполномоченного по защите прав предпринимателей в Омской области* : распоряжение Губернатора Омск. обл. от 15 июля 2025 г. № 236-рк // Официальное опубликование правовых актов. 2025. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/5500202507150002?ysclid=mlr3n76u40342905049> (дата обращения: 15.08.2025)).

Для реализации этих задач определена компетенция Уполномоченного по рассмотрению различных обращений субъектов предпринимательской деятельности, зарегистрированных в органе, осуществляющем государственную регистрацию на территории Омской области, и субъектов предпринимательской деятельности, права и законные интересы которых были нарушены на территории Омской области, на решения или действия (бездействие) органов государственной власти Омской области, территориальных органов федеральных органов исполнительной власти в Омской области, органов местного самоуправления Омской области, иных органов, организаций, наделенных федеральным законом отдельными государственными или иными публичными полномочиями, должностных лиц, нарушающие права и законные интересы субъектов предпринимательской деятельности.

Обращение к Уполномоченному – это направление в его адрес в письменной форме или в форме электронного документа жалобы, заявления, предложения.

Жалоба – просьба субъекта предпринимательской деятельности о восстановлении или защите его нарушенных прав, свобод или законных интересов.

Направление жалобы по одному и тому же вопросу уполномоченным, осуществляющим свою деятельность в разных субъектах Российской Федерации, не допускается. В случае если после принятия жалобы к рассмотрению уполномоченным в субъекте Российской Федерации будет установлено, что аналогичная жалоба уже рассматривается уполномоченным в другом субъекте Российской Федерации, жалоба оставляется без дальнейшего рассмотрения и возвращается обратившемуся с ней субъекту предпринимательской деятельности.

Уполномоченный направляет заявителю мотивированный отказ в принятии

жалобы к рассмотрению при наличии в ней указания почтового и (или) электронного адреса заявителя по следующим основаниям:

1) текст жалобы, направленной в письменной форме, не поддается прочтению;

2) в жалобе содержится только тот вопрос, на который заявителю многократно давались Уполномоченным ответы по существу в письменной форме в связи с ранее направляемыми жалобами, и при этом в жалобе не приводятся новые обстоятельства по этому вопросу;

3) ответ по существу поставленного в жалобе вопроса не может быть дан без разглашения сведений, составляющих государственную или иную охраняемую федеральным законом тайну.

Заявление – просьба субъекта предпринимательской деятельности о содействии в реализации его прав и свобод, либо сообщение о нарушении законов и иных нормативных правовых актов, недостатках в работе государственных органов, органов местного самоуправления и должностных лиц, либо критика деятельности указанных органов и должностных лиц.

Предложение – рекомендации субъекта предпринимательской деятельности по совершенствованию законодательства и иных нормативных правовых актов, деятельности государственных органов и органов местного самоуправления, развитию общественных отношений, улучшению социально-экономической и иных сфер деятельности государства и общества.

При осуществлении своей деятельности Уполномоченный вправе:

1) запрашивать и получать от органов государственной власти, органов местного самоуправления Омской области и должностных лиц необходимые сведения, документы и материалы;

2) обращаться в суд с заявлением о признании недействительными ненормативных правовых актов, признании незаконными решений и действий (бездействия)

органов государственной власти Омской области, органов местного самоуправления Омской области, иных органов, организаций, наделенных федеральным законом отдельными государственными или иными публичными полномочиями, должностных лиц в случае, если оспариваемые ненормативный правовой акт, решение и действие (бездействие) не соответствуют закону или иному нормативному правовому акту и нарушают права и законные интересы субъектов предпринимательской деятельности в сфере предпринимательской деятельности, незаконно возлагают на них какие-либо обязанности, создают иные препятствия для осуществления предпринимательской деятельности;

3) направлять в органы государственной власти Омской области, органы местного самоуправления Омской области мотивированные предложения о принятии нормативных правовых актов (о внесении изменений в нормативные правовые акты или признании их утратившими силу), относящихся к сфере деятельности Уполномоченного, предложения по вопросам обеспечения прав и законных интересов субъектов предпринимательской деятельности, совершенствования административных процедур;

4) направлять Губернатору Омской области мотивированные предложения об отмене или о приостановлении действия актов органов исполнительной власти Омской области;

5) принимать с письменного согласия заявителя участие в выездной проверке, проводимой в отношении заявителя в рамках государственного контроля (надзора) или муниципального контроля;

6) обращаться к субъектам права законодательной инициативы с предложениями об изменении законов Омской области, если Уполномоченный полагает, что решения или действия (бездействие) органов государственной власти Омской

области, органов местного самоуправления Омской области или должностных лиц, нарушающие права и законные интересы субъектов предпринимательской деятельности, совершаются на основании и во исполнение указанных нормативных правовых актов либо в силу существующих пробелов в законодательстве;

7) участвовать в совершенствовании законодательства Российской Федерации, обеспечивать подготовку и направление в органы государственной власти Омской области, территориальные органы федеральных органов исполнительной власти в Омской области, органы местного самоуправления Омской области предложений по совершенствованию механизмов защиты прав и законных интересов субъектов предпринимательской деятельности;

8) создавать экспертные и консультативные советы, рабочие группы и иные совещательные органы, действующие на общественных началах, а также привлекать для участия в их деятельности представителей предпринимательского сообщества, общественных организаций, представителей органов государственной власти Омской области и органов местного самоуправления Омской области с согласия их руководителей;

9) осуществлять иные действия в рамках своей компетенции в соответствии с федеральными и областными законами.

Уполномоченный в ходе реализации имеющейся компетенции осуществляет взаимодействие с органами государственной власти и органами местного самоуправления, а также с полномочными представителями Президента Российской Федерации в федеральных округах и иными лицами.

Руководители и иные должностные лица органов государственной власти субъекта РФ, территориальных органов федеральных органов исполнительной власти в субъекте РФ, органов местного самоуправления обязаны обеспечить

прием Уполномоченного в субъекте РФ, а также предоставить ему запрашиваемые сведения, документы и материалы в срок, не превышающий 15 дней со дня получения соответствующего обращения.

Ответ на обращение Уполномоченного в субъекте РФ направляется за подписью должностного лица, которому оно непосредственно было адресовано.

По окончании календарного года каждый уполномоченный в субъекте РФ призван направлять Уполномоченному при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей информацию о результатах своей деятельности с оценкой условий осуществления предпринимательской деятельности в субъекте РФ и предложениями о совершенствовании правового положения субъектов предпринимательской деятельности.

В Омской области в срок до 1 марта очередного года Уполномоченный представляет Законодательному Собранию Омской области и Губернатору Омской области доклад о соблюдении прав и законных интересов субъектов предпринимательской деятельности на территории региона, включающий информацию об оценке условий осуществления предпринимательской деятельности в Омской области, а также предложения по совершенствованию правового положения субъектов предпринимательской деятельности.

ДЕЙСТВИЯ И ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ СТАТУСА УПОЛНОМОЧЕННЫХ ПО ЗАЩИТЕ ПРАВ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Необходимый юридический инструмент реализации установленного функционала бизнес-омбудсмена формируется с 2013 г. и перманентно коррелируется с нормативными правовыми актами различной отраслевой принадлежности.

Например, в ст. 7 Федерального закона от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений»¹⁵ закреплено, что в целях осуществления контроля в пределах своей компетенции без специального разрешения посещать следственные изоляторы уголовно-исполнительной системы, изоляторы временного содержания подозреваемых и обвиняемых органов внутренних дел и пограничных органов федеральной службы безопасности, а также гауптвахты, используемые для содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых в случаях, предусмотренных указанным Федеральным законом, имеют право, в частности, *Уполномоченный при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей, уполномоченные по защите прав предпринимателей в субъектах Российской Федерации* в границах соответствующего субъекта Российской Федерации – в целях защиты прав подозреваемых, обвиняемых и осужденных по делам о преступлениях, предусмотренных чч. 1–4 ст. 159 и ст.ст. 159.1–159.3, 159.5, 159.6, 160, 165 и 201 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), если эти преступления совершены индивидуальным предпринимателем в связи с осуществлением им предпринимательской деятельности и (или) управлением принадлежащим ему имуществом, используемым в целях осуществления предпринимательской деятельности, либо если эти преступления совершены членом органа управления коммерческой организации в связи с осуществлением им полномочий по управлению такой организацией либо в связи с осуществлением коммерческой организацией предпринимательской или иной экономической деятельности, а также чч. 5–7 ст. 159 и ст.ст. 171, 171.1, 171.3–172.3, 173.1–174.1, 176–178, 180, 181, 183, 185–185.4 и 190–199.4 УК РФ.

¹⁵ См.: *Собр. законодательства Рос. Федерации*. 1995. № 29, ст. 2759.

Статья 63 Федерального закона от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» в свою очередь предусматривает, что сведения, содержащиеся в Едином государственном реестре недвижимости, предоставляются бесплатно *по соответствующим запросам Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей и уполномоченных по защите прав предпринимателей в субъектах Российской Федерации*¹⁶.

Статья 25.5.1 КоАП РФ в 2013 г. закрепила за *Уполномоченным при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей* по ходатайству лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении в области предпринимательской деятельности, право допуска к участию в деле в качестве защитника¹⁷.

Учитывая запросы правозащитной деятельности и аргументированные пожелания института бизнес-защиты, Федеральный закон от 14 июля 2022 г. № 290-ФЗ внес важные коррективы и определил следующее: «*Уполномоченный при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей, уполномоченный по защите прав предпринимателей в субъекте Российской Федерации по ходатайству лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении в области предпринимательской деятельности, могут быть допущены к участию в деле в качестве защитника*»¹⁸ (курсив наш. – Ю. Г.).

Особой иллюстрацией расширения потенциальных возможностей уполномоченных может служить Федеральный конституционный закон от 9 ноября 2020 г. № 5-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон “О Конституционном Суде Российской Федерации”»¹⁹, принятый в рамках конституционной реформы и реализации Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти»²⁰.

Исходя из действующей редакции Федерального конституционного закона от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации», правом на обращение в КС РФ с индивидуальной или коллективной жалобой на нарушение конституционных прав и свобод обладают граждане, юридические лица и муниципальные образования в лице органов местного самоуправления, чьи права и свободы, по их мнению, нарушаются примененными в конкретном деле федеральным конституционным законом, федеральным законом, нормативным актом Президента РФ, Совета Федерации, Государственной Думы, Правительства РФ, конституцией республики, уставом, законом либо иным нормативным актом субъекта РФ, изданным по вопросам, относящимся к ведению органов государственной власти РФ и совместному ведению органов государственной власти РФ и органов государственной власти

¹⁶ См.: *Собр. законодательства Рос. Федерации*. 2015. № 29 (ч. I), ст. 4344

¹⁷ См.: *О внесении изменений в Федеральный закон «Об уполномоченных по защите прав предпринимателей в Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации* : Федер. закон от 2 нояб. 2013 г. № 294-ФЗ // *Собр. законодательства Рос. Федерации*. 2013. № 44, ст. 5633.

¹⁸ *О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и статью 1 Федерального закона «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях»* : Федер. закон от 14 июля 2022 г. № 290-ФЗ // *Собр. законодательства Рос. Федерации*. 2022. № 29 (ч. III), ст. 5257.

¹⁹ См.: *Собр. законодательства Рос. Федерации*. 2020. № 46, ст. 7196.

²⁰ См.: *Собр. законодательства Рос. Федерации*. 2020. № 11, ст. 1416.

субъектов РФ, а также – в интересах таких граждан и юридических лиц – *Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации, уполномоченные по правам человека в субъектах Российской Федерации, другие уполномоченные по правам в отдельных сферах или отдельных категорий лиц*, предусмотренные федеральными законами, иные органы и должностные лица в соответствии с федеральным законом, общероссийские организации, которые в соответствии с федеральным законом могут представлять интересы таких граждан и юридических лиц.

Жалобы признаются допустимыми, если:

– имеются признаки нарушения прав и свобод заявителя или лица, в интересах которого подана жалоба в КС РФ, в результате применения оспариваемого нормативного акта в конкретном деле с участием заявителя или лица, в интересах которого подана жалоба;

– жалоба подана в срок не позднее 1 года после принятия судебного решения, которым исчерпываются внутригосударственные средства судебной защиты, а в случае, если в пересмотре дела судом, решение которого обычно исчерпывает внутригосударственные средства судебной защиты по соответствующей категории дел, было отказано в связи с пропуском срока обжалования, – в срок не позднее 1 года после принятия последнего судебного решения, в котором был применен соответствующий нормативный акт;

– исчерпаны все другие внутригосударственные средства судебной защиты прав заявителя или лица, в интересах которого подана жалоба в КС РФ, при разрешении конкретного дела. При этом под исчерпанием внутригосударственных средств судебной защиты понимается подача в соответствии с законодательством о соответствующем виде судопроизводства заявителем или ли-

цом, в интересах которого подана жалоба в КС РФ, кассационной жалобы в суд максимально высокой для данной категории дел инстанции или в случае, если вступившие в силу судебные акты по данной категории дел подлежат обжалованию только в надзорном порядке, надзорной жалобы, если судебный акт, в котором был применен оспариваемый нормативный акт, был предметом кассационного или надзорного обжалования в связи с применением этого нормативного акта, а подача кассационной или надзорной жалобы не привела к устранению признаков нарушения прав таких заявителя или лица. КС РФ может признать внутригосударственные средства судебной защиты исчерпанными также в случае, если сложившаяся правоприменительная практика суда, решение которого обычно исчерпывает внутригосударственные средства судебной защиты по соответствующей категории дел, или официальное толкование оспариваемого нормативного акта, данное в разъяснениях по вопросам судебной практики в целях обеспечения единообразного применения законодательства РФ, свидетельствует о том, что иное применение оспариваемого нормативного акта, чем имевшее место в конкретном деле, не предполагается.

Практика функционирования института бизнес-защиты дает основания утверждать, что имеющийся правовой механизм, регламентирующий деятельность региональных уполномоченных по защите прав предпринимателей, пока далек от совершенства и требует определенных корректив. Так, например, в ч. 1 ст. 9 Федерального закона № 78-ФЗ закреплено, что «законом субъекта Российской Федерации *может* учреждаться должность уполномоченного по защите прав предпринимателей в субъекте Российской Федерации, которая является государственной должностью субъекта Российской Федерации» (курсив наш. – Ю. Г.). Фактически

федеральный законодатель предусмотрел лишь право, а не обязанность субъекта РФ вводить данную должность. Иными словами, по существу назначение регионального бизнес-омбудсмана представляется не императивным требованием закона, а неким результатом добровольного выбора региональных властей. Поэтому нередко в субъектах РФ допускается затягивание или иное игнорирование должного назначения региональных уполномоченных по защите прав предпринимателей. Как следствие, ущемляются права и законные интересы субъектов предпринимательской деятельности.

Тенденции развития института представительства, сложность и многоформатность правозащитной деятельности также актуализируют вопрос о законодательном закреплении квалифицированного требования к кандидату на должность регионального бизнес-омбудсмана об обязательном наличии у него высшего юридического образования. Кроме того, в Федеральном законе № 78-ФЗ целесообразно зафиксировать унифицированные критерии, определяющие численность, структуру и организационно-правовую форму аппаратов региональных уполномоченных.

Сегодня субъекты РФ используют заметно отличающиеся подходы в этом направлении. В частности, аппарат омского Уполномоченного, учитывая зарегистрированное число субъектов предпринимательской деятельности, является одним из немногочисленных в стране. Он представлен лишь 3 сотрудниками, входящими в отдельный сектор аппарата Губернатора и Правительства Омской области. В то же время многие субъекты РФ, имея примерно равное или даже меньшее количество

предпринимателей на своей территории, обладают гораздо большими по численному составу аппаратами региональных уполномоченных, наделенными статусами самостоятельных юридических лиц (Хабаровский край – 6 чел., Севастополь – 7 чел., Томская и Иркутская области – 7 чел., Новосибирская и Ярославская области – 10 чел., Свердловская область – 12 чел., Краснодарский край – 13 чел. и т. д.).

Вопрос, касающийся аппаратов региональных уполномоченных, актуализирован еще и тем, что в Государственной Думе зарегистрирован законопроект № 345608-8²¹, который в перспективе предлагает распространить действие Федерального закона № 78-ФЗ на лиц, применяющих специальный налоговый режим «Налог на профессиональный доход» (далее – НПД). Он планирует официально закрепить за Уполномоченным при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей и уполномоченными по защите прав предпринимателей в субъектах Российской Федерации рассмотрение жалоб физических лиц, применяющих НПД. Наделение этими полномочиями предусматривается на срок проведения эксперимента по налоговому режиму НПД, то есть до 31 декабря 2028 г. Принятие законопроекта и официальное вступление его в силу значительно увеличит нагрузку на уполномоченных и их рабочие аппараты.

Согласно данным Федеральной налоговой службы, на 1 января 2025 г. в стране насчитывалось более 12 млн самозанятых²², из них состоявших на учете в Омской области – 156 728 чел. Следует признать, что в институт бизнес-защиты на федеральном и региональном уровнях

---

²¹ См.: *О внесении изменений в Федеральный закон «Об уполномоченных по защите прав предпринимателей в Российской Федерации»*: проект Федер. закона № 345608-8 // СОЗД ГАС «Законотворчество». 2023. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/345608-8?ysclid=mls34ywwcm97581498> (дата обращения: 17.08.2025).

²² См.: *Более 12 млн самозанятых зарегистрировались в России* // Федер. налоговая служба. 2024. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/news/activities_fts/15487019/?ysclid=mls3dmjjuc208384364 (дата обращения: 17.08.2025).

уже поступает заметное количество обращений от самозанятых граждан по различным текущим вопросам. Между тем, строго говоря, Федеральный закон № 78-ФЗ формально-юридически содержит лишь правовые гарантии защиты прав и законных интересов в отношении предпринимателей и в действующей редакции не распространяется на «самозанятых» граждан.

Среди иных законодательных инициатив последнего времени, направленных на корректирование отдельных аспектов деятельности бизнес-омбудсменов, обратим внимание на законопроект № 1023759-8²³. Данный законопроект наделяет региональных уполномоченных правом запрашивать необходимые сведения, документы и материалы в рамках их полномочий не только у органов публичной власти и их должностных лиц, но и организаций, наделенных федеральным законом отдельными государственными или иными публичными полномочиями. В пояснительной записке к указанному проекту Федерального закона справедливо отмечается, что в Российской Федерации созданы и функционируют различные специализированные организации, предоставляющие меры поддержки субъектам предпринимательской деятельности, которые при этом не являются органами публичной власти. С принятием данного закона уполномоченные могут получить, в частности, право оперативно – в течение 15 календарных дней – запрашивать у перечисленных организаций необходимую информацию, а также право быть принятыми их руководителями для безотлагательного решения

задач, стоящих перед институтом бизнес-защиты.

Правоприменительная практика уполномоченных по защите прав предпринимателей выявила и иные недочеты правового регулирования их деятельности. В связи с этим представители института бизнес-защиты на протяжении последних лет обосновывают необходимость внесения востребованных изменений в действующее законодательство РФ²⁴.

Помимо этих законодательных инициатив, институт бизнес-защиты предлагает единым пакетным форматом внести дополнительные адресные изменения в следующие законодательные акты:

1) Федеральный закон от 7 мая 2013 г. № 78-ФЗ «Об уполномоченных по защите прав предпринимателей в Российской Федерации»:

1.1) п. 2 ч. 3 ст. 10 изложить в следующей редакции:

«2) обращаться в суд с заявлением о признании недействительными ненормативных правовых актов, признании незаконными решений и действий (бездействия) территориальных органов федеральных органов исполнительной власти в субъекте Российской Федерации, органов местного самоуправления, иных органов, организаций, наделенных федеральным законом отдельными государственными или иными публичными полномочиями, должностных лиц в случае, если оспариваемые ненормативный правовой акт, решение и действие (бездействие) не соответствуют закону или иному нормативному правовому акту и нарушают права и законные интересы субъектов предпринимательской деятельности

²³ См.: *О внесении изменений в Федеральный закон «Об уполномоченных по защите прав предпринимателей в Российской Федерации» и Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации* : проект Федер. закона № 1023759-8 // СОЗД ГАС «Законотворчество». 2025. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1023759-8?ysclid=mls3npwuk2276632319> (дата обращения: 17.08.2025).

²⁴ См., напр.: *Герасименко Ю. В.* Правовые проблемы реализации статуса уполномоченного по защите прав предпринимателей в Российской Федерации // Реализация Конституции Российской Федерации: состояние и перспективы : материалы VI междунар. науч.-практ. конф. (15–16 дек. 2021 г.) / председатель ред. кол. С. К. Буряков. Омск : Омск. акад. МВД России, 2022. С. 11–12.

в сфере предпринимательской деятельности, незаконно возлагают на них какие-либо обязанности, создают иные препятствия для осуществления предпринимательской деятельности»;

1.2) ч. 3 ст. 10 дополнить пунктом 5.2 следующего содержания:

«5.2) с его письменного согласия участвовать в качестве защитника по ходатайству лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении в области предпринимательской деятельности»;

1.3) ч. 6 ст. 10 изложить в следующей редакции:

«6. По окончании календарного года уполномоченный в субъекте Российской Федерации направляет Уполномоченному информацию о результатах своей деятельности с оценкой условий осуществления предпринимательской деятельности в субъекте Российской Федерации и предложениями о совершенствовании правового положения субъектов предпринимательской деятельности (ежегодный доклад).

Ежегодный доклад одновременно направляется высшему должностному лицу субъекта Российской Федерации, в высший исполнительный орган государственной власти субъекта Российской Федерации, в законодательный (представительный) орган субъекта Российской Федерации.

Высшие исполнительные органы государственной власти и законодательные (представительные) органы субъектов Российской Федерации информируют уполномоченного в субъекте Российской Федерации о результатах рассмотрения предложений о совершенствовании правового положения субъектов предпринимательской деятельности и о принятых в пределах своей компетенции решениях в отношении указанных предложений»;

2) Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации – ч. 1

ст. 40 «Обращение в суд в целях защиты прав, свобод и законных интересов других лиц или неопределенного круга лиц» после слов «уполномоченный по правам ребенка в субъекте Российской Федерации» дополнить словами:

«...Уполномоченный при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей, уполномоченные по защите прав предпринимателей в субъектах Российской Федерации...»;

3) Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации – ст. 53.1 «Участие в деле Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей, уполномоченных по защите прав предпринимателей в субъектах Российской Федерации»:

3.1) ч. 2 после слов «Уполномоченный при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей» дополнить словами «...уполномоченные по защите прав предпринимателей в субъектах Российской Федерации...»;

3.2) ч. 3 изложить в следующей редакции:

«3. Уполномоченный при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей, уполномоченные по защите прав предпринимателей в субъектах Российской Федерации вправе обжаловать вступившие в законную силу судебные акты по правилам, установленным для лиц, указанных в статье 42 настоящего Кодекса»;

4) Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях – ст. 25.5.1 «Уполномоченный при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей, уполномоченный по защите прав предпринимателей в субъекте Российской Федерации» изложить в следующей редакции:

«Уполномоченный при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей, уполномоченный по защите

прав предпринимателей в субъекте Российской Федерации при наличии их письменного согласия и поступившей в их адрес жалобы лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, совершенном в связи с осуществлением предпринимательской деятельности или управлением имуществом, используемым в целях осуществления предпринимательской деятельности, либо руководителем коммерческой организации в связи с осуществлением ею предпринимательской деятельности, по ходатайству такого лица допускаются к участию в деле в качестве защитника»;

5) Налоговый кодекс Российской Федерации:

5.1) п. 1 ст. 333.36 «Льготы при обращении в Верховный Суд Российской Федерации, суды общей юрисдикции, к мировым судьям» дополнить подпунктом 26 следующего содержания:

«26) Уполномоченный при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей, уполномоченные по защите прав предпринимателей в субъектах Российской Федерации – при совершении действий, предусмотренных соответственно пунктами 4 и 5 части 5 статьи 4 и пунктом 2 части 3 статьи 10 Федерального закона от 7 мая 2013 года № 78-ФЗ «Об уполномоченных по защите прав предпринимателей в Российской Федерации»;

5.2) п. 1 ст. 333.37 «Льготы при обращении в Верховный Суд Российской Федерации, арбитражные суды» дополнить подпунктом 6 следующего содержания:

«6) Уполномоченный при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей, уполномоченные по защите прав предпринимателей в субъектах Российской Федерации –

при совершении действий, предусмотренных соответственно пунктами 4–6 части 5 статьи 4 и пунктом 2 части 3 статьи 10 Федерального закона от 7 мая 2013 года № 78-ФЗ «Об уполномоченных по защите прав предпринимателей в Российской Федерации».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Институт бизнес-защиты (институт уполномоченных по защите прав предпринимателей) создавался для общего стимулирования и повышения защищенности малого и среднего бизнеса. За короткое время он занял важное место в системе внутригосударственного механизма защиты прав и законных интересов субъектов предпринимательской деятельности, стал значимым элементом инфраструктуры их поддержки, доказал свою востребованность.

Комплексная реализация вышеуказанных предложений по нормативному правовому корректированию действующего института бизнес-защиты повысит эффективность его деятельности и будет весомым фактором экономической безопасности страны. Указанные действия также находятся в прямом смысловом единстве с новой нормой – декларацией, закрепленной в ст. 75.1 Конституции Российской Федерации: «В Российской Федерации создаются условия для устойчивого экономического роста страны и повышения благосостояния граждан, для взаимного доверия государства и общества, гарантируются защита достоинства граждан и уважение человека труда, обеспечиваются сбалансированность прав и обязанностей гражданина, социальное партнерство, экономическая, политическая и социальная солидарность».

Список литературы

1. Авакьян С. А. Представительство в конституционном праве: вопросы теории и практики : моногр. М. : Юстициформ, 2022. 483 с.
2. Матейкович М. С., Романчук И. С. Уполномоченные по правам человека в механизме судебной защиты прав и свобод // Журнал российского права. 2020. № 11. С. 45–57. DOI: <https://doi.org/10.12737/jrl.2020.132>

3. Мохов А. А., Селезнев Г. И. Институт Уполномоченного по защите прав в сфере охраны здоровья граждан // Юрист. 2020. № 10. С. 68–74. DOI: <https://doi.org/10.18572/1812-3929-2020-10-68-74>

References

1. Avak'yan S. A. *Representation in Constitutional Law: Issues of Theory and Practice*. Moscow: Yustitsinform Publ.; 2022. 483 p. (In Russ.)
2. Mateykovich M. S., Romanchuk I. S. Ombudsman in the Mechanism of Judicial Protection of Rights and Freedoms. *Journal of Russian Law*. 2020;11:45-57. DOI: <https://doi.org/10.12737/jrl.2020.132> (In Russ.)
3. Mokhov A. A., Seleznev G. I. The Institution of the Commissioner for the Protection of Rights to Public Healthcare. *Jurist*. 2020;10:68-74. DOI: <https://doi.org/10.18572/1812-3929-2020-10-68-74> (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Юрий Васильевич Герасименко, исполняющий обязанности Уполномоченного по защите прав предпринимателей в Омской области (ул. Чапаева, 111, каб. 404–407, Омск, 644007, Российская Федерация); доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8743-0828>; e-mail: omsk@ombudsmanbiz.ru

ABOUT THE AUTHOR

Yury V. Gerasimenko, Acting Commissioner for the Protection of Entrepreneurs' Rights in Omsk Region (111 Chapayeva st., offices 404–407, Omsk, 644007, Russian Federation); Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8743-0828>; e-mail: omsk@ombudsmanbiz.ru

Поступила | Received
27.09.2025

Поступила после рецензирования
и доработки | Revised
15.10.2025

Принята к публикации | Accepted
05.11.2025

УДК 342.565.2:343.13
DOI: 10.19073/2658-7602-2026-23-1-56-67
EDN: ZNAOCW

Оригинальная научная статья

Юридическая природа решений Конституционного Суда Российской Федерации (на примере уголовно-процессуального законодательства)

Е. А. Кравцова

*Белгородский юридический институт МВД России имени И. Д. Путилина,
Белгород, Российская Федерация;
Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Белгород, Российская Федерация*
✉ 543375@mail.ru

Э. А. Винокуров

*Белгородский юридический институт МВД России имени И. Д. Путилина,
Белгород, Российская Федерация*
✉ vinokurovea@yandex.ru

Аннотация. Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации», устанавливая юридическую силу решений Конституционного Суда Российской Федерации, не дает точного ответа на вопрос, можно ли считать их источниками права и если да, то к какому виду источников их следует отнести. В статье в историческом контексте анализируются основные точки зрения на юридическую природу решений Конституционного Суда Российской Федерации. На примере уголовно-процессуального законодательства рассматривается роль Конституционного Суда Российской Федерации в формировании законодательства. Постановления Конституционного Суда Российской Федерации, которыми признавались полностью или частично неконституционными нормы уголовно-процессуального законодательства, разделены на две группы: 1) постановления, на основании и в соответствии с которыми были приняты федеральные законы во исполнение содержащихся в них предписаний (большинство постановлений); 2) постановления, которые действуют напрямую, поскольку федеральные законы в целях их исполнения не были приняты (меньшинство постановлений). Анализ данных групп позволил выявить двойственную юридическую природу решений Конституционного Суда Российской Федерации, а также доказать, что принимаемые данным органом акты нельзя отнести ни к одному из официально признанных классических источников права. Обосновывается вывод, что постановления Конституционного Суда Российской Федерации, признающие неконституционными нормы законодательства, являются самостоятельными, уникальными источниками права, частично обладающими признаками таких источников права, как судебный прецедент и нормативный правовой акт. Несмотря на то что при проведении исследования анализировались только акты Конституционного Суда Российской Федерации, затрагивающие уголовно-процессуальные отношения, полученные выводы одинаково применимы ко всем отраслям права. При проведении исследования применялись методы анализа и синтеза, формально-юридический, сравнительно-правовой, статистический методы.

Ключевые слова: конституционное право; уголовно-процессуальное право; уголовный процесс; Конституционный Суд Российской Федерации; акты Конституционного Суда Российской Федерации; юридическая сила; юридическая природа

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Кравцова Е. А., Винокуров Э. А. Юридическая природа решений Конституционного Суда Российской Федерации (на примере уголовно-процессуального законодательства) // Сибирское юридическое обозрение. 2026. Т. 23, № 1. С. 56–67. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2026-23-1-56-67>. EDN: <https://elibrary.ru/znaocw>

Original scientific article

The Legal Nature of Decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation (Using Criminal Procedure Legislation as an Example)

E. A. Kravtsova

Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia, Belgorod, Russian Federation; Belgorod State National Research University, Belgorod, Russian Federation

✉ 543375@mail.ru

E. A. Vinokurov

Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia, Belgorod, Russian Federation

✉ vinokurovea@yandex.ru

Abstract. The Federal Constitutional Law of 21 July 1994 No. 1-FKZ “On the Constitutional Court of the Russian Federation,” while establishing the legal force of decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation, does not provide a definitive answer to the question whether such decisions may be regarded as sources of law and, if so, to which type of sources they should be attributed. In a historical context, the article reviews the principal approaches to the legal nature of decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation. Using criminal procedure legislation as an example, the authors examine the role of the Constitutional Court of the Russian Federation in the formation of legislation. Rulings of the Constitutional Court of the Russian Federation that declared provisions of criminal procedure legislation unconstitutional in whole or in part are divided into two groups: (1) rulings on the basis of and in accordance with which federal laws were subsequently adopted in implementation of the instructions contained therein (the majority of rulings); and (2) rulings that operate directly because no federal laws were adopted for the purpose of their implementation (a minority of rulings). Analysis of these two groups makes it possible to reveal the dual legal nature of decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation and to demonstrate that acts adopted by this body cannot be attributed to any of the officially recognized “classical” sources of law. The article substantiates the conclusion that rulings of the Constitutional Court of the Russian Federation declaring legislative provisions unconstitutional constitute independent, unique sources of law that partially possess features characteristic of such sources of law as judicial precedent and a normative legal act. Although the study analyzes only acts of the Constitutional Court of the Russian Federation affecting criminal procedure relations, the conclusions reached are equally applicable to all branches of law. The study employs methods of analysis and synthesis, as well as formal-legal, comparative-legal and statistical methods.

Keywords: constitutional law; criminal procedure law; criminal procedure; Constitutional Court of the Russian Federation; acts of the Constitutional Court of the Russian Federation; legal force; legal nature

Conflict of interest. The Authors declare no conflict of interest.

For citation: Kravtsova E. A., Vinokurov E. A. The Legal Nature of Decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation (Using Criminal Procedure Legislation as an Example). *Siberian Law Review*. 2026;23(1):56-67. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2026-23-1-56-67>. EDN: <https://elibrary.ru/znaocw> (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Не вызывает сомнений, что Конституционный Суд Российской Федерации (далее – Конституционный Суд РФ) оказывает значительное воздействие на формирование всего российского законодательства. При этом полемика о юридической природе и свойствах решений Конституционного Суда РФ началась с момента создания данного органа и продолжается по настоящее время. В частности, изучением данного вопроса занимались и занимаются такие ученые, как А. В. Белякова, Н. С. Бондарь, Г. А. Гаджиев, М. В. Кривенкова, Л. В. Лазарев, М. Н. Марченко, В. С. Нерсесянц, Н. А. Тарабан, В. А. Туманов и другие. Большинство указанных ученых являются специалистами в области теории государства и права либо конституционного права, поэтому проводимые ими исследования носят преимущественно теоретический характер.

Обращение к нормам отраслевого законодательства позволило авторам данной статьи более аргументированно обосновать свою точку зрения и наглядно проиллюстрировать сделанные выводы.

Выдвигается гипотеза, что акты Конституционного Суда РФ имеют двойственную природу: они могут рассматриваться в качестве как актов толкования норм права, так и специфичных источников права, непосредственно воздействующих на нормы права и правоотношения.

Целью настоящей статьи является выявление способов воздействия Конституционного Суда РФ на регулирование отраслевых правоотношений и обоснование юридической природы его решений. Несмотря на то что исследование проведено на основе анализа уголовно-процессуальных отношений, его результаты могут быть применены и в других отраслях права.

В процессе исследования использовались такие общенаучные методы, как статистический, анализ и синтез.

Статистический метод позволил выявить роль решений Конституционного Суда РФ в развитии уголовно-процессуальных отношений. Метод анализа использовался для установления способов и степени влияния решений Конституционного Суда РФ на формирование уголовно-процессуальных норм, а метод синтеза позволил обобщить полученные результаты и на примере уголовно-процессуальных отношений определить юридическую силу решений Конституционного Суда РФ.

ОСНОВНЫЕ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ НА ЮРИДИЧЕСКУЮ ПРИРОДУ РЕШЕНИЙ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РФ

С момента учреждения Конституционного Суда РФ велись споры о юридической природе его решений. Все точки зрения по данному вопросу можно разделить на три группы.

Первая группа ученых, в качестве представителя которой можно указать В. С. Нерсесянца, указывала, что решения Конституционного Суда РФ не являются источниками права, так как акты судов на территории России не имеют свойства нормативности и являются исключительно правоприменительными актами [1, с. 36].

Вторая группа ученых, к представителям которой можно отнести Л. В. Лазарева, обосновывала позицию о том, что решения Конституционного Суда РФ являются источниками права. Так, Л. В. Лазарев указывал, что итоговые решения Конституционного Суда РФ в иерархии правовых актов стоят сразу после Конституции Российской Федерации и по юридической силе приближаются к ней [2, с. 17]. Судья Конституционного Суда РФ Н. С. Бондарь указывал на то, что «решения Конституционного Суда, “обволакивая” Конституцию РФ, составляют вместе с ней особый вид конституционных источников права, существующий наряду с иными видами правовых источников» [3, с. 76]. Этой

позиции также придерживался В. А. Туманов [4, с. 11].

Третья группа ученых, в целом соглашаясь с тем, что решения Конституционного Суда РФ необходимо рассматривать в качестве источников права, указывала на невозможность этого с точки зрения сложившейся в России правовой доктрины. Так, Г. А. Гаджиев писал, что в качестве источника права следует рассматривать не само решение Конституционного Суда РФ, а содержащуюся в нем правовую позицию [5]. М. Н. Марченко указывал, что «признание итоговых решений Конституционного Суда РФ в качестве самостоятельного источника права означало бы, с одной стороны, признание судейского правотворчества наряду с парламентским правотворчеством в России, а с другой – ознаменовало бы собой нахождение некоего “компромисса” в споре между сторонниками полного признания судебной практики в качестве источника права в России и сторонниками ее полного отрицания» [6, с. 129].

Современные авторы также придерживаются различных точек зрения на юридическую природу решений Конституционного Суда РФ. Как справедливо отметила Ю. С. Митькова, «по-прежнему стоит проблема отнесения решений КС РФ к источникам уголовно-процессуального права, что неизбежно порождает неопределенность в их применении органами уголовного судопроизводства» [7, с. 144]. Рассматривая сложившиеся мнения о правовой природе решений Конституционного Суда РФ, Ю. С. Митькова делает вывод о том, что они не могут рассматриваться в качестве источников права, являясь актами толкования конституционных норм.

Ю. А. Крохина отмечает такое свойство решений Конституционного Суда РФ, как нормативность, указывая на то, что данные акты можно рассмат-

ривать в качестве источников права [8, с. 13]. Аналогичное мнение высказывают В. В. Игнатенко и А. А. Петров [9, с. 195].

Таким образом, в научной литературе не сложилось единого подхода к юридической силе решений Конституционного Суда РФ.

Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»¹ (далее – ФКЗ о Конституционном Суде РФ), устанавливая юридическую силу решений Конституционного Суда РФ (ст. 79), также не дает ответа на поставленный вопрос. Более того, ч. 4 ст. 79 ФКЗ о Конституционном Суде РФ устанавливает, что для исключения нормативного предписания, признанного противоречащим Конституции РФ, правотворческому органу, принявшему нормативный акт, нормы которого признаны неконституционными, необходимо исключить неконституционную норму своим нормативным актом (то есть закон подчеркивает, что изменение нормативного правового акта возможно только тем же органом, который его принял). И если в отношении пробелов, обнаружившихся в законодательстве, такая позиция законодателя закономерна, то при исключении норм, признанных неконституционными, представляется, что принятие отдельного акта не является обязательным, учитывая положения ч. 3 ст. 79 ФКЗ о Конституционном Суде РФ, которая устанавливает, что акты или их отдельные положения, признанные неконституционными, утрачивают силу, то есть фактически исключаются из нормативного регулирования.

Для решения вопроса о том, можно ли рассматривать акты Конституционного Суда РФ в качестве источников права, необходимо провести анализ способов воздействия решений Конституционного Суда РФ на уголовно-процессуальное законодательство.

---

¹ Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

**СПОСОБЫ
ВОЗДЕЙСТВИЯ РЕШЕНИЙ
КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РФ
НА УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО**

Анализ постановлений Конституционного Суда РФ, которыми признаются неконституционными нормы законодательства, позволяет сделать вывод, что отнюдь не во исполнение всех постановлений были приняты соответствующие нормативные акты. Для иллюстрации данного положения обратимся к нормам Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ). Следует отметить, что Конституционный Суд РФ оказал существенное влияние на развитие уголовно-процессуальных норм. На сегодняшний день в УПК РФ на основании актов Конституционного Суда РФ внесены изменения 37 раз², что, безусловно, подтверждает значимость Конституционного Суда РФ в формировании нормативного регулирования и практическом применении уголовно-процессуальных норм.

Так, на основании анализа постановлений Конституционного Суда РФ, которыми вносились изменения в УПК РФ, можно выделить две группы данных актов:

1) постановления, на основании и в соответствии с которыми были приняты федеральные законы во исполнение содержащихся в них предписаний (большинство постановлений);

2) постановления, которые действуют напрямую, поскольку федеральные законы в целях их исполнения не были приняты (меньшинство постановлений).

**ПОСТАНОВЛЕНИЯ
КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РФ,
НА ОСНОВАНИИ КОТОРЫХ
БЫЛИ ПРИНЯТЫ
ФЕДЕРАЛЬНЫЕ ЗАКОНЫ**

В качестве примеров постановлений первой группы можно привести Постановление Конституционного Суда РФ от 17 июня 2021 г. № 29-П, в котором рассматривалась конституционность ст.ст. 106, 110 и 389.2 УПК РФ. Были признаны неконституционными положения ст. 389.2 УПК РФ «в той мере, в какой они исключают возможность обжалования в апелляционном порядке судебного решения, ... которым отказано в удовлетворении ходатайства об отмене меры пресечения в виде залога или изменении ее на более мягкую, до вынесения итогового судебного решения»³.

Указанное Постановление Конституционного Суда РФ потребовало внесения изменений в УПК РФ Федеральным законом от 7 октября 2022 г. № 383-ФЗ, в соответствии с которым ч. 3 ст. 389.2 УПК РФ была дополнена положением о том, что до вынесения итогового судебного решения апелляционному обжалованию подлежат постановления мирового судьи «об отказе в удовлетворении ходатайства об отмене

² Изменения в УПК РФ вносились Постановлением Конституционного Суда Российской Федерации от 08.12.2003 № 18-П, Определением Конституционного Суда РФ от 09.06.2004 № 223-О, постановлениями Конституционного Суда РФ от 29.06.2004 № 13-П, от 11.05.2005 № 5-П, от 27.06.2005 № 7-П, от 16.05.2007 № 6-П, от 20.11.2007 №13-П, от 16.07.2008 № 9-П, постановлениями Конституционного Суда РФ от 31.01.2011 № 1-П, от 14.07.2011 № 16-П, от 19.07.2011 № 18-П, от 17.10.2011 № 22-П, от 18.10.2011 № 23-П, от 20.07.2012 № 20-П, от 16.10.2012 № 22-П, от 21.05.2013 № 10-П, от 02.07.2013 № 16-П, от 19.11.2013 № 24-П, от 18.03.2014 № 5-П, Федеральным законом от 05.05.2014 № 91-ФЗ, постановлениями Конституционного Суда РФ от 21.10.2014 № 25-П, от 10.12.2014 № 31-П, от 25.02.2016 № 6-П, от 16.03.2017 № 7-П, от 06.06.2017 № 15-П, от 11.05.2017 №13-П, от 14.11.2017 № 28-П, от 17.04.2019 № 18-П, от 13.06.2019 № 23-П, от 30.01.2020 № 6-П, от 09.07.2020 № 34-П, от 13.04.2021, № 13-П, от 13.05.2021 № 18-П, от 17.06.2021 № 29-П, от 23.09.2021 № 41-П, от 19.04.2022 № 16-П, от 19.05.2022 № 20-П, от 18.07.2022 № 33-П.

³ По делу о проверке конституционности положений статей 106, 110 и 389.2 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С. А. Филиппова : Постановление Конституц. Суда Рос. Федерации от 17 июня 2021 г. № 29-П. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

меры пресечения в виде залога или изменении ее на более мягкую меру пресечения»⁴.

Необходимость принятия федерального закона в данном случае была вызвана тем, что в своем Постановлении Конституционный Суд РФ признал норму неконституционной не полностью, а в той части, в которой в ней не закреплена возможность обжалования решений об избрании меры пресечения. Конституционный Суд РФ указал на этот пробел, но в силу своего правового положения не мог самостоятельно заполнить этот пробел.

Аналогичная ситуация отражена в Постановлении Конституционного Суда РФ от 23 сентября 2021 г. № 41-П, в котором рассматривалась конституционность п. 4 ч. 1 ст. 135, ст. 401.6 и п. 1 ч. 2 ст. 401.10 УПК РФ⁵. Конституционный Суд РФ постановил, что ст. 401.6 УПК РФ не в полной мере соответствует Конституции РФ в той части, в которой в ней не указан период времени, в течение которого можно пересмотреть решение о возмещении реабилитированному лицу расходов с целью возврата излишне выплаченных ему сумм. Отметив это обстоятельство, Конституционный Суд РФ, не обладая возможностью изменения законодательства путем внесения в него новых нормативных предписаний, фактически дал поручение федеральному законодателю внести изменения в действующий УПК РФ с целью приведения его в соответствие с Конституцией РФ, обозначив, что законодатель может «включить

соответствующие нормы не в статье 401.6 УПК Российской Федерации, а в другие его положения, либо предусмотреть иной срок, ограничивающий пересмотр судебного акта о возмещении причиненного реабилитированному вреда»⁶.

Во исполнение указанного предписания Федеральным законом от 7 октября 2022 г. № 384-ФЗ⁷ ст. 401.6 УПК РФ была дополнена частью 2, в котором установлен срок пересмотра постановлений суда о возмещении реабилитированным лицам причиненного им имущественного вреда – один год.

В то же время есть постановления Конституционного Суда РФ, которые, признавая норму неконституционной, не требуют устранения пробелов в законодательстве, а указывают, что достаточно исключить ее из текста нормативного акта. В качестве примера можно привести Постановление Конституционного Суда РФ от 29 июня 2004 г. № 13-П⁸, признавшее неконституционной ч. 6 ст. 234 УПК РФ, поскольку данная норма не давала возможности судам удовлетворять «ходатайства стороны защиты о вызове свидетеля для установления алиби подсудимого, если оно не заявлялось в ходе предварительного расследования и не было отклонено дознавателем, следователем, прокурором». Во исполнение указанного Постановления был принят Федеральный закон от 3 июня 2006 г. № 72-ФЗ⁹, исключивший ч. 6 ст. 234 УПК РФ из текста закона.

⁴ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федер. закон от 7 окт. 2022 г. № 383-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁵ См.: По делу о проверке конституционности пункта 4 части первой статьи 135, статьи 401.6 и пункта 1 части второй статьи 401.10 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А. П. Атрощенко : Постановление Конституц. Суда Рос. Федерации от 23 сент. 2021 г. № 41-П. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁶ Там же.

⁷ См.: О внесении изменений в статью 401.6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : Федер. закон от 7 окт. 2022 г. № 384-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁸ См.: По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы : Постановление Конституц. Суда Рос. Федерации от 29 июня 2004 г. № 13-П. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁹ См.: О признании утратившей силу части шестой статьи 234 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : Федер. закон от 3 июня 2006 г. № 72-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Следует обратить внимание на то, что часто между вынесением постановления о признании нормы неконституционной и принятием соответствующего закона проходит достаточно длительное время. Это связано с тем, что постановления Конституционного Суда РФ по большей части сформулированы неоднозначно. В них содержатся указания о признании норм не соответствующими Конституции РФ в той мере, в какой они в системном толковании с нормами других актов мешают развитию тех или иных отношений. В таких обстоятельствах необходимо в первую очередь провести комплексный анализ предложенных Конституционным Судом РФ изменений и затем системно вносить их в законодательные акты во избежание появления противоречий в законодательстве, что требует значительного времени. Так, Постановлением Конституционного Суда РФ от 16 мая 2007 г. № 6-П¹⁰ признавались неконституционными положения п. 2 ч. 2 и ч. 3 ст. 413 и ст. 418 УПК РФ, при этом законодателью было дано шесть месяцев для внесения соответствующих изменений в уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации, но на устранение выявленного несоответствия в итоге потребовалось шесть лет¹¹.

Однако в некоторых случаях, когда задача, поставленная Конституционным Судом РФ, является достаточно простой и ясной и не требует значительных затрат от законодательного органа, внесение соответствующих поправок в УПК РФ

занимает, на наш взгляд, неоправданно длительное время. Примером такого правового регулирования может служить исполнение предписаний Постановления Конституционного Суда РФ от 20 июля 2012 г. № 20-П¹², которым ч. 1 ст. 125 и ч. 1 ст. 152 УПК РФ признавались не соответствующими Конституции РФ в той части, в которой они не устанавливали четкое территориальное определение подсудности жалоб на действия (бездействие) должностных лиц межрайонных следственных отделов. Установление такой подсудности не является сложной задачей, для ее решения необходимо только указать орган, в компетенцию которого входит выполнение указанных действий. Тем не менее Федеральный закон о внесении соответствующих изменений в УПК РФ был принят только в конце 2015 г.¹³

ПОСТАНОВЛЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РФ, КОТОРЫЕ ДЕЙСТВУЮТ НАПРЯМУЮ

Во вторую из выделенных групп входят постановления Конституционного Суда РФ, которые действуют напрямую, поскольку федеральные законы в целях их исполнения не были приняты (меньшинство постановлений). Как было указано выше, в большинстве случаев отсутствие федеральных законов, которые должны быть приняты во исполнение постановлений Конституционного Суда РФ, обуславливается тем, что законодателью необходимо значительно больше времени для разработки изменений, полностью

¹⁰ См.: *По делу о проверке конституционности положений статей 237, 413 и 418 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом президиума Курганского областного суда* : Постановление Конституц. Суда Рос. Федерации от 16 мая 2007 г. № 6-П. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹¹ См.: *О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации* : Федер. закон от 26 апр. 2013 г. № 64-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹² См.: *По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 125 и части первой статьи 152 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Р. Г. Мишиной* : Постановление Конституц. Суда Рос. Федерации от 20 июля 2012 г. № 20-П. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹³ См.: *О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части уточнения полномочий начальника органа дознания и дознавателя* : Федер. закон от 30 дек. 2015 г. № 440-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

встраивающихся в систему действующего законодательства и не вызывающих в ней противоречий.

Постановлением Конституционного Суда РФ от 19 мая 2022 г. № 20-П неконституционными признаны ст.ст. 24 и 27 УПК РФ «в той мере, в какой они по смыслу, придаваемому им правоприменительной практикой, позволяют следователю без согласия (при наличии возражения) подозреваемого, обвиняемого вынести постановление о прекращении уголовного преследования в связи с истечением срока давности»¹⁴. Несмотря на то что в данном Постановлении также давалось поручение законодателю «внести в действующее правовое регулирование надлежащие изменения, вытекающие из Постановления», соответствующие изменения в УПК РФ до сих пор не внесены. Представляется, что это связано с тем, что в данном случае исполнение поручения Конституционного Суда РФ требует анализа и доработки не только указанных статей, но и других связанных с ними норм права, что не позволяет законодателю оперативно внести в УПК РФ соответствующие изменения.

Постановление Конституционного Суда РФ от 18 июля 2022 г. № 33-П¹⁵, как и упомянутое выше Постановление Конституционного Суда РФ от 19 мая 2022 г. № 20-П, признало частично неконституционной ч. 2 ст. 27 УПК РФ, устанавливающую возможность с согласия подозреваемого (обвиняемого) прекращения уголовного преследования по истечении срока давности, а также во взаимосвязи с ней п. «в» ч. 1 ст. 78 Уголовного кодекса

Российской Федерации (далее – УК РФ), устанавливающую срок давности привлечения к уголовной ответственности для тяжких преступлений 10 лет. Данные нормы признаны неконституционными в той части, в которой они допускают неопределенность правового положения лица, обвиняемого (подозреваемого) в совершении преступления, если указанное лицо отказалось от прекращения уголовного дела по такому основанию, как истечение срока давности. Конституционный Суд РФ указал, что должен быть установлен срок для достижения состояния определенности правового положения такого лица применительно к подозрению или обвинению в совершении преступления.

Кроме того, Конституционный Суд РФ предписал внести соответствующие изменения в ст. 27 УПК РФ, ст. 78 УК РФ. Однако предложенные Конституционным Судом РФ поправки требуют анализа значительной части законодательства в целях изменения не только указанных статей, но и других нормативных актов, в связи с чем соответствующие изменения до настоящего времени не внесены.

В некоторых случаях, как представляется, проходит достаточно времени, чтобы внести поправки в законодательство, даже с учетом трудоемкости поставленной задачи, но изменения в законодательство так и не вносятся.

Так, например, Постановление Конституционного Суда РФ от 14 июля 2011 г. № 16-П¹⁶ признало неконституционными положения п. 4 ч. 1 ст. 24 и п. 1 ст. 254

¹⁴ По делу о проверке конституционности пункта 3 части первой статьи 24 и части второй статьи 27 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А. В. Новкунского : Постановление Конституц. Суда Рос. Федерации от 19 мая 2022 г. № 20-П. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹⁵ См.: По делу о проверке конституционности части второй статьи 27 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и пункта «в» части первой статьи 78 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В. А. Рудникова : Постановление Конституц. Суда Рос. Федерации от 18 июля 2022 г. № 33-П. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹⁶ См.: По делу о проверке конституционности положений пункта 4 части первой статьи 24 и пункта 1 статьи 254 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С. И. Александрина и Ю. Ф. Ващенко : Постановление Конституц. Суда Рос. Федерации от 14 июля 2011 г. № 16-П. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

УПК РФ в их взаимосвязи в части закрепления в качестве основания прекращения уголовного дела смерти подозреваемого (обвиняемого), за исключением случаев, когда производство по уголовному делу необходимо для реабилитации умершего, в той мере, в какой эти положения в системе действующего правового регулирования позволяют прекратить уголовное дело в связи со смертью подозреваемого (обвиняемого) без согласия его близких родственников. Однако до настоящего времени соответствующий федеральный закон так и не принят, а указанные нормы УПК РФ действуют с учетом данного Постановления.

Юридическая природа решений Конституционного Суда РФ

Если исходить из того, что в мировой практике источниками права признаются правовые нормы, нормативные договоры, обычаи, судебные прецеденты, а на уровне России в качестве источников права признаются правовые нормы, нормативные договоры и обычаи, то становится очевидным, что решения Конституционного Суда РФ не относятся ни к одному из признанных в России источников права.

С. В. Лозовская указывает, что решения Конституционного Суда РФ следует относить к нормативным правовым актам исходя из формальных признаков, так как указанные решения «создаются специально уполномоченным органом, содержат нормы права, подлежат официальному опубликованию и имеют непосредственное действие» [10, с. 11].

На наш взгляд, признавать решения Конституционного Суда РФ нормативными правовыми актами некорректно. Как справедливо отмечала М. А. Александрова, данные акты стоят особняком в системе источников права¹⁷. Они иерархично выше законов и подзаконных актов,

поскольку могут вывести их из правового поля, признав неконституционными. Более того, решения Конституционного Суда РФ, в отличие от нормативных правовых актов, не обладают свойством порождать, изменять или отменять нормы права. Они могут только толковать акты или прекращать действие тех или иных нормативных предписаний в случае признания нормы неконституционной. Возможность порождать или изменять нормы права у Конституционного Суда РФ отсутствует.

Таким образом, можно сделать вывод о невозможности признать акты Конституционного Суда РФ нормативными правовыми актами.

Многие ученые предлагают считать акты Конституционного Суда РФ судебными прецедентами. Такой позиции, например, придерживаются Е. В. Маркина и В. А. Шарыпова [11, с. 169] и другие. Обосновывая точку зрения, что решения Конституционного Суда РФ являются прецедентами, В. В. Лазарев и Х. И. Гаджиев предлагают признать судебный прецедент источником права, закрепив это в законодательстве и разделив прецеденты на прецеденты – источники права и прецеденты – толкования права, при этом последние не будут рассматриваться в качестве источников права [12, с. 20].

Представляется, что данная позиция также не совсем корректна. С точки зрения российского законодательства и всей системы романо-германского права судебный прецедент не является источником права и никогда не рассматривался в данном качестве. Судебный прецедент предполагает возможность применения судебного решения, принятого по конкретному делу, при решении аналогичных дел судами одного уровня. Он не обязателен для вышестоящих судов, которые могут разрешить дело иным образом. Он основан

¹⁷ См.: Александрова М. А. Решения Конституционного Суда Российской Федерации как источник российского права : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. С. 35.

на решении конкретных вопросов конкретного дела, в то время как Конституционный Суд РФ в своих актах на основании сопоставления норм права делает обобщенные выводы о соответствии или несоответствии конкретной нормы права Конституции РФ и возможности дальнейшего существования рассматриваемой нормы. Так, решение Конституционного Суда РФ, в отличие от прецедента, не только толкует, но и изменяет законодательство путем исключения из него неконституционных норм или дачи предписаний законодателю по их изменению.

Председатель Конституционного Суда РФ В. Д. Зорькин отмечает двойственный характер решений Конституционного Суда РФ по делам о проверке конституционности законов и иных нормативных правовых актов, указывая, что они, обладая нормативным характером (нормативной силой), в то же время имеют прецедентное значение [13, с. 4]. Данную точку зрения разделяют А. А. Васильев и другие авторы, указывая, что постановления Конституционного Суда РФ, которые содержат конкретные обязательные для правоприменителя правила поведения при производстве по уголовным делам, необходимо рассматривать в качестве источников права. Остальные – в качестве правоприменительных актов [14, с. 401].

Анализ постановлений Конституционного Суда РФ, произведенный в данной статье, показал, что данный подход достаточно обоснован. В настоящее время значительное число постановлений Кон-

ституционного Суда РФ действуют напрямую, без принятия соответствующих законов, что позволяет рассматривать указанные акты в качестве источников права. В то же время после принятия соответствующих законов указанные акты Конституционного Суда РФ можно рассматривать как акты толкования права, которые имеют прецедентное значение.

Соглашаясь с мнением о двойственной природе решений Конституционного Суда РФ, считаем, что в данный момент невозможно безоговорочно отнести акты Конституционного Суда РФ к той или иной существующей видовой группе источников российского права. Можно заключить, что данные акты – уникальный, самостоятельный источник права, имеющий двойственную природу. Данную точку зрения разделяет И. В. Мешков [9, с. 148].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный анализ постановлений Конституционного Суда РФ в сфере уголовно-процессуального регулирования позволил сделать вывод об их двойственной природе. Акты Конституционного Суда РФ, обладая некоторыми признаками таких источников права, как судебный прецедент и нормативный правовой акт, тем не менее не могут быть отнесены ни к одному из них. Считаем, что данные акты следует рассматривать как уникальный, самостоятельный источник права, который играет значительную роль в формировании правового пространства России.

Список литературы

1. Нерсесянц В. С. Суд не законодательствует и не управляет, а применяет право (о правоприменительной природе судебных актов) // Судебная практика как источник права : [сб.]. М. : Изд-во ИГиП РАН, 1997. С. 34–41.
2. Лазарев Л. В. Правовые позиции Конституционного Суда России. М. : Издат. дом «Городец» : Формула права, 2003. 528 с.
3. Бондарь Н. С. Нормативно-доктринальная природа решений Конституционного Суда РФ как источников права // Журнал российского права. 2007. № 4 (124). С. 75–85.
4. Туманов В. А. Пять лет конституционной юстиции в России: уроки, проблемы, перспективы // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 1996. № 6. С. 10–15.
5. Гаджиев Г. А. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации как источник конституционного права // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. 1999. № 3. С. 81–85.

6. Марченко М. Н. Судебное правотворчество и судебское право. М. : Проспект, 2006. 510 с.
7. Митькова Ю. С. Правовая природа решений Конституционного Суда Российской Федерации и их значение для уголовного судопроизводства // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2020. № 4 (55). С. 143–149. DOI: <https://doi.org/10.25724/VAMVD.RNOP>
8. Крохина Ю. А. Новеллы юридической силы решений Конституционного суда РФ и их значение для налогового права // Мониторинг правоприменения. 2022. № 2 (43). С. 11–17. DOI: <https://doi.org/10.21681/2226-0692-2022-2-11-17>
9. Игнатенко В. В., Петров А. А. Действие решений Конституционного Суда Российской Федерации: влияние конституционных изменений // Академический юридический журнал. 2021. Т. 22, № 3 (85). С. 193–201. DOI: [https://doi.org/10.17150/1819-0928.2021.22\(3\).193-201](https://doi.org/10.17150/1819-0928.2021.22(3).193-201)
10. Лозовская С. В. Постановления Конституционного Суда РФ как источник права // Государственная власть и местное самоуправление. 2022. № 1. С. 8–12. DOI: <https://doi.org/10.18572/1813-1247-2022-1-8-12>
11. Маркина Е. В., Шарыпова В. А. Правовая природа решений Конституционного Суда Российской Федерации // Проблемы конституционно-правового развития России : сб. науч. ст. по материалам всерос. науч.-практ. конф., посвящ. Дню Конституции Рос. Федерации. 12 дек. 2022 г. Ростов-на-Дону, 2022. С. 167–173.
12. Лазарев В. В., Гаджиев Х. И. Основные источники (формы) судебного права // Журнал российского права. 2022. Т. 26, № 9. С. 5–22. DOI: <https://doi.org/10.12737/jrl.2022.091>
13. Зорькин В. Д. Прецедентный характер решений Конституционного Суда Российской Федерации // Журнал российского права. 2004. № 12 (96). С. 3–9.
14. Иерархия источников права России: анализ законодательства и доктрины через сравнительно-правовую призму болгарского права / А. А. Васильев, С. Гройсман, Я. Стойлов, Ю. В. Печатнова // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2023. № 61. С. 390–402. DOI: <https://doi.org/10.17072/1995-4190-2023-61-390-402>
15. Мешков И. В. К вопросу о правовой природе решений Конституционного Суда Российской Федерации // Национальная ассоциация ученых. 2023. № 87-2. С. 67–71. DOI: <https://doi.org/10.31618/nas.2413-5291.2023.2.87.724>

References

1. Nersesyants V. S. The Court Does Not Legislate and Does Not Govern; It Applies the Law (On the Law-Applying Nature of Judicial Acts). In: *Judicial Practice as a Source of Law*. Moscow: Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences Publ.; 1997. P. 34–41. (In Russ.)
2. Lazarev L. V. *Legal Positions of the Constitutional Court of Russia*. Moscow: Gorodets Publ.; Formula prava Publ.; 2003. 528 p. (In Russ.)
3. Bondar' N. S. Normative-Doctrinal Nature of Decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation as Sources of Law. *Journal of Russian Law*. 2007;4:75-85. (In Russ.)
4. Tumanov V. A. Five Years of the Constitutional Justice in Russia: Lessons, Problems, Prospects. *Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation*. 1996;6:10-15. (In Russ.)
5. Gadzhiev G. A. Legal Positions of the Constitutional Court of the Russian Federation as a Source of Constitutional Law. *Konstitutsionnoe pravo: vostochnoevropeiskoe obozrenie*. 1999;3:81-85. (In Russ.)
6. Marchenko M. N. *Judicial Law-Making and Judge-Made Law*. Moscow: Prospekt Publ.; 2006. 510 p. (In Russ.)
7. Mitkova Yu. S. Problems of Determining the Legal Nature of Decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation and Their Significance to Criminal Proceedings. *Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2020;4:143-149. DOI: <https://doi.org/10.25724/VAMVD.RNOP> (In Russ.)
8. Krokhhina Yu. A. Novelties in the Legal Force of Decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation and Their Importance for Tax Law. *Monitoring of Law Enforcement*. 2022;2:11-17. DOI: <https://doi.org/10.21681/2226-0692-2022-2-11-17> (In Russ.)
9. Ignatenko V. V., Petrov A. A. Effect of Decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation: Impact of Constitutional Changes. *Academic Law Journal*. 2021;22(3):193-201. DOI: [https://doi.org/10.17150/1819-0928.2021.22\(3\).193-201](https://doi.org/10.17150/1819-0928.2021.22(3).193-201) (In Russ.)
10. Lozovskaya S. V. Resolutions of the Constitutional Court of the Russian Federation as a Source of Law. *State Power and Local Self-Government*. 2022;1:8-12. DOI: <https://doi.org/10.18572/1813-1247-2022-1-8-12> (In Russ.)
11. Markina E. V., Sharypova V. A. The Legal Nature of Decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation. In: *Problems of Constitutional and Legal Development of Russia*. Rostov on Don, 2022. P. 167–173. (In Russ.)
12. Lazarev V. V., Gadzhiev Kh. I. Main Sources (Forms) of Judicial Law. *Journal of Russian Law*. 2022;26(9):522. DOI: <https://doi.org/10.12737/jrl.2022.091> (In Russ.)
13. Zor'kin V. D. Precedent Nature of the Constitutional Court of the Russian Federation Decisions. *Journal of Russian Law*. 2004;12:3-9. (In Russ.)

14. Vasilev A. A., Groysman S., Stoilov Ya., Pechatnova Yu. V. Hierarchy of Russian Law Sources: an Analysis of Legislation and Doctrine Through the Comparative Legal Prism of Bulgarian Law. *Vestnik Permskogo Universiteta. Yuridicheskie Nauki*. 2023;61:390-402. DOI: <https://doi.org/10.17072/1995-4190-2023-61-390-402> (In Russ.)

15. Meshkov I. V. On the Question of the Legal Nature of the Decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation. *Natsional'naya assotsiatsiya uchenykh*. 2023;87-2:67-71. DOI: <https://doi.org/10.31618/nas.2413-5291.2023.2.87.724> (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Елена Александровна Кравцова, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина (ул. Горького, 71, Белгород, 308024, Российская Федерация), профессор кафедры трудового и предпринимательского права Белгородского государственного национального исследовательского университета (ул. Победы, 85, Белгород, 308015, Российская Федерация), доктор юридических наук, доцент; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0979-2545>; e-mail: 543375@mail.ru;

Эдуард Александрович Винокуров, доцент кафедры уголовного процесса Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина (ул. Горького, 71, Белгород, 308024, Российская Федерация), кандидат юридических наук; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1747-4750>

ABOUT THE AUTHORS

Elena A. Kravtsova, Professor of the Department of Civil Law Disciplines at the Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia (71 Gorky str., Belgorod, 308024, Russian Federation), Professor of the Department of Labour and Entrepreneurial Law at the Belgorod State National Research University (85 Pobedy str., Belgorod, 308015, Russian Federation); Doctor of Legal Sciences, Associate Professor; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0979-2545>; e-mail: 543375@mail.ru;

Eduard A. Vinokurov, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure at the Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia (71 Gorky str., Belgorod, 308024, Russian Federation), Candidate of Legal Sciences; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1747-4750>

Поступила | Received
03.06.2025

Поступила после рецензирования
и доработки | Revised
01.07.2025

Принята к публикации | Accepted
21.08.2025

УДК 34:004.056
DOI: 10.19073/2658-7602-2026-23-1-68-81
EDN: ZRGDYS

Оригинальная научная статья

Правовое регулирование квантовых коммуникаций в механизме защиты финансовой информации

Д. А. Кулешов

Университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Москва, Российская Федерация

✉ dima.kuleshoff@gmail.com

Аннотация. Настоящая статья посвящена исследованию правового регулирования квантовых коммуникаций в финансовой сфере, которая рассматривается как приоритетное направление обеспечения информационной безопасности и устойчивости национальной экономики. Отмечается, что стремительное развитие квантовых вычислений радикально меняет баланс в области кибербезопасности: традиционные криптографические механизмы в обозримой перспективе могут утратить свою стойкость, что влечет угрозы для функционирования национальной платежной системы, стабильности кредитно-финансовых институтов и доверия граждан к финансовым операциям. В этих условиях квантовое распределение ключей (QKD) и постквантовые алгоритмы становятся основными инструментами, способными обеспечить принципиально новый уровень защиты информации и сформировать устойчивую архитектуру цифровой безопасности. Методологическую основу исследования составили сравнительно-правовой анализ и сопоставление зарубежных практик регулирования (Европейского союза, Сингапура, Китая, Бразилии) с российскими стратегическими актами и пилотными инициативами. Международный опыт показывает, что внедрение квантовых коммуникаций осуществляется через закрепление в стратегических программах, разработку стандартов, создание «регуляторных песочниц» и поддержку пилотных проектов. Особое внимание уделяется необходимости гармонизации национальных подходов и формированию международных соглашений, способных устранить фрагментарность регулирования. В России формируется собственная модель правового регулирования: утверждены концепции и дорожные карты до 2030 г., предварительные национальные стандарты (ПНСТ 829–832), развивается серия ГОСТ Р 57580.x, сертифицируются средства квантовой криптографии, а также реализуются пилотные проекты с участием крупнейших финансовых организаций. Вместе с тем выявлены барьеры, затрудняющие дальнейшее развитие: фрагментарность нормативной базы, сложные закупочные процедуры и недостаток институциональной координации между государством, бизнесом и научным сообществом. В качестве приоритетных направлений предлагается рассматривать институционализацию экспериментальных правовых режимов, создание постоянных экспертных площадок, расширение практики пилотных проектов, гармонизацию национальных норм с международными инициативами и развитие национальной инфраструктуры квантовой связи. Делается вывод, что консолидация нормативных, организационных и технических мер позволит укрепить технологический суверенитет и обеспечить долгосрочную защиту финансовой системы от квантовых угроз.

Ключевые слова: информационная безопасность; квантовые технологии; квантовое распределение ключей; национальная безопасность; экспериментально-правовые режимы; стандартизация; Центральный банк Российской Федерации; квантовые коммуникации

Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 24–18-00950 «Проблемы и перспективы регулирования квантовых коммуникаций в условиях экономики данных»).

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Кулешов Д. А., 2026

Для цитирования: Кулешов Д. А. Правовое регулирование квантовых коммуникаций в механизме защиты финансовой информации // Сибирское юридическое обозрение. 2026. Т. 23, № 1. С. 68–81. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2026-23-1-68-81>. EDN: <https://elibrary.ru/zrgdys>

Original scientific article

Legal Regulation of Quantum Communications in the Mechanism for Protecting Financial Information

D. A. Kuleshov

Kutafin Moscow State Law University, Moscow, Russian Federation

✉ dima.kuleshoff@gmail.com

Abstract. This article examines the legal regulation of quantum communications in the financial sector, which is viewed as a priority area for ensuring information security and the resilience of the national economy. It is noted that the rapid development of quantum computing is fundamentally altering the balance in the field of cybersecurity: in the foreseeable future, traditional cryptographic mechanisms may lose their robustness, creating risks for the functioning of the national payment system, the stability of credit and financial institutions, and public trust in financial transactions. In these circumstances, quantum key distribution (QKD) and post-quantum algorithms become key instruments capable of ensuring a fundamentally new level of information protection and of shaping a sustainable architecture of digital security. The methodological basis of the study consists of comparative legal analysis and a comparison of foreign regulatory practices (the European Union, Singapore, China and Brazil) with Russian strategic instruments and pilot initiatives. International experience shows that the implementation of quantum communications is pursued through inclusion in strategic programmes, development of standards, creation of “regulatory sandboxes,” and support for pilot projects. Particular attention is given to the need to harmonise national approaches and to develop international agreements capable of eliminating regulatory fragmentation. A domestic model of legal regulation is taking shape in Russia: concepts and roadmaps through 2030 have been approved; preliminary national standards (PNST 829–832) have been adopted; the GOST R 57580.x series is being developed; quantum cryptography tools are being certified; and pilot projects are being implemented with the participation of major financial organisations. At the same time, the study identifies barriers hindering further development—fragmentation of the regulatory framework, complex procurement procedures, and insufficient institutional coordination among the state, business and the academic community. Priority areas are proposed, including institutionalisation of experimental legal regimes, establishment of permanent expert platforms, expansion of pilot-project practice, harmonisation of national rules with international initiatives, and development of a national quantum communications infrastructure. The article concludes that consolidation of legal, organisational and technical measures will strengthen technological sovereignty and ensure long-term protection of the financial system against quantum threats.

Keywords: information security; quantum technologies; quantum key distribution; national security; experimental legal regimes; standardisation; Central Bank of the Russian Federation; quantum communications

Funding. The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation (Project No. 24–18-00950 “Problems and Prospects for Regulating Quantum Communications in a Data Economy”).

Conflict of interest. The Author declares no conflict of interest.

For citation: Kuleshov D. A. Legal Regulation of Quantum Communications in the Mechanism for Protecting Financial Information. *Siberian Law Review*. 2026;23(1):68-81. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2026-23-1-68-81>. EDN: <https://elibrary.ru/zrgdys> (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

В современных условиях обеспечение высокого уровня защиты информации становится одной из центральных задач государственного управления, поскольку именно информационная безопасность выступает системообразующим элементом устойчивого развития национальной экономики. Особое значение данный аспект приобретает применительно к финансовому сектору, где непрерывность и защищенность информационных потоков непосредственно определяют функционирование платежной системы, устойчивость кредитно-финансовых институтов и уровень доверия со стороны общества.

При этом уже в среднесрочной перспективе традиционные криптографические механизмы защиты рискуют утратить эффективность ввиду стремительного прогресса в области квантовых вычислений. Подобное обстоятельство предопределяет необходимость поиска альтернативных решений и обуславливает обращение к квантовым коммуникациям как к технологии, способной обеспечить принципиально новый уровень безопасности финансовой инфраструктуры.

Согласно распространенной позиции, финансовая сфера рассматривается в качестве одной из первых отраслей, где целесообразно ожидать внедрения квантовых коммуникаций [1, с. 28]. Причиной данной тенденции является высокая степень уязвимости финансовых систем: сбой в платежных каналах или компрометация межбанковских транзакций способны вызвать масштабные последствия не только экономического, но и социаль-

ного характера. В связи с этим государства и крупнейшие финансовые институты рассматривают квантовую криптографию и квантовые сети как часть системы национальной экономической безопасности.

Ключевым достоинством квантовых коммуникаций выступает обеспечение сохранности информации на основе фундаментальных законов физики, что позволяет достичь качественно нового уровня информационной безопасности и формировать инфраструктуру квантово-защищенных сетей и вычислительных систем¹.

Так, в Китае реализуются проекты, в рамках которых крупнейшие банки используют технологии квантовых коммуникаций для защиты каналов передачи данных². Один из банков внедрил квантовое шифрование при передаче цифровых сертификатов между своими филиалами и Центром финансовой сертификации Китая, что обеспечило высокий уровень безопасности в управлении системой выдачи сертификатов³.

Аналогичные процессы наблюдаются в Сингапуре. Здесь функционирует государственная программа Quantum-Safe Network, предусматривающая использование квантовых коммуникаций для защиты данных банковского сектора⁴. Более того, в 2024 г. Денежно-кредитное управление Сингапура (Monetary Authority of Singapore, далее – MAS) официально предупредило финансовые организации о необходимости учитывать «квантовую угрозу» при формировании систем управления киберрисками, что отражает высокую степень институционализации данного вопроса.

¹ См.: *Основы квантовой коммуникации* : учеб.-метод. пособие / А. В. Козубов, А. А. Гайдаш, С. М. Кынев, В. И. Егоров и др. СПб. : Ун-т ИТМО, 2019. Ч. 1. С. 8.

² См.: *В Китае* создана крупнейшая в мире сеть квантовой связи // Вести.Ру. 2021. URL: <https://www.vesti.ru/nauka/article/2507542> (дата обращения: 22.09.2025).

³ См.: *Huishang Bank Turns To Quantum Communication* // Digital Finance. 2019. URL: <https://www.digfin-group.com/huishang/> (дата обращения: 22.09.2025).

⁴ См.: *Singapore Strives To Become (South East) Asia's Quantum Hub* // Special Quantum Technology. 2025. P. 26. URL: <https://www.rvo.nl/sites/default/files/2025-05/IASpecialQuantumTechnology.pdf> (дата обращения: 22.09.2025).

Особый интерес представляет европейский опыт, прежде всего инициативы Нидерландов. В рамках программы Quantum Delta NL стартап QBird разрабатывает систему квантовой связи, уже используемую для защиты информационных потоков порта Роттердама, который официально отнесен к объектам критической инфраструктуры⁵. Практика показывает, что подобные решения обладают потенциалом масштабирования, в том числе на банковскую сферу. Датская практика также демонстрирует интерес к применению квантовых коммуникаций в финансовом секторе: в феврале 2022 г. был реализован тестовый проект по переносу данных между двумя компьютерами Национального банка Дании⁶. В свою очередь итальянские специалисты опубликовали исследование о квантово-безопасных платежных системах, в котором особое внимание уделено технологиям квантовой генерации случайных чисел и квантового распределения ключей [2, с. 9].

Показательным примером служит опыт Бразилии, где ведущие банки Itaú и Bradesco присоединились к IBM Quantum Network, начав практическое тестирование квантовой криптографии для защиты национальной платежной системы PIX⁷. Этот шаг свидетельствует о переходе от экспериментальных разработок в лабораторных условиях к проверке возможностей технологии в сфере массовых финансовых операций.

Помимо пилотных проектов, важное значение имеют нормативные рамки и стандарты, которые формируются

на международном уровне для поддержки внедрения квантовых технологий.

Всё более отчетливо фиксируется отход от либеральной модели *science without borders* и переход к политике жесткого государственного контроля. Речь идет о введении экспортных ограничений, усилении механизмов проверки иностранных инвестиций, регламентации трансграничного сотрудничества в сфере квантовых технологий, что наглядно демонстрирует опять же пример Нидерландов с их режимом *investment screening*⁸. Подобные меры объясняются тем, что квантовые коммуникации воспринимаются не только как фактор технологического прогресса, но и как технология, напрямую связанная с национальной и финансовой безопасностью. В рамках программы Quantum Delta NL реализуются инициативы, посвященные исследованию правовых, этических и социальных аспектов (*Ethical, Legal, and Societal Aspects – ELSA*) квантовых технологий. Такой подход демонстрирует осознание того, что формирование квантовой инфраструктуры невозможно без одновременного анализа последствий в правовой плоскости, начиная от защиты персональных данных и банковской тайны и заканчивая вопросами распределения ответственности в случае технологических сбоев или инцидентов⁹.

В рамках Европейского союза внимание сосредоточено на гармонизации стандартов и выработке единой нормативной базы. Инициативы Франции, Германии и Швеции направлены на создание общеевропейской экосистемы квантовых

⁵ См.: *Dutch Quantum Technology Takes Flight* // Special Quantum Technology. 2025. P. 34. URL: <https://www.rvo.nl/sites/default/files/2025-05/IASpecialQuantumTechnology.pdf> (дата обращения: 22.09.2025).

⁶ См.: *Quantum-Safe Data Transfer Performed at Danske Bank* // KPMG. 2021. URL: <https://home.kpmg/dk/en/home/media/press-releases/2022/02/quantum-safe-data-transfer-performed-at-danske-bank.html> (дата обращения: 28.09.2025).

⁷ См.: *Bradesco avalia uso de criptografia quântica com a IBM* // TeleSintese. 2023. URL: <https://telesintese.com.br/bradesco-avalia-uso-de-criptografia-quantica-com-a-ibm/> (дата обращения: 21.09.2025).

⁸ См.: *A Quantum Ecosystem With(out) Borders* // Special Quantum Technology. 2025. P. 6. URL: <https://www.rvo.nl/sites/default/files/2025-05/IASpecialQuantumTechnology.pdf> (дата обращения: 22.09.2025).

⁹ Ibid.

технологий, что предполагает согласованное правовое регулирование и унификацию требований в отношении защиты информации, включая сферу финансовых услуг¹⁰. Параллельные процессы можно наблюдать в США и Китае, где квантовые технологии официально закреплены в перечнях критически значимых направлений для обороны и экономики, а их трансграничное применение строго подчинено механизмам экспортного контроля¹¹.

Кроме того, в Европейском союзе действует регламент DORA (Digital Operational Resilience Act – Закон о цифровой операционной устойчивости), который в ст. 9 закрепляет обязанность финансовых организаций использовать решения, обеспечивающие защиту каналов передачи данных и предотвращающие криптографические уязвимости¹². Хотя в тексте акцент сделан на постквантовую криптографию (Post-Quantum Cryptography – PQC), положения о криптографической гибкости (crypto-agility) фактически открывают возможность применения и технологий квантового распределения ключей (quantum key distribution – QKD) как инструмента обеспечения непрерывной безопасности каналов связи.

В 2024 году G7 Cyber Expert Group в своем заявлении указала на необходимость срочного планирования перехода к квантово-устойчивым (quantum-safe)

решениям, включая не только постквантовые алгоритмы, но и квантовые коммуникации как метод, способный обеспечить устойчивость критически значимых транзакций¹³. Подобный подход отражает стремление международного сообщества формировать комплексную систему регулирования, где постквантовое шифрование и квантовые коммуникации рассматриваются не как конкурирующие, а как взаимодополняющие механизмы защиты финансовой системы от квантовых угроз.

Интересен опыт Сингапура, где был выпущен документ Technology Risk Management Guidelines, закрепивший требования к формированию криптографической политики, управлению жизненным циклом ключей, организации инцидент-менеджмента и распределению ответственности между руководством и сотрудниками финансовых организаций¹⁴. На основе указанных положений в феврале 2024 г. MAS опубликовало специализированный документ Advisory on Addressing the Cybersecurity Risks Associated with Quantum (MAS/TCRS/2024/01), в котором квантовые вычисления впервые квалифицировались в качестве источника прямых угроз для систем криптографии с открытым ключом¹⁵. Данный акт предписывает проведение инвентаризации криптографических активов, разработку планов

¹⁰ См.: *France's Ambitions for Europe Match those of the Netherlands* // Special Quantum Technology. 2025. P. 22. URL: <https://www.rvo.nl/sites/default/files/2025-05/IASpecialQuantumTechnology.pdf> (дата обращения: 22.09.2025).

¹¹ См.: *Ambitious Plans and Growing Global Partnerships* // Special Quantum Technology. 2025. P. 36. URL: <https://www.rvo.nl/sites/default/files/2025-05/IASpecialQuantumTechnology.pdf> (дата обращения: 22.09.2025).

¹² См.: *Digital Operational Resilience Act (DORA)* // Cyber Risk GmbH. 2023. URL: https://www.digital-operational-resilience-act.com/DORA_Articles.html (дата обращения: 22.09.2025).

¹³ См.: *G7 Cyber Expert Group Statement on Planning for the Opportunities and Risks of Quantum Computing* // U.S. Department of the Treasury. 2024. P. 2. URL: <https://home.treasury.gov/system/files/136/G7-CYBER-EXPERT-GROUP-STATEMENT-PLANNING-OPPORTUNITIES-RISKS-QUANTUM-COMPUTING.pdf> (дата обращения: 22.09.2025).

¹⁴ См.: *Technology Risk Management Guidelines* // Monetary Authority of Singapore. 2021. P. 3. URL: <https://www.mas.gov.sg/-/media/MAS/Regulations-and-Financial-Stability/Regulatory-and-Supervisory-Framework/Risk-Management/TRM-Guidelines-18-January-2021.pdf> (дата обращения: 22.09.2025).

¹⁵ См.: *Advisory on Addressing the Cybersecurity Risks Associated with Quantum* // Monetary Authority of Singapore. 2024. P. 1. URL: <https://www.mas.gov.sg/-/media/mas-media-library/regulation/circulars/trpd/mas-quantum-advisory/mas-quantum-advisory.pdf> (дата обращения: 22.09.2025).

по переходу на постквантовые алгоритмы, инициирование пилотных проектов с использованием квантового распределения ключей, а также формирование компетенций руководящих кадров и специалистов в области квантовой безопасности.

Указанные инициативы отражают внимание к рискам для финансовой системы, что подчеркивается как в стратегических документах, так и в научной литературе.

Международный опыт регулирования квантовых коммуникаций

В иностранных научных источниках отмечается особенная роль технологий квантовых коммуникаций в финансовой сфере и подчеркивается, что специфическими рисками для общества, выявленными в свете квантовых технологий, являются риски устойчивости финансовой системы [3, р. 18]. Развитие квантовых технологий несет особую угрозу, поскольку цифровые формы денег и механизмы межбанковских транзакций оказываются наиболее чувствительными к потенциальным рискам, связанным с использованием новых вычислительных решений¹⁶.

В нидерландской Национальной программе в области квантовых технологий подчеркивается, что развитие квантовых вычислений несет серьезные риски для конфиденциальности и безопасности информации, поскольку в перспективе такие системы будут способны взламывать большинство существующих методов шифрования с открытым ключом. Под угрозу могут попасть данные, связанные как с обеспечением национальной безопасности, так и с финансовой, медицинской и иной персональной информацией. Особое внимание уделяется потенциальным угрозам для устойчивости финансовой системы, поскольку

цифровые активы и онлайн-транзакции составляют основу современного оборота денежных средств. В документе указывается на необходимость подготовки банков и иных финансовых институтов к квантовой эпохе. В качестве перспективных направлений рассматриваются постквантовая криптография и квантовое распределение ключей, однако особое значение придается вопросам стандартизации и сертификации данных решений¹⁷.

Как отмечают В. Б. Наумов и Г. В. Станковский, именно стандартизация выступает ключевым условием становления отрасли. Дефицит стандартизации приводит к возникновению институциональных барьеров и снижает уверенность участников рынка в перспективах технологического и коммерческого развития [4, с. 237].

Таким образом, международные документы фиксируют не только технологические преимущества, но и правовые вызовы. Определяющими факторами становятся стандартизация и сертификация решений.

Совокупность этих примеров позволяет утверждать, что формируется новая правовая реальность, в рамках которой регулирование квантовых коммуникаций выходит далеко за пределы технической стандартизации и охватывает вопросы международной безопасности, защиты данных, инвестиционного надзора и юридической ответственности. Для финансового сектора это означает необходимость не только технологического обновления посредством внедрения квантовых решений, но и институциональной адаптации к новым нормативным требованиям, включая процедуры сертификации, регулирование трансграничных расчетов и соблюдение международных режимов безопасности.

В последние годы в Российской Федерации постепенно формируется корпус

¹⁶ См.: *National Agenda for Quantum Technology // QuTech*. 2019. P. 50. URL: <https://qutech.nl/wp-content/uploads/2019/09/NAQT-2019-EN.pdf> (дата обращения: 22.09.2025).

¹⁷ Ibid. P. 51.

пилотных проектов, направленных на апробацию квантовых коммуникаций в условиях реальной эксплуатации, причем особое значение имеют инициативы с участием финансовых организаций.

К примеру, ВТБ в партнерстве с РЖД и Группой Т1 представил прототип программно-аппаратного комплекса «Квантовый криптоанклав», созданного для защищенного обмена данными на основе квантового распределения ключей, что подтверждает тенденцию интеграции квантовых решений в критические сегменты финансово-транспортной инфраструктуры¹⁸.

Не менее показателен опыт Газпромбанка, который с 2018 г. участвует в различных инициативах – от развертывания пилотной высокоскоростной линии связи с применением квантовой криптографии в сотрудничестве с Российским квантовым центром¹⁹ до инвестиций в спутниковую систему квантового распределения ключей QSpace²⁰.

На уровне опорной инфраструктуры особое значение имеет магистраль Москва–Санкт-Петербург протяженностью около 700 км, где тестируются сценарии применения квантовых коммуникаций в критически значимых отраслях, включая банковские магистрали между центрами обработки данных банков (ЦОД–ЦОД), что свидетельствует о переходе от экспериментальных исследований к внедрению технологий в масштабах национальных сетей²¹.

Параллельно с практическими инициативами развитие квантовых коммуникаций находит отражение в стратегических актах.

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ФИНАНСОВОМ СЕКТОРЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Фундаментальную основу национальной политики в области регулирования квантовых технологий в финансовом секторе формирует Стратегия национальной безопасности Российской Федерации²². В данном документе квантовые технологии закреплены в числе приоритетных направлений научно-технологического развития. Такое закрепление свидетельствует о том, что уже на уровне стратегического планирования квантовая повестка воспринимается как ключевой компонент системы национальной безопасности, требующий соответствующего нормативного сопровождения и институциональной поддержки.

В Дорожной карте развития «сквозной» цифровой технологии «Квантовые технологии» фиксируется, что одним из наиболее значимых направлений внедрения квантовых коммуникаций должно стать обеспечение информационной безопасности финансового сектора²³. Данный приоритет корреспондирует положениям Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 г., где уязвимость

¹⁸ См.: РЖД, ВТБ и Т1 создадут «Квантовый криптоанклав» // ComNews. 2025. URL: <https://www.comnews.ru/digital-economy/content/239771/2025-06-19/2025-w25/1012/rzhd-vtb-i-t1-sozhdadut-kvantovyyu-kriptoanklav> (дата обращения: 22.09.2025).

¹⁹ См.: Физики из России создали квантовую защиту для быстрых линий связи // РИА Новости. 2018. URL: <https://ria.ru/20180522/1521067350.html> (дата обращения: 22.09.2025).

²⁰ См.: Газпромбанк вложился в квантовую спутниковую связь // ComNews. 2022. URL: <https://www.comnews.ru/content/218559/2022-01-31/2022-w05/gazprombank-vlozhilsya-kvantovuyu-sputnikovuyu-svyaz> (дата обращения: 22.09.2025).

²¹ См.: Первая в РФ линия квантовой связи запущена между Москвой и Петербургом // Интерфакс. 2021. URL: <https://www.interfax.ru/russia/771209> (дата обращения: 22.09.2025).

²² См.: О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента Рос. Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2021. № 27 (ч. II), ст. 5351.

²³ Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

информационной инфраструктуры банковско-финансовой системы определяется как фактор, представляющий непосредственную угрозу национальной экономической стабильности²⁴.

Если обратиться к Доктрине информационной безопасности, то в ней отмечается, что состояние информационной безопасности в экономической сфере характеризуется недостаточным уровнем развития конкурентоспособных информационных технологий²⁵. Стратегическими целями обеспечения информационной безопасности в экономической сфере являются сведение к минимально возможному уровню влияния негативных факторов, обусловленных недостаточным уровнем развития отечественной отрасли информационных технологий и электронной промышленности, разработка и производство конкурентоспособных средств обеспечения информационной безопасности.

Согласно паспорту федерального проекта «Информационная безопасность», одной из приоритетных задач признается формирование комплекса стандартов информационной безопасности, которые должны быть разработаны, утверждены, согласованы с действующими нормативами и введены в практику функционирования систем, основанных на квантовых технологиях²⁶.

На уровне стратегического планирования Центрального банка Российской Федерации (далее – Банк России) квантовые технологии были выделены в качестве самостоятельного направления развития

финансового рынка. В рамках Основных направлений развития финансовых технологий на период 2025–2027 гг. Банк России разделяет квантовые технологии на три ключевых блока – квантовые вычисления, квантовые коммуникации, квантовое и постквантовое шифрование²⁷. Подчеркивается, что данные технологии обладают потенциалом экспоненциального повышения эффективности вычислительных процессов и могут использоваться в различных секторах экономики, включая финансовый рынок, где они могут использоваться для оценки кредитного и ликвидного рисков, оптимизации биржевой торговли, а также развития платежной инфраструктуры, обеспечивающей более высокие скорость и уровень безопасности транзакций. Отдельный акцент сделан на квантовых коммуникациях как способе построения сетей связи, устойчивых к угрозам, связанным с использованием квантовых компьютеров. Их распространение, по оценке Банка России, позволит существенно укрепить защиту цифровой инфраструктуры посредством применения механизмов квантового распределения ключей²⁸. В числе приоритетных направлений обозначены развитие правового регулирования и устранение барьеров для внедрения квантовой связи, обеспечение технологического суверенитета, поддержка отечественных производителей, гармонизация законодательства, кадровая подготовка и стимулирование исследований. Банк России фиксирует намерение продолжать системный анализ

²⁴ См.: *О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года* : Указ Президента Рос. Федерации от 13 мая 2017 г. № 208. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

²⁵ См.: *Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации* : Указ Президента Рос. Федерации от 5 дек. 2016 г. № 646 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. № 50, ст. 7074.

²⁶ См.: *Паспорт* федерального проекта «Информационная безопасность» : утв. Президиумом Правительств. комиссии по цифровому развитию, использованию информ. технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предприним. деятельности, протокол от 28 мая 2019 г. № 9. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

²⁷ См.: *Основные направления развития финансовых технологий на период 2025–2027 годов* // Центр. банк Рос. Федерации. 2024. С. 47–49. URL: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/166399/onfintech_2025-27.pdf (дата обращения: 22.09.2025).

²⁸ Там же. С. 49.

возможностей и рисков внедрения квантовых технологий, что создает нормативную основу для их дальнейшей интеграции в банковскую инфраструктуру²⁹.

МОДЕЛЬ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ КВАНТОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ В ФИНАНСОВОЙ СФЕРЕ

Как отмечает М. Б. Добробаба, в основе модели правового регулирования квантовых коммуникаций лежит идея о том, что именно информационная безопасность формирует ее структурное ядро и определяет логику развития соответствующих нормативных решений [5, с. 110–112]. При этом финансовая сфера рассматривается как одна из наиболее уязвимых областей в условиях роста технологических рисков. Такой приоритет объясняется тем, что именно в финансовом секторе сосредоточены критические каналы передачи данных и инструменты, от бесперебойного функционирования которых зависит устойчивость национальной экономики и доверие общества к институциональной системе. В связи с этим внедрение квантовых технологий в банковские операции и системы платежных транзакций видится первоочередной задачей, сопряженной не только с инновационным развитием, но и с обеспечением фундаментальных условий экономической безопасности.

Правовое регулирование квантовых коммуникаций в России формируется на стыке отраслевого и специального законодательства, что создает определенные вызовы и возможности для финансового сектора.

В свою очередь правовое регулирование информационной безопасности платежной системы представляет со-

бой многоуровневую структуру. Базу составляет Федеральный закон от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ «О национальной платежной системе»³⁰, возлагающий на участников обязанность поддерживать надежность и защищенность платежной инфраструктуры. Дополнительно полномочия по формированию требований возложены на Банк России³¹, а кредитные организации признаны субъектами критической информационной инфраструктуры³². ГОСТ Р 57580.1–2017 закрепляет базовый набор организационных и технических мер защиты. Такая конструкция создает нормативный фундамент для последующей интеграции квантовых коммуникаций в национальную систему защиты финансовой информации.

Как уже отмечалось выше, для успешного внедрения квантовых коммуникаций необходимо наличие разработанных стандартов. Паспортом «дорожной карты» развития высокотехнологичной области «квантовые коммуникации» на период до 2024 г.³³ к 30 июня 2022 г. предусматривалось проведение национальной стандартизации продуктов и решений, созданных на основе квантовых коммуникаций.

В российской практике складывается двойной контур стандартизации в области информационной безопасности. В 2023 году введены первые предварительные национальные стандарты (ПНСТ 829–2023, 830–2023, 832–2023), формирующие понятийный аппарат и методологические ориентиры для развития квантовых сетей. В перспективе они должны трансформироваться в полноценные национальные стандарты (ГОСТ), обеспечивающие нормативную совместимость. Одновременно в финансовой

²⁹ См.: *Основные направления развития финансовых технологий на период 2025–2027 годов ...* С. 51–53.

³⁰ См.: *Собр. законодательства Рос. Федерации*. 2011. № 27, ст. 3872.

³¹ См.: *О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)* : Федер. закон от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ // *Собр. законодательства Рос. Федерации*. 2002. № 28, ст. 2790.

³² См.: *О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации* : Федер. закон от 26 июля 2017 г. № 187-ФЗ // *Собр. законодательства Рос. Федерации*. 2017. № 31 (ч. 1), ст. 4736.

³³ Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

сфере продолжает действовать серия ГОСТ Р 57580.x, определяющая базовый состав организационных и технических мер защиты информации. Для банков и иных кредитных организаций это означает не замену существующих требований новыми квантовыми механизмами, а интеграцию последних в действующую нормативную архитектуру: квантовое распределение ключей должно рассматриваться как дополнительный элемент криптографической стойкости, усиливающий уже установленные подходы³⁴.

Отдельное значение имеет институт сертификации средств квантовой криптографии в качестве средств криптографической защиты информации (СКЗИ). В 2022 году система ViPNet QSS получила первый сертификат ФСБ России³⁵. Этот шаг перевел квантовые коммуникации из сферы экспериментальных разработок в категорию практических решений, создав предпосылки для их нормативного внедрения в банковскую инфраструктуру.

По мнению М. Б. Добробабы, процесс стандартизации в рассматриваемой области является критически значимым условием преодоления рыночной неопределенности и формирования доверия к технологиям квантовых коммуникаций, прежде всего в финансовом секторе [5, с. 114]. Таким образом, именно комплексное развитие национальных стандартов, механизмов сертификации и их интеграции в действующую систему требований формирует устойчивую нормативную модель регулирования внедрения квантовых коммуникаций в финансовую систему России.

Внедрение квантовых коммуникаций объективно повлечет необходимость масштабного пересмотра действующих

стандартов либо разработки новых нормативных решений. Эта работа должна осуществляться в тесном взаимодействии с Банком России и крупнейшими кредитными организациями, поскольку Доктрина информационной безопасности Российской Федерации прямо закрепляет за Банком России статус органа, составляющего организационную основу национальной системы обеспечения информационной безопасности, а за финансовыми институтами – роль ее участников.

Несмотря на активное развитие проектов и появление стратегических документов, существует ряд барьеров, препятствующих широкому внедрению квантовых коммуникаций в финансовой сфере.

Существенным барьером для внедрения квантовых коммуникаций выступает процедура государственных и муниципальных закупок, установленная Федеральным законом от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»³⁶. По оценке разработчиков и практиков, действующие регламенты избыточно бюрократизированы, что препятствует оперативному приобретению специализированного оборудования и снижает способность проектов быстро адаптироваться к технологическим вызовам [1, с. 34]. Такая проблема особенно актуальна для пилотных проектов и экспериментальных правовых режимов, где важна минимальная задержка между решением и реализацией. Упрощение закупочных процедур, сокращение административных барьеров, создание отдельных механизмов для высокотехнологичных закупок могли бы способствовать более активному вовлечению исследовательских организаций и частных компаний [6, с. 112].

³⁴ См.: ГОСТ Р 57580.1–2017. Защита информации финансовых организаций. Базовый состав организационных и технических мер. М., 2017. 61 с. (Безопасность финансовых (банковских) операций).

³⁵ См.: ViPNet QSS – первая в России квантово-криптографическая система, сертифицированная по требованиям ФСБ России // ИнфоТекС. 2022. URL: <https://infotecs.ru/press-center/publications/vipnet-qss-pervaya-v-rossii-kvantovo-kriptograficheskaya-sistema-sertifitsirovannaya-po-trebovaniyam/> (дата обращения: 22.09.2025).

³⁶ Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Новые исследования подтверждают наличие данного барьера. Так, С. И. Черных и О. А. Кошкарева отмечают жалобы на трудоемкость подготовки закупочной документации и долгие сроки согласований при участии инновационных предприятий в торгах по Федеральным законам № 44-ФЗ и № 223-ФЗ [7, с. 12]. Также экспертный отчет Организации экономического сотрудничества и развития (OECD) указывает, что страны, стремящиеся ускорить внедрение квантовых технологий, сталкиваются с проблемами цепочки поставок и нормативных задержек, в том числе в части закупок оборудования и услуг³⁷.

Для преодоления этой проблемы целесообразно, чтобы регулятор предусматривал особые процедуры закупок для проектов с квантовыми коммуникациями, например, путем выделения критериев высокотехнологичности, введения упрощенных тендерных или контрактных режимов, ускоренных сроков проведения, а также применения экспериментальных правил допуска оборудования при условии осуществления контроля. Это создаст среду, в которой инновационные технологии смогут внедряться быстрее, без ущерба для прозрачности, качества и безопасности закупочного процесса.

Формирование правовой модели регулирования финансовой сферы требует комплексного подхода. На первом этапе необходимо нормативное закрепление понятийного аппарата и включение квантовых каналов связи в действующие правовые режимы защиты информации, уже отраженные в Федеральном законе от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» и подзаконных актах Банка России. Важным направлением ста-

новится разработка национальных стандартов и процедур сертификации оборудования, которые позволили бы использовать квантовые технологии в банковской инфраструктуре без дополнительных согласований и правовых коллизий.

Не менее значимой задачей выступает создание условий для экспериментальных проектов. Использование механизма специальных правовых режимов, предусмотренного Федеральным законом от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации»³⁸ (далее – Федеральный закон № 258-ФЗ), позволяет тестировать квантовые каналы в межбанковских расчетах и работе платежных шлюзов, исключая риск признания таких решений несоответствующими формальным требованиям. Наряду с этим необходимо уделять внимание гармонизации российского регулирования с международными инициативами, что обусловлено трансграничным характером финансовых операций [8, с. 104].

Как уже указывалось выше, одним из инструментов преодоления указанных барьеров могут стать экспериментальные правовые режимы.

В части 2 ст. 1 Федерального закона № 258-ФЗ указано, что экспериментальные правовые режимы в сфере цифровых инноваций могут устанавливаться по такому направлению разработки, апробации и внедрения цифровых инноваций, как финансовый рынок. Квантовые коммуникации, в соответствии с п. 3 Перечня технологий, применяемых в рамках экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых инноваций³⁹, могут использоваться в рамках экспериментальных правовых режимов.

³⁷ См.: *Governments Face Key Challenges in Quantum Technology Policy*, OECD Report Finds // The Quantum Insider. 2025. URL: <https://thequantuminsider.com/2025/02/08/governments-face-key-challenges-in-quantum-technology-policy-oecd-report-finds> (дата обращения: 22.09.2025).

³⁸ См.: *Собр. законодательства Рос. Федерации*. 2020. № 31 (ч. I), ст. 5017.

³⁹ См.: *Об утверждении перечня технологий, применяемых в рамках экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых инноваций* : постановление Правительства Рос. Федерации от 28 окт. 2020 г. № 1750 // *Собр. законодательства Рос. Федерации*. 2020. № 44, ст. 7003.

Показательным примером применения экспериментальных инструментов в зарубежной регулятивной практике можно считать инициативы MAS, организовавшего в 2024–2025 гг. испытания технологий квантового распределения ключей с участием крупнейших финансовых организаций и телекоммуникационных операторов⁴⁰. Данный проект был реализован в формате регуляторной песочницы, в рамках которой моделировались различные сценарии применения квантового распределения ключей для защиты межбанковских транзакций и каналов обмена финансовыми данными. Основная задача эксперимента состояла в выявлении технических и организационных препятствий, интеграции с существующей платежной инфраструктурой, оценке производительности и надежности систем, анализе затрат, а также проверке совместимости решений.

MAS при этом подчеркнуло, что испытания рассматриваются как продолжение курса, закрепленного в консультативном документе *Advisory on Addressing the Cybersecurity Risks Associated with Quantum 2024* г., и выступают в качестве подготовительного этапа для возможного нормативного признания квантового распределения ключей в качестве стандартного элемента защиты финансовых коммуникаций⁴¹. Опыт Сингапура демонстрирует, что использование экспериментальных правовых режимов и аналогичных процедур обеспечивает возможность апробации передовых технологий в условиях управляемого риска, минимизируя правовую и техническую неопределенность и формируя баланс между стимули-

рованием инноваций и соблюдением требований безопасности.

Как было отмечено выше, в российской практике наблюдается рост интереса к квантовым коммуникациям, однако уровень осведомленности ключевых участников финансовой системы и разработчиков отраслевых нормативных актов пока остается недостаточным. Подобная ситуация увеличивает риск фрагментарного внедрения инновационных решений без учета особенностей регулирования финансового сектора. Для преодоления данного разрыва требуется институционализация экспертного взаимодействия, предполагающая создание постоянно действующих площадок с участием представителей Банка России, ведущих кредитных организаций, специализированных университетов и научных центров. Основными функциями таких структур могут являться подготовка предложений по адаптации регулятивных требований Банка России к условиям квантовой угрозы, а также разработка методических материалов для кредитно-финансовых организаций. Дополнительно их деятельность может быть направлена на сопровождение пилотных инициатив в формате экспериментальных правовых режимов. Формирование подобного механизма позволит минимизировать риск технологического отставания и обеспечить согласованность усилий государства, бизнеса и научного сообщества в условиях усиливающейся глобальной конкуренции.

Перспективным ориентиром для построения российской системы квантовых коммуникаций в финансовой сфере может служить опыт Сингапура, где регуляторная и инфраструктурная политика в данной

---

⁴⁰ См.: *MAS Collaborates with Banks and Technology Partners on Quantum Security* // Monetary Authority of Singapore. 2024. URL: https://www.sgpc.gov.sg/api/file/getfile/MAS%20Media%20Release%20-%20MAS%20Collaborates%20with%20Banks%20and%20Technology%20Partners%20on%20Quantum%20Security.pdf?path=%2Fsgpcmedia%2Fmedia_releases%2Fmas%2Fpress_release%2FP-20240814-1%2Fattachment%2FMAS+Media+Release+-+MAS+Collaborates+with+Banks+and+Technology+Partners+on+Quantum+Security.pdf (дата обращения: 22.09.2025).

⁴¹ См.: *MAS Completes Sandbox Trial to Prepare Financial Sector for Quantum-Era Cyber Risks* // Fintech News Singapore. 2024. URL: <https://fintechnews.sg/114008/digital-transformation/mas-quantum-sandbox> (дата обращения: 22.09.2025).

области развивается в формате комплексных инициатив. Так, в 2024 г. MAS расширило программу поддержки финансовых инноваций Financial Sector Technology and Innovation (FSTI 3.0), включив в нее специальное направление Quantum-Track, ориентированное на софинансирование пилотных проектов в области квантово-устойчивых технологий⁴². Эта мера позволила, с одной стороны, стимулировать участие банков и технологических компаний в разработке квантовых решений, а с другой – обеспечить их практическую апробацию в условиях отраслевого надзора и институциональной поддержки.

Параллельно Сингапур формирует национальную инфраструктуру National Quantum-Safe Network, а также реализуется ее промышленное развитие в формате NQSN+, направленное на интеграцию технологий квантового распределения ключей и постквантовой криптографии в телекоммуникационные и финансовые системы⁴³. Проект реализуется при координации государственных структур Infocomm Media Development Authority и National Research Foundation и нацелен на создание интероперабельной сети, соответствующей международным стандартам ITU-T.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Квантовые коммуникации приобретают значение одного из системообразующих элементов механизма обеспечения информационной безопасности финансового сектора. Использование квантового распределения ключей и постквантовых

криптографических алгоритмов повышает устойчивость критической инфраструктуры к угрозам, связанным с развитием квантовых вычислений. Особая актуальность данных технологий проявляется в финансовой сфере, где непрерывность и защищенность каналов передачи информации непосредственно определяют стабильность национальной экономики.

Международная практика, в том числе Европейского союза, Сингапура, демонстрирует эффективность интеграции квантово-устойчивых решений в существующие правовые режимы, разработки дорожных карт и проведения апробаций в формате экспериментальных площадок. В России утверждены стратегические документы, приняты стандарты и развивается система сертификации средств квантовой криптографии, однако регулирование сохраняет фрагментарный характер и нуждается в комплексной модели, объединяющей стратегическое планирование, регуляторные решения Банка России и техническую стандартизацию.

К числу приоритетных задач относятся институционализация экспериментальных правовых режимов, включение квантовых технологий в стратегические документы Банка России, поддержка пилотных проектов и формирование национальной квантовой инфраструктуры в соответствии с международными стандартами. Реализация указанных мер позволит укрепить технологический суверенитет и обеспечить устойчивость финансовой системы к квантовым угрозам.

Список литературы

1. Добробаба М. Б., Чаннов С. Е., Минбалеев А. В. Квантовые коммуникации: перспективы правового регулирования // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2022. № 4 (92). С. 25–37. DOI: <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2022.92.4.025-037>

⁴² См.: *Quantum computing – Singapore financial institutions advised of risks* // Lexology. 2024. URL: <https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=72494901-e68ef-4b0c-992e-d7926b82c83e> (дата обращения: 22.09.2025).

⁴³ Singapore launches Southeast Asia's first quantum-safe network infrastructure to help businesses tap on quantum-safe technologies // Infocomm Media Development Authority. 2023. URL: <https://www.imda.gov.sg/resources/press-releases-factsheets-and-speeches/press-releases/2023/sg-launches-southeast-asias-first-quantum-safe-network-infrastructure> (дата обращения: 22.09.2025).

2. Bucciol E., Tiberi P. Quantum Safe Payment Systems // *Mercati, infrastrutture, sistemi di pagamento (Markets, Infrastructures, Payment Systems)*. 2023. № 35. 37 p. URL: https://www.bancaditalia.it/publicazioni/mercati-infrastrutture-e-sistemi-di-pagamento/approfondimenti/2023-035/N.35-MISP.pdf?language_id=1 (дата обращения: 21.09.2025).
3. Kop M. Regulating Transformative Technology in The Quantum Age: Intellectual Property, Standardization & Sustainable Innovation // *SSRN Electronic Journal*. 2020. № 2. DOI: <https://doi.org/10.2139/ssrn.3653544>
4. Наумов В. Б., Станковский Г. В. Правовые аспекты квантовых коммуникаций: новые горизонты // *Проблемы в российском законодательстве*. 2019. № 4. С. 235–239.
5. Добробаба М. Б. Обеспечение информационной безопасности как составляющая модели правового регулирования квантовых коммуникаций // *Вестник Университета имени О. Е. Кутафина*. 2024. № 10 (122). С. 108–116. DOI: <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2024.122.10.108-116>.
6. Полякова Т. А., Минбалеев А. В., Наумов В. Б. Правовое регулирование квантовых коммуникаций в России и в мире // *Государство и право*. 2022. № 5. С. 104–114. DOI: <https://doi.org/10.31857/S102694520019763-0>
7. Черных С. И., Кошкарева О. А. Реалии системы общественных закупок в научно-технологической сфере // *Инновации*. 2019. № 7 (249). С. 9–15. DOI: <https://doi.org/10.26310/2071-3010.2019.249.7.002>
8. Минбалеев А. В. Основные направления регулирования квантовых технологий // *Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)*. 2024. № 10 (122). С. 100–107. DOI: <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2024.122.10.100-107>

References

1. Dobrobaba M. B., Channov S. E., Minbaleev A. V. Quantum Communications: Prospects for Legal Regulation. *Courier of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. 2022;4:25-37. DOI: <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2022.92.4.025-037> (In Russ.)
2. Bucciol E., Tiberi P. Quantum Safe Payment Systems. *Mercati, infrastrutture, sistemi di pagamento (Markets, Infrastructures, Payment Systems)*. 2023;35:37. Available at: https://www.bancaditalia.it/publicazioni/mercati-infrastrutture-e-sistemi-di-pagamento/approfondimenti/2023-035/N.35-MISP.pdf?language_id=1 (accessed: 21.09.2025).
3. Kop M. Regulating Transformative Technology in The Quantum Age: Intellectual Property, Standardization & Sustainable Innovation. *SSRN Electronic Journal*. 2020;2. DOI: <https://doi.org/10.2139/ssrn.3653544>
4. Naumov V. B., Stankovskiy G. V. Legal Aspects of Quantum Communications: New Frontiers. *Gaps in Russian Legislation*. 2019;4:235-239. (In Russ.)
5. Dobrobaba M. B. Ensuring Information Security as a Component of the Model of Legal Regulation of Quantum Communications. *Courier of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. 2024;10:108-116. DOI: <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2024.122.10.108-116> (In Russ.)
6. Polyakova T. A., Minbaleev A. V., Naumov V. B. Legal Regulation of Quantum Communications in Russia and in the World. *State and Law*. 2022;5:104-114. DOI: <https://doi.org/10.31857/S102694520019763-0> (In Russ.)
7. Chernykh S. I., Koshkareva O. A. The Realities of the System of Public Procurement of Scientific and Technological Products. *Innovations*. 2019;7:9-15. DOI: <https://doi.org/10.26310/2071-3010.2019.249.7.002> (In Russ.)
8. Minbaleev A. V. The Main Directions OF Regulation of Quantum Technologies. *Courier of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. 2024;10:100-107. DOI: <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2024.122.10.100-107> (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Дмитрий Алексеевич Кулешов, аспирант кафедры информационного права и цифровых технологий Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА) (Садовая-Кудринская ул., 9, Москва, 123001, Российская Федерация); ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-7589-9751>; SPIN-код: 1405-4650; AuthorID: 1119258; e-mail: dima.kuleshoff@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Dmitrii A. Kuleshov, postgraduate student of the Department of Information Law and Digital Technologies at the Kutafin Moscow State Law University (9 Sadovaya-Kudrinskaya str., Moscow, 123001 Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-7589-9751>; SPIN-код: 1405-4650; AuthorID: 1119258; e-mail: dima.kuleshoff@gmail.com

Поступила | Received
08.10.2025

Поступила после рецензирования
и доработки | Revised
30.10.2025

Принята к публикации | Accepted
05.11.2025

УДК 349.22
DOI: 10.19073/2658-7602-2026-23-1-82-95
EDN: ZZLLXR

Оригинальная научная статья

Правовые вопросы ведения коллективных переговоров как формы социального партнерства

В. А. Сафонов

Конституционный Суд Российской Федерации, Санкт-Петербург, Российская Федерация

✉ valeriy.safonovv@yandex.ru

Аннотация. В настоящей статье рассмотрены проблемные аспекты коллективных переговоров, являющихся основной формой социального партнерства. Отмечается, что лингвистическое значение данного понятия, акцентирующее внимание на процессе коммуникации между несколькими субъектами, не позволяет выделить его специфические характеристики, которые позволили бы дифференцировать процедуры обмена мнениями ни по способам его организации, ни по специфике самого прохождения переговорного процесса, ни по результатам обмена мнениями. С учетом сложившейся практики социального сотрудничества, многообразия форм коммуникации между представителями его субъектов, процесс переговоров рассматривается как процедура обмена мнениями между выражающими различные интересы субъектами, которая имеет целью достижение совместной договоренности этих субъектов по регулированию социально-трудовых отношений. Подчеркивается отличие переговоров от иных форм социального сотрудничества, заключающееся в изначальной нацеленности на принятие совместного решения и в правовой сущности акта, выражающего окончание процедуры обмена мнениями между сторонами, – нормативного договора, именуемого в международном праве обобщенным понятием «коллективный договор». Определяется направленность переговорного процесса на достижение договоренности по регулированию социально-трудовых отношений, предполагающая выдвижение более строгих требований к уровню представительности лиц, участвующих в переговорах, и выражающаяся в установлении правил о приоритетном участии в переговорах организаций работников и работодателей, которые относятся к числу представительных. Это не нарушает прав миноритарных профсоюзов, представители которых также могут участвовать в коллективных переговорах вместе с представителями организаций, представляющих большинство работников. Высказывается мнение, что в современных условиях при ведении коллективных переговоров представляется обоснованным использовать электронные средства общения. При этом для сохранения информации, относящейся к охраняемой законом тайне, требуется установление более строгих требований к обеспечению безопасности коммуникаций. Вместе с тем обращается внимание на необходимость осторожного отношения к отдельным предложениям о корректировке требований о проведении коллективных переговоров, в частности, о закреплении перечня возможных нарушений принципа добросовестности при проведении коллективных переговоров, минимума вопросов, которые должны быть разрешены в ходе коллективных переговоров, и об установлении требований о проведении единой ежегодной кампании по проведению коллективных переговоров для заключения коллективных договоров и соглашений.

Ключевые слова: коллективные переговоры; социальное партнерство; работники; работодатель; профсоюз; коллективный договор

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Сафонов В. А. Правовые вопросы ведения коллективных переговоров как формы социального партнерства // Сибирское юридическое обозрение. 2026. Т. 23, № 1. С. 82–95. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2026-23-1-82-95>. EDN: <https://elibrary.ru/zzllxr>

© Сафонов В. А., 2026

Original scientific article

Legal Issues of Conducting Collective Bargaining as a Form of Social Partnership

V. A. Safonov

Constitutional Court of the Russian Federation, Saint-Petersburg, Russian Federation

✉ valeriy.safonovv@yandex.ru

Abstract. This article addresses problematic aspects of collective bargaining as the principal form of social partnership. It is noted that the linguistic meaning of the term, which emphasises communication between multiple actors, does not allow identification of specific characteristics that would differentiate opinion-exchange procedures either by the manner of their organisation, the specifics of the negotiation process itself, or the outcomes of such exchanges. In light of established practice of social cooperation and the variety of forms of communication between representatives of its participants, the negotiation process is considered as a procedure for exchanging views between actors expressing different interests, aimed at reaching a joint agreement regarding regulation of social and labour relations. The article emphasises the distinction between negotiations and other forms of social cooperation—namely, the initial focus on adopting a joint decision and the legal nature of the act that concludes the opinion-exchange procedure between the parties: a normative agreement referred to in international law by the general term “collective agreement.” The orientation of the negotiation process toward reaching agreement on regulating social and labour relations presupposes stricter requirements for the representativeness of persons participating in negotiations. This is expressed in rules on the priority participation of representative workers’ and employers’ organisations. This does not infringe the rights of minority trade unions, whose representatives may also participate in collective bargaining together with representatives of organisations representing the majority of workers. The view is expressed that, in modern conditions, it is reasonable to use electronic means of communication when conducting collective bargaining. At the same time, in order to protect information constituting a legally protected secret, stricter requirements are needed for ensuring the security of communications. The article also cautions against certain proposals to modify collective bargaining requirements—specifically, proposals to fix a list of possible breaches of the principle of good faith in collective bargaining, to establish a minimum set of issues that must be resolved in the course of negotiations, and to require a single annual nationwide bargaining campaign for concluding collective agreements and other agreements.

Keywords: collective bargaining; social partnership; employee; employer; trade union; collective agreement

Conflict of interest. The Author declares no conflict of interest.

For citation: Safonov V. A. Legal Issues of Conducting Collective Bargaining as a Form of Social Partnership. *Siberian Law Review*. 2026;23(1):82-95. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2026-23-1-82-95>. EDN: <https://elibrary.ru/zl1lxr> (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Наиболее ярким проявлением социального сотрудничества выступает переговорный процесс, результатом которого является принятие его сторонами совместного решения, регулирующего те или иные аспекты социально-трудовых отношений.

Именно в переговорном процессе достигается взаимное согласование интересов субъектов социального партнерства, вырабатываются взаимные договоренности, определяются основные условия взаимодействия субъектов правоотношений социального сотрудничества и осуществления

социально-трудовой политики. Вместе с тем собственно понятие коллективных переговоров, его разграничение с иными формами социального сотрудничества не имеет однозначного толкования. В свою очередь процесс организации коллективных переговоров и их проведения является предметом широких дискуссий. Достаточно отметить, что ст. 27 Трудового кодекса Российской Федерации (далее – ТК РФ) выделяет коллективные переговоры в качестве самостоятельной формы социального партнерства, но одновременно с этим рассматривает переговоры в качестве синонима консультаций, которые также названы самостоятельной формой социального партнерства.

ПОНЯТИЕ

КОЛЛЕКТИВНЫХ ПЕРЕГОВОРОВ

С точки зрения словарного значения переговоры – это обмен мнениями с деловой целью¹. В международном праве переговоры рассматриваются как способ решения вопросов международной жизни, основанный на непосредственном контакте соответствующих заинтересованных субъектов международного права, с выделением таких видов переговоров, как консультации, обмен мнениями, совещания и т. п.²

Как видно, собственно лингвистическое значение данного понятия, акцентирующее внимание на процессе коммуникации между несколькими субъектами, не дает выделить его специфические характеристики, позволяющие дифференцировать процедуры обмена мнениями ни по способам его организации, ни по специфике са-

мого прохождения переговорного процесса, ни по результатам обмена мнениями.

Вероятно, в силу этого понятие «переговоры» обычно используется в качестве обобщающего, охватывающего всевозможные способы взаимодействия субъектов, обменивающихся мнениями. В частности, Модельный закон о социальном партнерстве, принятый Межпарламентской Ассамблеей государств – участников СНГ³, фактически рассматривает коллективные переговоры как синоним понятия «консультации», определяя первые как способ формирования согласованных позиций и принятия совместных решений по вопросам, составляющим предмет социального партнерства. При этом каких-либо характеристик этого способа модельное законодательство не устанавливает.

Международная организация труда (далее – МОТ) понимает под коллективными переговорами «все переговоры, которые проводятся между работодателем, группой работодателей или одной или несколькими организациями работодателей, с одной стороны, и одной или несколькими организациями трудящихся – с другой, в целях: а) определения условий труда и занятости; и/или б) регулирования отношений между работодателями и работниками; и/или в) регулирования отношений между работодателями или их организациями и организацией или организациями работников»⁴. Конвенция МОТ от 1 июля 1949 г. № 98 «Относительно применения принципов права на организацию и заключение коллективных договоров»⁵ требует от присоединившихся к ней государств

¹ См.: Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. 19-е изд., испр. М.: Рус. яз., 1987. С. 405.

² См.: Словарь международного права / С. Б. Бацанов, Г. К. Ефимов, В. И. Кузнецов и др. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Междунар. отношения, 1986. С. 269–270.

³ См.: Модельный закон о социальном партнерстве: принят в г. Санкт-Петербурге 16 нояб. 2006 г. Постановлением 27-14 на 27-ом пленар. заседании Межпарламент. Ассамблеи гос-в – участников СНГ // Информ. бюл. Межпарламент. Ассамблея гос-в – участников Содружества Независимых Гос-в. 2007. № 39 (ч. 2). С. 237–261.

⁴ О содействии коллективным переговорам: конвенция Междунар. организации труда от 19 июня 1981 г. № 154 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 51, ст. 7450.

⁵ См.: Сб. действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностран. гос-вами. М., 1960. Вып. XIX. С. 292–297.

при необходимости принимать меры, соответствующие условиям страны, в целях поощрения и способствования полному развитию и использованию процедуры ведения переговоров на добровольной основе между работодателями или организациями работодателей с одной стороны и организациями работников с другой стороны с целью регулирования условий труда путем заключения коллективных договоров.

Следовательно, МОТ рассматривает коллективные переговоры в качестве процесса коммуникационного взаимодействия представителей работников и работодателей. Такой процесс должен быть направлен на установление правил, определяющих условия труда, политику рынка труда, взаимоотношения между работниками и работодателями, а также их представителями. По мнению экспертов МОТ, коллективные переговоры по сути рассматриваются в качестве действия или процесса, ведущего к заключению коллективного соглашения⁶.

Таким образом, если традиционное понятие коллективных переговоров не позволяет однозначно выделить их специфические характеристики, то толкование, приведенное в литературе, изданной МОТ и выражающей позицию не только экспертного сообщества, но и руководства данной организации, позволяет акцентировать внимание на особенностях переговоров как процедуры, направленной на заключение договора, то есть акта, выражающего единую волю субъектов социального сотрудничества. Соответственно, процесс переговоров как формы социального сотрудничества представляет собой процедуру обмена мнениями между выражающими различные интересы субъектами, имеющую целью достижение совместной договоренности этих субъектов

по регулированию социально-трудовых отношений. При отсутствии договоренности сторон решения по существу обсуждавшихся вопросов не принимается.

В изначальной нацеленности на принятие совместного решения состоит отличие переговоров от иных форм социального сотрудничества, в ходе которых работодатель выясняет мнение представителей работников по существу предполагаемых к принятию им решений, принимает меры к убеждению их в необходимости и целесообразности этих решений, стремится к достижению договоренности между сторонами социального сотрудничества, но при отсутствии договоренности вправе принять самостоятельное решение в пределах своей компетенции.

Направленность переговорного процесса на достижение договоренности по регулированию социально-трудовых отношений предполагает установление более строгих требований к уровню представительства лиц, участвующих в переговорах, определению их персоналий, вовлеченности в процесс диалога и подготовки к нему, что будет подробно рассмотрено далее.

Проведение переговоров с целью заключения договора представляет собой наиболее важную форму социального сотрудничества, поскольку заключение соглашения о регулировании социально-трудовых отношений свидетельствует о взаимном согласии представителей субъектов социального партнерства, обеспечивает гораздо большую степень стабильности принятого решения, которое по общему правилу не может быть отменено односторонними действиями любой из сторон. Сам процесс переговоров, в которых представители работников обладают решающими полномочиями по принятию решения, не только завершающего

⁶ См., напр.: Жернигон Б., Одеро А., Гуидо Г. Коллективные переговоры: нормы МОТ и принципы деятельности контрольных органов. Женева : Междунар. орг. труда ; М. : Стратегия, 2001. С. 9 ; Коллективные переговоры. Стратегическое руководство. Женева : Междунар. орг. труда, 2017. С. 2.

переговоры, но и непосредственно регулирующего социально-трудовые отношения, характеризуется большей степенью доверия между сторонами и в ходе переговоров, и при исполнении принятого решения.

ТК РФ, устанавливая в качестве одной из форм социального партнерства коллективные переговоры по подготовке проектов коллективных договоров, соглашений и заключению коллективных договоров, соглашений, а не просто переговоры, справедливо отмечает их направленность на установление как процедуры обсуждения проблем взаимоотношений между работниками и работодателями, так и собственно договорного регулирования социально-трудовых отношений. При этом добавление к исходному термину «переговоры» уточняющего его содержания прилагательного «коллективные» подчеркивает участие в них, по общему правилу, коллективных субъектов, и отнесение отношений, возникающих при организации и проведении данных переговоров, к коллективным организационно-трудовым отношениям, и, соответственно, отличие этих переговоров от переговорного процесса между работодателем и конкретным работником.

С процедурной точки зрения можно согласиться с тезисом об отсутствии необходимости ограничивать возможности сторон по ведению переговоров только заключением и изменением коллективных договоров и соглашений, при этом стороны должны иметь возможность решать, в каких случаях и с какой целью они вступают в переговоры [1, с. 144]. Вместе с тем на любое иное совместное решение сторон социального сотрудничества, не являющееся коллективным договором или соглашением, не будут распространяться те механизмы обеспечения его исполнения, которые предусмотрены применительно к коллективным договорам и соглашениям законодательством о труде и об адми-

нистративных правонарушениях. Наличие таких механизмов связано не только с юридической и социальной важностью коллективных договоров и соглашений, но и с их уведомительной регистрацией в уполномоченном государственном органе, которая и предопределяет непосредственное участие последних в обеспечении исполнения данных актов.

Предложение Е. С. Герасимовой о расширении понятия коллективных переговоров и применении гарантий, установленных для участников коллективных переговоров, к более широкому кругу участников переговоров со стороны работников [2, с. 526] представляется лишенным практического смысла при наличии возможности вступления представителей сторон социального сотрудничества в коллективные переговоры по дополнению коллективного договора, соглашения по любым вопросам регулирования социально-трудовых отношений. При этом не стоит опасаться возможности саботирования работодателем переговоров по дополнению коллективного договора, соглашения, поскольку переговоры, направленные на принятие совместного решения вне коллективно-договорного регулирования, могут начинаться исключительно по взаимному волеизъявлению сторон, а переговоры по изменению коллективного договора, соглашения — по инициативе одной из сторон. Распространение на любые совместные решения сторон социального сотрудничества предусмотренных применительно к коллективным договорам и соглашениям правил организации и ведения коллективных переговоров, регистрации этих нормативных договоров в государственных органах, привлечения к ответственности за их неисполнение приведет к нивелированию роли коллективных договоров и соглашений как актов, призванных в идеале осуществлять договорное регулирование основного круга социально-трудовых отношений

в пределах субъекта экономической деятельности, отрасли, территории.

Коллективные переговоры – универсальное средство согласования интересов субъектов социального сотрудничества, подготовки нормативных договоров, регулирующих социально-трудовые отношения. Они могут проводиться на всех уровнях социального партнерства, начиная с уровня организации и заканчивая федеральным и международным уровнями. Формально ни один из уровней ведения коллективных переговоров не является приоритетным: основополагающий принцип заключается в том, что заинтересованные стороны имеют право свободно определять уровень ведения коллективных переговоров⁷. Однако конкретное государство, вслед за субъектами социального сотрудничества, зачастую делает упор на установление норм, регулирующих социально-трудовые отношения, либо на уровне конкретной организации, либо на уровне отрасли. Каждое из этих решений имеет свои положительные и отрицательные стороны. Так, приоритет отраслевых соглашений обеспечивает унификацию условий труда в схожих производствах и снижает недобросовестную конкуренцию за рабочую силу, но может не учитывать финансовые возможности небольших организаций, для которых затраты, предусмотренные соглашением, могут стать чрезмерными. При децентрализации коллективных переговоров учитываются интересы любого и каждого работодателя, но такие переговоры могут привести к увеличению разницы в оплате

труда, росту неравенства между предприятиями и более низкому уровню охвата работников коллективными договорами⁸.

Количество научных определений коллективных переговоров, сформулированных в современной юридической литературе, незначительно. В основном целевое назначение коллективных переговоров рассматривается как достижение согласия между сторонами социального партнерства по вопросам коллективно-трудовых отношений⁹ или согласование интересов сторон социального партнерства по вопросам регулирования трудовых отношений и непосредственно связанных с ними отношений¹⁰. Достижение сторонами социального сотрудничества согласия, особенно приводящее к согласованию интересов сторон социального партнерства, безусловно имеет важное значение, но на его достижение направлены не только коллективные переговоры, но и всевозможные формы социального сотрудничества без исключения. Поэтому акцентирование внимания на переговорах как способе достижения согласия не позволяет выделить их из иных форм социального сотрудничества.

Гораздо более справедливой и индивидуализирующей коллективные переговоры представляется позиция С. А. Егорова, который выделяет направленность коллективных переговоров на выработку совместного решения в целях определения условий труда и занятости, регулирования отношений между работодателем и работниками, между работодателем и организацией или организациями работников¹¹.

⁷ См.: *Свобода объединения* : сб. решений, принятых Комитетом по свободе объединения / Междунар. бюро труда. 6-е изд. Женева : Междунар. орг. труда, 2018. С. 289.

⁸ См.: *Виссер Й.* Профсоюзы на распутье : рабочий документ МОТ/ACTRAV. Женева : Междунар. орг. труда, 2020. С. 66.

⁹ См.: *Иванова И. А.* Коллективные переговоры при заключении коллективного договора в системе социального партнерства: трудовые аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Пермь, 2006. С. 8.

¹⁰ См.: *Гладков Н. Г.* Реализация и защита трудовых прав, свобод и законных интересов работников: настольная книга профсоюзного актива. М. : Проспект, 2014. С. 253.

¹¹ См.: *Актуальные проблемы трудового права* : учеб. для магистров / отв. ред. Н. Л. Лютов. М. : Проспект, 2017. С. 658.

Анализ международно-правового понимания и отечественного нормативного регулирования позволяет сделать вывод о том, что в российской правовой действительности закрепилось разграничение форм социального партнерства в зависимости от правовой сущности акта, выражающего окончание процедуры обмена мнениями между сторонами, причем правовая сущность будущего акта определяется сторонами социального сотрудничества до его начала и предопределяет правила формирования персонального состава участников взаимодействия.

Следовательно, коллективные переговоры можно определить как процедуру, направленную на заключение акта, выражающего совместную волю субъектов социального сотрудничества, и фактически представляющую собой обмен мнениями между субъектами социального сотрудничества с целью разработки и принятия их совместного решения, регулирующего социально-трудовые отношения. Такое решение обычно оформляется как нормативный договор, именуемый в международном праве обобщенным понятием «коллективный договор».

Порядок организации коллективных переговоров

Правом на ведение коллективных переговоров от имени субъектов социального партнерства обладают соответствующие представители (субъекты правоотношений социального партнерства). Конкретное представительство зависит от уровня переговоров и организации переговорного процесса, а также структуры организаций работников и работодателей. Физические лица, непосредственно участвующие в процедуре обмена мнениями, определяются субъектами правоотношений социального партнерства самостоятельно с учетом возможных ограничений,

обусловленных требованиями законодательства (например, законодательства о государственной тайне). При этом работодатель априори более свободен в выборе участников переговоров, поскольку для него никаких законодательных ограничений не установлено, тогда как профсоюз на локальном уровне социального сотрудничества косвенно ограничен в определении персоналий переговорщиков отнесением к представителям работников на данном уровне лишь первичной профсоюзной организации и иного представителя, избираемого из числа работников.

Однако несмотря на такое ограничение, законодательством субъектов Российской Федерации устанавливаются нормы, уравнивающие в определенной мере возможности работников и работодателей в определении более широкого круга квалифицированных участников процедуры коллективных переговоров. Так, ч. 2 ст. 24 Закона Республики Башкортостан от 6 декабря 2005 г. № 252-з «Об органах социального партнерства в Республике Башкортостан»¹² предусматривает участие в коллективных переговорах на локальном уровне со стороны работников представителей вышестоящей профсоюзной организации.

Данная практика представляется вполне оправданной и соответствующей обеспечению прав и реализации интересов субъектов социального партнерства. В условиях сложной и разнообразной экономической деятельности само ведение переговоров уже стремится к профессионализации, для успешного осуществления которой человек должен иметь специальную подготовку, требующую разносторонних, прежде всего экономических, знаний: если лицо, ведущее переговоры со стороны работников, не знакомо детально с нормами вознаграждения

¹² См.: *Ведомости* Гос. Собр. – Курултая, Президента и Правительства Респ. Башкортостан. 2006. № 3 (225), ст. 53.

и точными условиями, преобладающими в других организациях и округах, то оно окажется неспособным критически отнестись к утверждениям работодателя или дать совет работникам относительно того, рационально ли их требование [3, с. 143].

Следует согласиться с позицией Европейского комитета по социальным правам, который признал не соответствующими ст. 5 Европейской социальной хартии принятые в Финляндии правила, в силу которых в состав властей профсоюзной организации могут быть избраны только занятые на данном предприятии, в данной отрасли или профессии, в которых функционируют определенные профсоюзы [4, с. 376].

Следует иметь в виду, что инициатором коллективных переговоров может быть не любое объединение работников или работодателей, а только то, которое соответствует критериям представительности, необходимой для его признания в качестве единого публичного представителя работников и работодателей на соответствующем уровне социального партнерства. Несоответствие данным критериям не порождает у стороны, получившей предложение о начале коллективных переговоров, обязанности отреагировать на данное предложение посредством совершения действий, направленных на вступление в переговоры.

Наиболее показательным примером может служить проявление соответствующей инициативы со стороны миноритарных первичных профсоюзных организаций, объединяющих менее половины работников, занятых у работодателя, в экономической сфере которого она функционирует, и являющихся единственной профсоюзной организацией в этой сфере. Самостоятельно инициировать процесс коллективных переговоров такая организация не вправе, а должна получить данные полномочия от общего собрания

(конференции) работников. Само по себе такое положение, основанное на несоответствии данной первичной профсоюзной организации критериям представительности, не ограничивает ее прав, включая право на ведение коллективных переговоров, которое может быть реализовано через механизм наделения соответствующими полномочиями от имени коллектива работников, но уменьшает имеющиеся у нее возможности и существенно осложняет механизм вступления в коллективные переговоры. При этом предложение о расширении полномочий миноритарных профсоюзов на ведение коллективных переговоров, предполагающее приравнивание их прав к правам мажоритарных профсоюзов при отсутствии иных представителей работников организации [5, с. 327], вряд ли может быть реализовано, поскольку его принятие фактически означало бы наделение профсоюзной организации, объединяющей меньшинство работников, статусом публичного представителя работников вне зависимости от соответствия ее критериям представительности, что в свою очередь приводило бы к представительству работников организацией, не наделенной необходимым уровнем доверия, и дискредитировало бы саму идею представительства.

Вместе с тем представляется разумным предложение А. Ф. Валькового о дополнении ст. 37 ТК РФ положением о том, что по обращению первичной профсоюзной организации, которая не объединяет более 50 % работников данного работодателя, работодатель обязан вступить в переговоры, провести консультации по созданию условий для проведения собрания работников [6, с. 139]. Однако указанное предложение нуждается в корректировке. Во-первых, вряд ли возможно одновременное вступление работодателя и в переговоры, и в процедуру консультаций по проведению собрания (конференции) работников. На данном этапе вполне

достаточно проведения организационных консультаций с первичной профсоюзной организацией, выделение помещения и технических средств, необходимых для проведения собрания (конференции) работников, с вступлением в переговоры по его результатам. Во-вторых, проведение собрания (конференции) работников по инициативе первичной профсоюзной организации, объединяющей не просто менее половины работников организации, а их незначительное количество, не позволяющее с должной степенью уверенности предполагать положительный для инициатора исход собрания, способно привести к чрезмерным организационным и имущественным издержкам работодателя. Поэтому было бы целесообразно установить минимальное количество работников, объединенных в первичную профсоюзную организацию, для возложения на работодателя обязанности проводить соответствующие консультации. Таким минимумом, например, может быть объединение не менее 20 % работников организации, показывающее не кулуарный характер существующей организации, а вовлеченность в нее значительного количества работников. Данное регулирование не исключало бы и самостоятельной организации собрания (конференции) работников самой миноритарной профсоюзной организацией с последующим вступлением в коллективные переговоры.

Однако само по себе выдвижение предложения не порождает для других сторон никаких юридических обязанностей. Переговорный процесс есть процесс взаимодействия сторон, и он может считаться начатым только после получения соответствующего предложения другой стороной (другими сторонами). Поэтому инициатор проведения коллективных переговоров должен направить соответствующее предложение другой стороне (другим сторонам) способом, позволяющим зафиксировать факт его получения, к которым

традиционно относятся вручение под подпись, направление почтовой связью с уведомлением о вручении и описью вложения и т. п.

В условиях широкого развития средств электронной коммуникации вполне логичными выглядят идеи о более широкой цифровизации социального партнерства [7, с. 35], включая допущение электронной формы предложения о начале коллективных переговоров, а также ответа на него [8, с. 78], общение участников коллективных переговоров через электронные сети в режиме реального времени, позволяющее социальному сотрудничеству нивелировать расстояние между переговаривающимися лицами, пересекать национальные границы в рамках транснационального социального диалога [9, с. 143–144], экономя время и средства субъектов правоотношений социального партнерства. Однако использование электронных средств общения в ходе организации и проведения коллективных переговоров требует установления более строгих требований к обеспечению безопасности передаваемых сообщений и самого переговорного процесса, поскольку и в переписке между участниками переговоров, и в рамках диалога может использоваться информация, относящаяся к охраняемой законом тайне. Это требует применения в ходе коллективных переговоров специальных средств защиты информации, исключающих несанкционированный доступ со стороны любых посторонних лиц. Также необходимо информировать участников переговоров об ограничениях в использовании общедоступных средств коммуникации по крайней мере при передаче и использовании в диалоге информации ограниченного доступа. Конкретные же правила использования электронных средств коммуникации должны устанавливать непосредственно участники коллективных переговоров, исходя из имеющихся возможностей по организации такой коммуникации и обеспечению ее безопасности.

Законодатель, осуществляя нормативное регулирование процедуры начала и проведения коллективных переговоров, должен предоставлять субъектам правоотношений социального партнерства максимальные возможности по самостоятельному определению процедурных аспектов организации взаимодействия. Чрезмерное регулирование способно не только ограничить творчество социальных партнеров, на котором базируются их взаимоотношения, но и предоставить сторонам больше возможностей для уклонения от сотрудничества.

Так, в научной литературе высказывается предложение узаконения практики приложения профсоюзами к инициативе о начале коллективных переговоров перечня своих представителей и включения в ч. 2 ст. 36 ТК РФ уточняющей формулировки следующего содержания: *«Представители стороны, получившие предложение в письменной или электронной форме о начале коллективных переговоров с указанием представителей от своей стороны, обязаны вступить в переговоры»* [8, с. 80]. При внешней привлекательности такого предложения оно фактически установило бы обязательность указания полного перечня представителей стороны, иницилирующей начало коллективных переговоров, с возможностью отказа другой стороны от вступления в переговоры при отсутствии указания таких представителей. Это было бы особенно тревожно в ситуации многоступенчатого определения конкретных лиц, представляющих работников, при множественности их представителей (профсоюзов, профсоюзных организаций и объединений), когда в момент инициирования начала коллективных переговоров не может быть окончательно определен не только персональный состав участников переговоров, но и круг профсоюзных организаций, которые будут фактически участвовать в переговорах.

ОБЩИЕ ПРАВИЛА ВЕДЕНИЯ КОЛЛЕКТИВНЫХ ПЕРЕГОВОРОВ

ТК РФ определяет лишь общие правила ведения коллективных переговоров, относя порядок общения в рамках конкретных переговоров к компетенции субъектов правоотношений социального партнерства и их представителей, непосредственно участвующих в этих переговорах, что представляется вполне разумным, поскольку позволяет учесть как специфику того или иного уровня социального партнерства, так и местные условия организации процедуры обмена мнениями и подготовки проекта коллективного договора, соглашения.

Коллективные переговоры проводятся комиссиями, формируемыми сторонами на равноправной основе. При этом для проведения коллективных переговоров совсем не обязательно создание особой комиссии: данная функция может быть возложена на постоянно действующую комиссию по регулированию социально-трудовых отношений. Так, Федеральный закон от 1 мая 1999 г. № 92-ФЗ «О Российской трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений»¹³ относит к основным целям комиссии регулирование социально-трудовых отношений и согласование социально-экономических интересов сторон, а в качестве одной из задач определяет ведение коллективных переговоров и подготовку генерального соглашения между общероссийскими объединениями профессиональных союзов, общероссийскими объединениями работодателей и Правительством Российской Федерации. Данное правило также представляется справедливым, поскольку позволяет сэкономить организационные и финансовые ресурсы, используя уже существующие формы организации взаимодействия социальных партнеров.

Участники переговоров свободны в выборе вопросов регулирования

¹³ См.: *Собр. законодательства Рос. Федерации*. 1999. № 18, ст. 2218.

социально-трудовых отношений, составляющих содержание коллективного договора, соглашения, и организации работы комиссии по ведению переговоров при условии соблюдения требований законодательства. В юридической литературе достаточно продолжительное время предлагается закрепить в российском законодательстве требование соблюдения принципа добросовестности при проведении коллективных переговоров и разрешении коллективных трудовых споров с указанием перечня возможных форм его нарушения [10, с. 137]. В мировой практике к добросовестному поведению в ходе переговоров относят, в частности, осуществление максимума возможного для достижения договоренностей, стремление избегать всякого неоправданного промедления в проведении переговоров¹⁴, искренние усилия сторон по достижению соглашения, готовность делать минимальные уступки друг другу. При этом оценка добросовестности ведения переговоров осуществляется с учетом всей совокупности поведения обеих сторон [11, с. 248–249].

Соглашаясь с необходимостью вести переговоры добросовестно, уважая и учитывая интересы другой стороны (других сторон), и поддерживая предложение о возможности акцентирования законодателем внимания участников переговоров и правоприменителей на добросовестном ведении переговоров, необходимо отметить, что наличие примерных перечней возможных нарушений данного принципа вряд ли существенно изменит ситуацию в области организации социального сотрудничества, поскольку диалог далеко не всегда укладывается в заранее заданные рамки, тогда как в сознании большинства представителей работников и работодателей, а зачастую и судей примерный перечень имеет тенденцию превращаться в исчерпывающий, что на практике может

породить значительное количество споров, которые будут разрешаться с сугубо формальных позиций.

В научной литературе также выражается недоумение относительно отсутствия минимального набора вопросов, которые следует разрешить в рамках коллективного договора [12, с. 384], а следовательно, в ходе коллективных переговоров. Хотя такое предложение направлено на увеличение объема коллективно-договорного регулирования социально-трудовых отношений и, соответственно, обладает внешней привлекательности, оно существенно ограничит права представителей субъектов социального партнерства, заставив их вести переговоры по условиям, к обсуждению которых стороны в конкретный момент не будут готовы. Реализация данного предложения сама по себе не увеличит количество норм, реально регулирующих социально-трудовые отношения, но может привести лишь к формальным переговорам, результатом которых будет повторение норм законодательства о труде либо принятие норм, применение которых будет обусловлено условиями, нивелирующими их содержание. Другим аспектом обязательного обсуждения того или иного вопроса может явиться увеличение количества трудовых конфликтов и затягивание процесса заключения коллективного договора, соглашения на условиях, согласованных сторонами и в реализации которых стороны заранее заинтересованы. Упреждая возможное возражение относительно того, что стороны могут одновременно подписать коллективный договор, соглашение и составить протокол разногласий, отметим, что в российских условиях фиксация разногласий свидетельствует о понижении уровня доверия между сторонами, а отсутствие диалога по вопросу, заранее запрограммированному на отсутствие согласия, даже с точки зрения общественного имиджа участников

¹⁴ См.: *Свобода объединения* ... С. 274.

переговоров представляется предпочтительным по сравнению с включением этой проблемы в протокол разногласий. Искусственное увеличение конфликтных ситуаций не будет способствовать развитию социального сотрудничества.

Для упорядочивания процесса организации коллективных переговоров в научной литературе предлагается принять меры по переходу к проведению единой ежегодной кампании по подписанию коллективных соглашений и договоров для всех субъектов социально-трудовых отношений на уровне субъектов Российской Федерации и муниципальных образований [13, с. 226–227]. Сама по себе единая кампания по заключению коллективных договоров осуществлялась в советское время в условиях всеобщего охвата работников системой коллективных договоров (в ее социалистическом понимании), основанной на государственной системе управления народным хозяйством, административной подчиненности предприятий, учреждений, организаций тому или иному государственному органу и практически стопроцентном членстве работников в профсоюзах, также представлявшими собой централизованную систему, и носила в большей степени отчетно-упорядочивающий характер, позволявший концентрировать усилия всех участников процедуры заключения коллективных договоров на ней в определенный момент времени с обеспечением в иные периоды других направлений деятельности в соответствии с потребностями производства и труда. Единая кампания оказывалась удобнее и для отчетности всех органов, участвующих в управлении трудом.

В настоящее время у единой кампании по заключению коллективных договоров имеются свои положительные аспекты, например: заключение коллективных договоров в разных организациях в одинаковых экономических условиях,

что позволяет проводить дифференциацию в условиях труда с учетом эффективности того или иного бизнеса и возможностей работодателя при прочих равных условиях; подготовка вышестоящими профсоюзными организациями и объединениями работодателей рекомендаций для всех участников коллективных переговоров с учетом единой экономической конъюнктуры и тенденций развития соответствующих рынков.

Однако практическая реализация данного предложения представляется мало реалистичной. Во-первых, профсоюзы представлены далеко не во всех субъектах экономической деятельности, а реально функционирующие профсоюзные организации зачастую входят в конкурирующие между собой объединения профсоюзов, которые редко координируют свои действия. Во-вторых, отнюдь не все работодатели являются членами объединений работодателей и координируют политику в сфере социально-трудовых отношений. Поэтому единственными субъектами, способными предпринимать меры по организации единой кампании по заключению коллективных договоров, являются органы публичной власти с той оговоркой, что даже они не могут восполнить отсутствие у работников стремления к объединению. Однако инициация процесса коллективных переговоров в конкретной организации со стороны органов публичной власти вызывает сомнения с точки зрения самостоятельности субъектов правоотношений социального партнерства в организационных аспектах своих взаимоотношений, а также может не учитывать сложности в определении конкретных участников коллективных переговоров при множественности первичных профсоюзных организаций, функционирующих у одного субъекта экономической деятельности.

Поэтому идея единой кампании по заключению коллективных договоров

вряд ли может найти свое нормативное воплощение в современных условиях. Вместе с тем это не отрицает возможности разработки рекомендаций о желательности начала коллективных переговоров по заключению коллективных договоров в определенные сроки. Такие рекомендации могли бы вырабатывать органы, объединяющие представителей как публичной власти, так и сторон социального партнерства, – трехсторонние комиссии по регулированию социально-трудовых отношений на уровне Российской Федерации, ее субъектов, муниципальных образований.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, коллективные переговоры, которые могут проводиться

на всех уровнях социального партнерства, начиная с уровня организации и заканчивая федеральным и международным уровнями, представляют собой универсальное средство согласования интересов субъектов социального сотрудничества, подготовки нормативных договоров, регулирующих социально-трудовые отношения. Они охватывают все стороны взаимоотношений между работниками, работодателями и их представителями, а любой вопрос, связанный с применением наемного труда, может стать предметом коллективных переговоров. Современное российское законодательство о коллективных переговорах не требует кардинальной переработки, но нуждается в точечном совершенствовании.

Список литературы

1. Международные трудовые стандарты и российское трудовое право: перспективы координации : моногр. / [Э. Н. Бондаренко и др.] ; под ред. С. Ю. Головиной, Н. Л. Лютова. М. : Норма : ИНФРА-М, 2016. 255 с.
2. Трудовое право: национальное и международное измерение : моногр. : в 2 т. / [В. Н. Бобков, Е. А. Волк, И. В. Войтковская и др.] ; под ред. С. Ю. Головиной, Н. Л. Лютова. М. : Норма, 2022. Т. 2: Трансформация проблемы отдельных институтов трудового права. Нетипичная занятость. 568 с. DOI: <https://doi.org/10.12737/1859092>
3. Вебб С. и Б. Теория и практика английского тред-юнионизма : [в 2 т.] / пер. с англ. Владимира Ильина [В. Ульянова-Ленина]. СПб. : Изд. О. Н. Поповой, 1900. Т. 1. 366 с.
4. Свионтковски А. М. Европейские стандарты коллективного трудового права // Российский ежегодник трудового права. 2009. № 4. С. 369–446.
5. Шишкина К. В. Права миноритарных профессиональных союзов: нормативное закрепление и реализация // Типичная и нетипичная занятость: перспективы исследований и регулирования (Пятое Гусовские чтения) : материалы междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. Н. Л. Лютова, Ф. О. Сулеймановой. М. : РГ-Пресс, 2020. С. 326–330.
6. Вальковой А. Ф. О праве работников на защиту трудовых прав в целях предупреждения коллективных трудовых споров // Социально-трудовые конфликты в России и в мире : VI междунар. науч.-практ. конф., 1 окт. 2021 г. СПб. : СПбГУП, 2021. С. 136–139.
7. Лушников А. М. Цифровизация трудового права и трудовые отношения // Закон. 2022. № 10. С. 28–37. DOI: <https://doi.org/10.37239/0869-4400-2022-19-10-28-37>
8. Смирнов Д. А. Процедура заключения коллективных договоров: актуальные проблемы // Первый Ярославский юридический форум : сб. науч. ст. по вопросам трудового права, 1–2 окт. 2021 г. / отв. ред. А. М. Лушников. Ярославль, 2021. С. 77–84.
9. Тенденции развития рынка труда в странах Европейского союза. СПб. : СПбГУП, 2021. 200 с.
10. Лютов Н. Л. Принцип добросовестности при проведении коллективных переговоров и разрешении коллективных трудовых споров (опыт экономически развитых стран) // Труд за рубежом. 2001. № 2. С. 126–139.
11. Лушников А. М., Лушникова М. В. Трудовые права в XXI веке: современное состояние и тенденции развития : моногр. М. : Проспект, 2017. 272 с.
12. Тарусина Н. Н., Лушников А. М., Лушникова М. В. Социальные договоры в праве : моногр. М. : Проспект, 2017. 480 с.
13. Экономическая природа и механизмы регулирования современных социально-трудовых конфликтов : [коллектив. моногр.] / Г. А. Гончаров [и др.]. СПб. : СПбГУП, 2023. 264 с.

References

1. Bondarenko E. N. *International Labour Standards and Russian Labour Law: Prospects for Coordination*. Moscow: Norma Publ., INFRA-M Publ.; 2016. 255 p. (In Russ.)
2. Bobkov V. N., Volk E. A., Voitkovskaya I. V. *Labour Law: National and International Dimensions. Vol. 2: Transformation of Issues Relating to Certain Labour-Law Institutions. Non-Standard Employment*. Moscow: Norma Publ.; 2022. 568 p. DOI: <https://doi.org/10.12737/1859092> (In Russ.)
3. Webb S., Webb B. *Industrial Democracy. Vol. 1*. St. Petersburg: O. N. Popova, 1900. 366 p. (In Russ.)
4. Sviontkovski A. M. European Standards of Collective Labour Law. *Russian Journal of Labour & Law*. 2009;4:369-446. (In Russ.)
5. Shishkina K. V. Rights of Minority Trade Unions: Regulatory Recognition and Implementation. In: Lyutov N. L., Suleimanova F. O. (Eds.). *Standard and Non-Standard Employment: Prospects for Research and Regulation (Fifth Gusov Readings)*. Moscow: RG-Press Publ.; 2020. P. 326–330. (In Russ.)
6. Val'kovoi A. F. On Employees' Right to Protect Labour Rights for the Purpose of Preventing Collective Labour Disputes. In: *Social and Labour Conflicts in Russia and Worldwide*. St. Petersburg: St. Petersburg University of the Humanities and Social Sciences Publ.; 2021. P. 136–139. (In Russ.)
7. Lushnikov A. M. Digitisation of Labour Law and Labour Relations. *Statute*. 2022;10:28-37. DOI: <https://doi.org/10.37239/0869-4400-2022-19-10-28-37> (In Russ.)
8. Smirnov D. A. Collective Bargaining Procedure: Topical Issues. In: Lushnikov A. M. (Ed.). *The First Yaroslavl Legal Forum*. Yaroslavl, 2021. P. 77–84. (In Russ.)
9. *Trends in Labour Market Development in the Countries of the European Union*. St. Petersburg: St. Petersburg University of the Humanities and Social Sciences Publ.; 2021. 200 p. (In Russ.)
10. Lyutov N. L. The Principle of Good Faith in Collective Bargaining and the Resolution of Collective Labour Disputes (Experience of Economically Developed Countries). *Labour Abroad*. 2001;2:126-139. (In Russ.)
11. Lushnikov A. M., Lushnikova M. V. *Labour Rights in the 21st Century: Current State and Development Trends*. Moscow: Prospekt Publ.; 2017. 272 p. (In Russ.)
12. Tarusina N. N., Lushnikov A. M., Lushnikova M. V. *Social Contracts in Law*. Moscow: Prospekt Publ.; 2017. 480 p. (In Russ.)
13. Goncharov G. A. (Ed.). *The Economic Nature and Regulatory Mechanisms of Contemporary Social and Labour Conflicts*. St. Petersburg: St. Petersburg University of the Humanities and Social Sciences Publ.; 2023. 264 p. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Валерий Анатольевич Сафонов, начальник Управления по обеспечению судебных заседаний Конституционного Суда Российской Федерации (Сенатская пл., 1, Санкт-Петербург, 190000, Российская Федерация), кандидат юридических наук, доцент; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4618-8833>; e-mail: valeriy.safonovv@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Valeriy A. Safonov, Head of the Department for Ensuring Court Hearings of the Constitutional Court of the Russian Federation (1 Senate Square, St Petersburg, 190000, Russian Federation); Candidate of Legal Sciences, Associate Professor; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4618-8833>; e-mail: valeriy.safonovv@yandex.ru

Поступила | Received
08.10.2025

Поступила после рецензирования
и доработки | Revised
07.11.2025

Принята к публикации | Accepted
07.11.2025

УДК 342.9
DOI: 10.19073/2658-7602-2026-23-1-96-113
EDN: YNHNDEN

Оригинальная научная статья

Административно-деликтное судопроизводство как процессуальная форма отечественного правосудия

С. В. Щепалов

Верховный Суд Республики Карелия, Петрозаводск, Российская Федерация;
Сибирский юридический университет, Омск, Российская Федерация
✉ schepalov@mail.ru

Аннотация. В статье выражается идея о том, что производство по делам об административных правонарушениях в судах общей юрисдикции является частью масштабного процессуального явления, объединяющего судебное санкционирование мер административного принуждения за административные деликты. Его предлагается именовать административно-деликтным судопроизводством. В настоящее время оно неосновательно разделено между тремя конкурирующими нормативными массивами – Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях, Кодексом административного судопроизводства Российской Федерации и Арбитражным процессуальным кодексом Российской Федерации. Такая ситуация осложняет отправление правосудия и вызывает необходимость дачи судьям руководящих разъяснений. Автор предлагает провести третью кодификацию законодательства об административных правонарушениях путем изъятия из Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации норм, регулирующих данную судебную деятельность, и сосредоточения их в самостоятельном федеральном законе «Об административно-деликтном судопроизводстве». Предмет его регулирования должен охватить следующие производства в судах общей юрисдикции и арбитражных судах: 1) по делам об административных правонарушениях; 2) по отдельным процессуальным вопросам по находящимся в производстве несудебных органов делам об административных правонарушениях; 3) по принятию отдельных мер процессуального реагирования на административные деликты вне рамок производства по делу об административном правонарушении. Административно-деликтное судопроизводство необходимо возвести в статус вида судопроизводства, в рамках которого реализуется административно-деликтное право, равнозначного закрепленным в Конституции Российской Федерации формам правосудия. Данную новеллу следует построить на основе специально разработанной процессуальной модели – административно-деликтной процессуальной формы. Она должна предполагать установление судьей истины по делу в условиях состязательности и равноправия сторон – органа административного преследования и лица, привлекаемого к административному преследованию. В процессуальной модели должен быть предусмотрен институт оправдательного постановления по делу об административном правонарушении.

Ключевые слова: административная ответственность; административное правонарушение; административная юрисдикция; административный процесс; процессуальная форма; вид судопроизводства; арбитражный процесс; правосудие; административное принуждение

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Щепалов С. В. Административно-деликтное судопроизводство как процессуальная форма отечественного правосудия // Сибирское юридическое обозрение. 2026. Т. 23, № 1. С. 96–113. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2026-23-1-96-113>. EDN: <https://elibrary.ru/ynhden>

Original scientific article

Administrative Delict Proceedings as a Procedural Form of the National System of Justice

S. V. Schepalov

Supreme Court of the Republic of Karelia, Petrozavodsk, Russian Federation;

Siberian Law University, Omsk, Russian Federation

✉ schepalov@mail.ru

Abstract. The article advances the idea that proceedings in cases of administrative offences in courts of general jurisdiction form part of a broader procedural phenomenon that encompasses judicial authorisation of measures of administrative coercion for administrative delicts. The author proposes to designate this phenomenon as administrative delict proceedings. At present, this sphere is unjustifiably divided among three competing bodies of rules: the Code of Administrative Offences of the Russian Federation, the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation, and the Arbitration (Commercial) Procedure Code of the Russian Federation. This situation complicates the administration of justice and creates a need for guiding clarifications for judges. The author proposes a third codification of administrative offence legislation by removing from the Code of Administrative Offences of the Russian Federation and the Arbitration (Commercial) Procedure Code of the Russian Federation the rules regulating this judicial activity and consolidating them in a standalone federal law “On Administrative Delict Proceedings.” Its subject matter should cover the following types of proceedings in courts of general jurisdiction and commercial courts: (1) cases of administrative offences; (2) resolution of certain procedural issues in administrative offence cases pending before non-judicial bodies; and (3) adoption of certain procedural response measures relating to administrative delicts outside the framework of administrative offence case proceedings. Administrative delict proceedings should be elevated to the status of a type of judicial proceedings within which administrative delict law is implemented, equivalent to the forms of justice enshrined in the Constitution of the Russian Federation. This innovation should be built on a specially developed procedural model—an administrative delict procedural form. It should envisage the court’s determination of the truth in the case under conditions of adversarial process and equality of the parties—the administrative prosecution authority and the person subject to administrative prosecution. The procedural model should also provide for an acquittal decision in an administrative offence case.

Keywords: administrative liability; administrative offence; administrative jurisdiction; administrative process; procedural form; type of judicial proceedings; commercial procedure; justice; administrative coercion

Conflict of interest. The Author declares no conflict of interest.

For citation: Schepalov S. V. Administrative Delict Proceedings as a Procedural Form of the National System of Justice. *Siberian Law Review*. 2026;23(1):96-113. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2026-23-1-96-113>. EDN: <https://elibrary.ru/ynhden> (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Тематика предложенной уважаемому читателю статьи вызвана теми сложностями, которыми сопровождается третья кодификация административно-деликтного законодательства. Она очевидно необходима, поскольку урегулированный Кодексом Российской Федерации об адми-

нистративных правонарушениях (далее – КоАП РФ) судебный порядок явно требует модернизации. По мере роста количества ежегодно рассматриваемых судами дел об административных правонарушениях, которое за прошлый год составило 5,9 млн, процессуальная часть кодекса пополняется новыми судопроизводственными

институтами, которые в нее, как кажется, уже не вмещаются. Совершенствование процессуальной части КоАП РФ носит не столько системный, сколько конъюнктурный характер. Законодатель работает, скорее, в контексте «здесь и сейчас», ориентируясь на актуальные направления борьбы с правонарушаемостью и необходимость рационализации судебной нагрузки. Однако такой ориентированный на будничные потребности внутренней политики подход делает парламент заложником этой перманентной круговерти постоянной доработки положений одного из важнейших нормативных актов.

Тем не менее разработка варианта третьей кодификации оказалась сопряжена с проблемой, уходящей корнями в административно-процессуальную доктрину. Система законодательства, стройности которой мы так ожидаем от парламента, основана на системе права, являясь внешним ее выражением, а система процессуального права основана на системе самой процессуальной деятельности. Однако даже такая фундаментальная и широко используемая теоретическая конструкция, как административный процесс, не обрела определенную трактовку ни в законодательстве, ни в науке, на что справедливо обращает внимание Ю. П. Соловей¹.

Положение производства по делам об административных правонарушениях в судах общей юрисдикции (далее – Производство) в системе административного процесса является еще более «повешенным», усугубляясь неясностью и его предназначения, и соотношения с закрепленными в Конституции РФ процессуальными формами правосудия. Роль и задачи судов общей юрисдикции в административном процессе понимаются неоднозначно, вынуждая научную и за-

конотворческую мысль ходить по кругу, что отражается и на судебной практике. Нередко суд все еще продолжает ориентироваться на необходимость борьбы с неповиновением порядку управления, например, когда доводы жалобы отклоняются по мотивам их направленности на уход от ответственности. Однако устранить проблему путем окончательной конвергенции Производства с несудебной юрисдикцией в условиях конституционного строя правового государства невозможно. Верховный Суд РФ обоснованно разграничивает функции суда и административных органов, а судьям указывается на необходимость обеспечить гражданам право на судебную защиту и доступ к правосудию².

В то же время разворот судьбы Производства в обратную сторону – через его институционализацию в какую-либо форму правосудия или ее часть – сопряжен с не меньшими сложностями. Конституция РФ предусматривает лишь пять видов судопроизводства. К административному судопроизводству как созвучному с Производством хотя бы терминологически судебное рассмотрение дел об административных правонарушениях в силу ст. 1 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации (далее – КАС РФ) не относится. Однако постановке вопроса о формировании шестого вида судопроизводства препятствует разумный аргумент о том, что Производство уникальным не является. Дела об административных правонарушениях рассматриваются и арбитражными судами, так о какой уникальности мы говорим?

Тесное соседство Производства, с одной стороны, с урегулированной тем же кодексом несудебной юрисдикцией, с другой – с КАС РФ, с третьей – с Арбитражным

¹ См.: Соловей Ю. П. К завершению дискуссии о понимании административного процесса // Сибирское юридическое обозрение. 2021. Т. 18, № 3. С. 375. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2021-18-3-359-378>

² См.: Постановление Верхов. Суда Рос. Федерации от 27 апр. 2018 г. № 19-АД18-6. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

процессуальным кодексом Российской Федерации (далее – АПК РФ) не только растушевывает его «самость», но и нарушает стройность и единство судебной практики. При несогласии лица с отказом в возбуждении дела об административном правонарушении, доказательствами по такому делу или применением предусмотренных главой 27 КоАП РФ мер обеспечения Верховный Суд РФ ориентирует на использование в одних случаях КоАП РФ, в других – КАС РФ³. КоАП РФ, закрепляя в ст. 25.5 возможность самостоятельного обжалования мер обеспечения, не содержит необходимого порядка. В связи с этим вынужденно сложилась практика их оспаривания административным иском, а в рамках АПК РФ они оспариваются регулярно⁴. Самостоятельное обжалование вынесенного на основании ст. 29.13 КоАП РФ представления в суде общей юрисдикции невозможно⁵ в отличие от арбитражного процесса⁶.

Возможно, мы наделили Производство «синдромом самозванца», а оно является лишь анклавом другого, вполне осмысленного процессуального явления? Между тем на это место в воззрениях различных научных школ претендуют как административное судопроизводство, так и несудебное производство по делу об административном правонарушении (далее – ПДОАП).

Отдельные концепции отождествляют Производство с административным процессом. Другие отводят ему место в административно-юрисдикционном процессе, но вопрос о виде такой структурной единицы административной юрисдикции оказывается уже чрезмерно сложным.

Автор хотел бы предложить читателю свое видение варианта третьей кодификации. Для этого требуется выход за пределы имеющегося в науке понятийного аппарата и переосмысление системы административного процесса. Как отметил Альберт Эйнштейн, никакую проблему невозможно решить на том же уровне, на котором она возникла; нужно стать выше нее, поднявшись на следующий уровень. В отношении сферы гуманитарных наук такой подход также безусловно верен.

АДМИНИСТРАТИВНО-ДЕЛИКТНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО

С принятием в 1956 г. указа «Об ответственности за мелкое хулиганство»⁷ принято связывать возникновение судебного производства по делам об административных правонарушениях⁸ как своего рода единого явления. Вместе с тем в действительности оно таким монолитом не было. Фундамент процессуальной новеллы был заложен законодателем шире, а использование конструкции

³ Пункт 8 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2022 г. № 21 «О некоторых вопросах применения судами положений главы 22 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и главы 24 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» (см.: *Рос. газ.* 2022. № 149).

⁴ См., напр., п. 3.1 Постановления Пленума Высшего арбитражного суда РФ от 2 июня 2004 г. № 10; Определение Высшего арбитражного суда РФ от 17 марта 2008 г. № 1903/08; Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 13 февраля 2008 г. № А32-17396/2007-59/276; Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 18 декабря 2012 г. по делу № А41-1310/12. (Доступ из СПС «КонсультантПлюс».)

⁵ См.: *Постановление* Верхов. Суда Рос. Федерации от 14 февр. 2023 г. № 64-АД22-4-К9. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁶ Пункт 20.1 Постановления Пленума Высшего арбитражного суда РФ от 2 июня 2004 г. № 10 (в ред. Постановления Пленума Высшего арбитражного суда РФ от 20 ноября 2008 г. № 60) (см.: *Вестник* Высш. Арбитр. Суда Рос. Федерации. 2009. № 1).

⁷ См.: *Об ответственности за мелкое хулиганство* : указ Президиума Верхов. Совета РСФСР от 19 дек. 1956 г. // Хронологическое собрание законов, указов Президиума Верховного Совета и постановлений Правительства РСФСР. М., 1959. Т. 5. Ст. 103.

⁸ Подробнее см.: *Шеналов С. В.* 1956 – год возникновения отечественного судопроизводства по делам об административных правонарушениях // *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право.* 2024. № 3 (58). С. 151–169. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2024/3/151-169>

«мера административного воздействия»⁹ не было случайным. В отношении мер административной ответственности давно применялся термин «административное взыскание», а мера административного воздействия означала меру административного принуждения. Если быть более точным, то следует говорить о возникновении в 1956 г. судебного производства не по делам об административных правонарушениях, а по судебному применению мер административного принуждения. Разумеется, пока что речь шла только об одной из них.

Тем не менее институт пополнялся иными созданными по образцу Указа от 19 декабря 1956 г. порядками применения мер административного воздействия за мелкую спекуляцию¹⁰, незаконное изготовление и использование радиопередающих устройств¹¹, злостное неповиновение законному распоряжению работника милиции или народного дружинника¹² и др. Вводятся и институты судебного применения иных строгих мер административного принуждения, явно выходящих за пределы мер административной ответственности. Судебными постановлениями тунеядцы стали выселяться в специально отведенные местности с привлечением к труду¹³,

а злостные пьяницы¹⁴ и больные наркоманией¹⁵ – направляться в ЛТП. С 1962 г. в судебном порядке начали изыматься строения, возведенные или приобретенные на нетрудовые доходы¹⁶, с 1963 г. – и автотранспорт¹⁷. Нареканий на то, что новеллы используют судебные полномочия не по назначению, не было. Напротив, было очевидно, что административное принуждение в целом, а не только назначение наказаний входит в сферу судебного контроля. Народный судья, действуя от имени советского общества, ревизовал инициативу органов преследования, санкционируя или отклоняя запрашиваемую меру административного принуждения. Новеллы подверглись осмыслению в труде Н. Г. Салищевой [1, с. 40, 41, 65, 154], и ученый не усматривала необходимости привязывать их к назначению именно административных наказаний.

Переосмысление судебного санкционирования мер административного воздействия в Производство было связано с необходимостью систематизации административно-процессуальных норм, которой весь перечень данных институтов поддавался плохо. В то же время судебный порядок привлечения исключительно к административной ответственности был

⁹ См.: *Об ответственности за мелкое хулиганство ...* Ст. 104.

¹⁰ См.: *Об ответственности за мелкую спекуляцию* : указ Президиума Верхов. Совета РСФСР от 12 сент. 1957 г. // *Ведомости Верхов. Совета РСФСР*. 1957. № 1, ст. 5.

¹¹ См.: *Об ответственности за незаконное изготовление и использование радиопередающих устройств* : указ Президиума Верхов. Совета РСФСР от 7 апр. 1960 г. // *Ведомости Верхов. Совета РСФСР*. 1960. № 13, ст. 177.

¹² См.: *Об усилении ответственности за посягательство на жизнь, здоровье и достоинство работников милиции и народных дружинников* : указ Президиума Верхов. Совета СССР от 15 февр. 1962 г. // *Ведомости Верхов. Совета СССР*. 1962. № 8, ст. 83.

¹³ См.: *Об усилении борьбы с лицами, уклоняющимися от общественно полезного труда и ведущими антиобщественный паразитический образ жизни* : указ Президиума Верхов. Совета РСФСР от 4 мая 1961 г. // *Ведомости Верхов. Совета РСФСР*. 1961. № 18, ст. 273.

¹⁴ См.: *О принудительном лечении и трудовом перевоспитании злостных пьяниц (алкоголиков)* : указ Президиума Верхов. Совета РСФСР от 8 апр. 1967 г. // *Ведомости Верхов. Совета РСФСР*. 1967. № 15, ст. 333.

¹⁵ См.: *Об усилении борьбы с наркоманией* : указ Президиума Верховного Совета СССР от 25 апр. 1974 г. № 5928-VIII // *Ведомости Верхов. Совета СССР*. 1974. № 18, ст. 275.

¹⁶ См.: *О безвозмездном изъятии домов, дач и других строений, возведенных или приобретенных гражданами на нетрудовые доходы* : указ Президиума Верхов. Совета РСФСР от 26 июля 1962 г. // *Ведомости Верхов. Совета РСФСР*. 1962. № 30, ст. 464.

¹⁷ См.: *О безвозмездном изъятии автомашин у собственников домов, дач и других строений, возведенных или приобретенных на нетрудовые доходы* : указ Президиума Верхов. Совета РСФСР от 28 сент. 1963 г. // *Ведомости Верхов. Совета РСФСР*. 1963. № 39, ст. 699.

успешно унифицирован и вместе с несудебным интегрирован в КоАП РСФСР. Он притянул внимание законодателя и научной мысли, заслонив собой несколько иную природу той же судебной деятельности. Далее сформировался стереотип об ограниченности данного направления правосудия лишь назначением административных наказаний. Однако с первой же редакции КоАП РФ Производство вновь стало «обрастать» неотъемлемыми от него судебными порядками применения иных мер реагирования на административные деликты.

Так, подведомственные суду вопросы можно отнести к Производству, если они влияют на вывод о виновности лица в совершении правонарушения или хотя бы на принятие решения с таким выводом¹⁸. Вопросы, выходящие за этот круг, если рассматриваются судом отдельно, не являются судебными делами об административных правонарушениях. В рамках КоАП РФ судом рассматриваются две категории подобных «сопутствующих» материалов. Первая включает судебные дела *о принятии мер реагирования на предполагаемые административные деликты вне рамок возбужденного дела об административном правонарушении*. Она включает две подкатегории:

А) *дела по жалобам и протестам на определения об отказе в возбуждении дел об административных правонарушениях*

я. Полномочия суда здесь обладают спецификой. Судья не вправе подменять орган преследования и предрешать наличие состава, а может лишь указать на неполноту проверки, отсутствие оценки тех или иных собранных доказательств, имеющих значение для установления повода к возбуждению дела¹⁹. Отмена определения судом, а не в порядке подчиненности не может быть продиктована целями дальнейшего совершенствования полноты проверочных мероприятий²⁰. Такие позиции судов, ревизирующих административную не столько юрисдикцию, сколько процедуру, нехарактерны для ПДОАП. Однако процессуальный порядок для данной категории дел в кодексе не разработан, и материалы рассматриваются лишь применительно к общим нормам глав 25 и 30 КоАП РФ. В то же время состав участников такого процесса не укладывается в перечисленный в главе 25 круг субъектов. Податель жалобы не является потерпевшим по смыслу ст. 25.2 КоАП РФ, так как дело не возбуждено, заявитель не всегда может доказать причинение ему вреда. Он привлекается к делу лишь по аналогии со статусом потерпевшего ввиду отсутствия в кодексе более подходящего статуса²¹. Лицо, в отношении которого заявитель просит возбудить дело, привлекается даже не столько по аналогии со ст. 25.1 КоАП РФ, сколько в приближении к ней, в том числе как заинтересованное лицо или вовсе без указания статуса²²;

¹⁸ Пункт 25 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25 июня 2019 г. № 20 (см.: *Бюллетень Верхов. Суда Рос. Федерации*. 2019. № 9); пункт 8 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2022 г. № 21 (см.: *Бюллетень Верхов. Суда Рос. Федерации*. 2022. № 9).

¹⁹ См.: *Дело по жалобе Т. на определение старшего инспектора по ИАЗ ГИБДД ОМВД России по Медвежьегорскому району от 19 июня 2025 г. об отказе в возбуждении дела об административном правонарушении* // Архив Медвежьегор. район. суда Респ. Карелия. Д. 12-35/2025.

²⁰ См.: *Дело по жалобе Б. на определение заместителя прокурора г. Петрозаводска от 10 июля 2025 г. об отказе в возбуждении дела об административном правонарушении* // Архив Петрозаводск. гор. суда Респ. Карелия. Д. 12-4/2026.

²¹ См.: *Решение судьи Верхов. Суда Респ. Карелия от 18 дек. 2024 г. № 21-242/2024 по жалобе Б. на решение судьи и определение прокурора Респ. Карелия от 14 апр. 2024 г., вынесенное в форме письма № 6-108/2021* // Наряды судеб. коллегии по адм. делам Верхов. Суда Респ. Карелия.

²² См., напр.: *Решение Верхов. Суда Респ. Карелия от 5 марта 2025 г. № 21-44/2025* // Наряды судеб. коллегии по адм. делам Верхов. Суда Респ. Карелия; *Решение Верхов. Суда Респ. Карелия от 8 окт. 2025 г. № 21-161/2025* // Наряды судеб. коллегии по адм. делам Верхов. Суда Респ. Карелия.

Б) дела по жалобам и протестам на постановления несудебных органов о прекращении производства по делу, вынесенные как до передачи дела на рассмотрение (ст. 28.9), так и по результатам несудебного его рассмотрения (ст. 29.10 КоАП РФ). Поскольку производство по делу уже прекращено, пересмотр постановления юридически некорректно считать дальнейшим ПДОАП, а обжалуемое постановление по существу аналогично определению об отказе в возбуждении дела. Разница состоит лишь в том, что отмена постановления не требует повторного обсуждения вопроса о возбуждении дела, а сразу возвращает совершенным процессуальным действиям их юридическую силу, а их участникам – имевшиеся процессуальные статусы.

Вторая категория дел охватывает ситуации, когда ПДОАП возбуждено и ведется, но в пределах исключительной прерогативы несудебного органа. Суд уполномочен разрешать лишь отдельные процессуальные вопросы и не может затрагивать вопрос административной ответственности и даже влиять на процесс его разрешения. Такая судебная деятельность хотя и связана с ПДОАП, но не является Производством и охватывает следующие подкатегории дел:

А) дела по ходатайствам об изменении примененных мер обеспечения производства по делу. Здесь судья не пересматривает правомерность примененной инспектором меры, а санкционирует лишь ее изменение, когда разрешение такого вопроса буквой закона отнесено к судебной компетенции. Приведенная подкатегория представлена в виде появившихся в 2024 г. в главе 27 кодекса²³ производств: а) по ходатайству о продлении 48-часового срока помещения лица в спецучрежде-

ние, необходимого для рассмотрения дела об административном правонарушении, влекущем выдворение (ч. 3.1–3.13 ст. 27.19 КоАП РФ); б) по ходатайству о продлении 90-дневного срока содержания в спецучреждении лица, уже подлежащего принудительному выдворению (ст. 27.19.1 КоАП РФ). Судья лишь проверяет наличие указанных в данных статьях обстоятельств и не вправе затрагивать вопросы причастности к совершению правонарушения²⁴;

Б) дела по жалобам и протестам на не влияющие на движение дела несудебные акты, разрешающие отдельные процессуальные вопросы. Это пересмотр выносимых в рамках ст. 31.8 КоАП РФ несудебных определений по вопросам, связанным с исполнением несудебного постановления, в том числе о восстановлении сроков, предусмотренных ч. 1.3–1.3-3 ст. 32.2 КоАП РФ;

В) дела по ходатайствам об изменении порядка исполнения постановлений иных органов о назначении административных наказаний вне рамок их обжалования. Изменение порядка исполнения постановления несудебного органа не входит в Производство и является прерогативой данного органа. Однако разрешение ходатайства лица, подлежащего выдворению на основании несудебного постановления, об обращении постановления к немедленному исполнению (ч. 2 и 3 ст. 32.9 КоАП РФ) в силу закона отнесено к компетенции суда. В то же время она ограничивается проверкой наличия у лица документов, удостоверяющих личность, денежных средств для приобретения проездных документов и не может касаться оценки обоснованности выдворения в целом;

Г) дела по жалобам и протестам на выносимые в рамках ст. 31.8 и ч. 1.3–

²³ См.: О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : Федер. закон от 8 авг. 2024 г. № 248-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2024. № 33 (ч. I), ст. 4944.

²⁴ См., напр.: Материал по ходатайству УМВД России по г. Петрозаводску о продлении срока содержания С. в ЦВСИГ МВД по Республике Карелия // Архив Петрозаводск. гор. суда Респ. Карелия. Д. 15-24/2025-22.

1.3-3 ст. 32.2 КоАП РФ определения должностных лиц по вопросам, связанным с исполнением их постановлений, в том числе отсрочки, рассрочки, приостановления, прекращения исполнения, восстановления двадцати- или тридцатидневного срока уплаты штрафа в льготном размере. Хотя здесь осуществляется последующий судебный контроль, но прерогатива суда также ограничена лишь вопросами правильности корректировки должностным лицом отдельных аспектов порядка исполнения его же постановления.

Помимо приведенных, уже рельефно проявившихся судопроизводственных институтов, находятся на этапе становления и другие:

1) *дела об обжаловании примененных административным органом мер обеспечения производства по делу*. Правовая почва для этого появилась уже с введением в действие КоАП РФ. В силу ч. 5 ст. 25.5 КоАП РФ защитник и представитель вправе обжаловать применение таких мер. Однако этот вполне уместный для предмета регулирования КоАП РФ институт не развит, в отличие от кодексов ряда стран ближнего зарубежья. В связи с этим самостоятельное обжалование обеспечительных мер осуществляется в порядке КАС РФ²⁵;

2) *дела об обжаловании вынесенных на основании ст. 29.13 КоАП РФ представлений несудебных органов*. Такие представления являются самостоятельной формой реагирования на административный деликт путем инициирования устранения причин и условий его совершения. Вынесение представления не связано неразрывно с назначением наказания и, кроме того, является прерогативой органа, не зависящей от чьей-либо инициативы,

что нехарактерно для порядка привлечения к административной ответственности. В судебной практике встречаются разумные попытки адресатов таких представлений обжаловать их отдельно от постановления, с которым они согласны. Однако поскольку КоАП РФ не содержит и этого порядка, Верховный Суд РФ не одобрил такую практику²⁶. Поэтому обжалование представления к настоящему времени еще не покинуло пределы Производства.

Тем не менее в КоАП РФ в сравнении с кодексом советской эпохи предмет регулирования в части судебной деятельности расширился от Производства до применения различных мер, которые можно обобщить такой конструкцией, как меры судебного административно-процессуального реагирования на административные деликты или судебное санкционирование мер административного принуждения. К такому предмету нельзя применить конструкцию «производство по делам об административных правонарушениях в судах общей юрисдикции». Он в нее не «вмещается», в связи с чем автором предложен к обсуждению термин «административно-деликтное судопроизводство» (далее – АДС)²⁷. Это словосочетание уже используется Конституционным Судом РФ, Верховным Судом РФ и учеными применительно к Производству. Вместе с тем настало время обновить его смысловую нагрузку, расширив ее до *судебного производства по санкционированию мер административного принуждения в связи с совершением административных деликтов и разрешению сопутствующих этому процессуальных вопросов*.

Судьба отечественного административного процесса в этой части не уникальна. В законодательстве большинства стран

²⁵ Пункт 40 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26 июня 2018 г. № 28 (см.: *Бюллетень Верхов. Суда Рос. Федерации*. 2018. № 8).

²⁶ См.: *Постановление* Верхов. Суда Рос. Федерации от 14 февр. 2023 г. № 64-АД22-4-К9. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

²⁷ Подробнее см.: *Щепалов С. В.* Административно-деликтное судопроизводство // *Административное право и процесс*. 2026. № 1. С. 63–68. DOI: <https://doi.org/10.18572/2071-1166-2026-1-63-68>

постсоветского пространства аналогично расширяется предмет регулирования процессуальных законов об административных правонарушениях в части судебной деятельности. Содержание АДС сегодня охватывает три категории ведущихся в рамках предварительного и последующего судебного контроля производств в судах общей юрисдикции: а) по делам об административных правонарушениях, б) по отдельным процессуальным вопросам по находящимся в производстве несудебных органов делам об административных правонарушениях, в) по принятию отдельных мер административно-процессуального реагирования на административные деликты вне рамок ПДОАП. Данный широкий, но вполне емкий предмет судебной деятельности автор предлагает характеризовать как судебное административно-деликтное дело. Соответственно, АДС, обладая такой разветвленной структурой, представляет собой самостоятельную совокупность содержаний сложных административно-процессуальных отношений судьи с участниками производства по судебному административно-деликтному делу.

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ЗАКОН
«ОБ АДМИНИСТРАТИВНО-ДЕЛИКТНОМ
СУДОПРОИЗВОДСТВЕ»

АДС является и истоком, и результатом эволюции участия суда в правоприменении, связанном с административными деликтами. Однако со времени принятия КоАП РСФСР оно оказалось связанным одной судьбой и одним нормативным массивом с несудебным порядком административной юрисдикции. Такой подход сохранился и в КоАП РФ по мотивам в том числе практического удобства применения

единого кодекса [2]. Однако побочным эффектом принудительной конвергенции разнородных процессуальных институтов оказалось то, что на АДС распространились задачи законодательства об административных правонарушениях (ст. 1.2 КоАП РФ) и обусловленные ими задачи ПДОАП (ст. 24.1), которые сводятся к борьбе с неповиновениями порядку управления. Эти вполне разумные для силовых структур приоритеты не соответствуют предназначению Производства и конституционным принципам правосудия. В силу своего предназначения АДС, в том числе Производство, осуществляет судебный контроль управленческой инициативы публичной администрации, выраженной в принятых ею мерах административно-процессуального реагирования на административные деликты, путем проверки на предмет соответствия их закону в свете конституционных принципов и ценностей²⁸. Навязанные судопроизводству общие положения КоАП РФ, с одной стороны, порождают нацеленность судей на борьбу с неповиновением порядку управления и приоритет административно-правовых требований над заслуживающими внимания интересами привлекаемого лица. С другой стороны, пытаясь хоть как-то согласовать свою работу с конституционно-правовым предназначением Производства, судьи вынуждены прибегать к различным видам и формам своего усмотрения²⁹, влекущим процессуальный и в целом профессиональный риск.

АДС не только отличается по своему объекту, субъектному составу и предмету от несудебного ПДОАП. В силу различий предмета и иных эволюционно сложившихся институтов АДС нельзя считать и разновидностью административного судопроизводства. Поэтому автор поддерживает идею

²⁸ Подробнее см.: *Щепалов С. В.* Конституционно-правовая функция производства по делам об административных правонарушениях в судах общей юрисдикции // *Lex Russica (Русский закон)*. 2025. Т. 78, № 7. С. 20–33. DOI: <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2025.224.7.020-033>

²⁹ Подробнее см.: *Щепалов С. В.* О дискреционных формах процессуальных действий судей при рассмотрении дел об административных правонарушениях // *Российская юстиция*. 2017. № 1. С. 20–26.

сохранить традиционное трехвидовое деление административного процесса на административные процедуры, судопроизводство и юрисдикцию, но предлагает увидеть в последнем виде сложную структуру из двух подвидов – несудебные и судебные административно-юрисдикционные производства. АДС вошло во второй подвид административного процесса и обрело в его системе обособленное место.

Поэтому сложно согласиться с идеей урегулирования АДС как в КоАП РФ либо в разрабатываемом ПКоАП РФ, где судебные и несудебные порядки складывались бы в единую модель, так и в КАС РФ. Первые два варианта оставят Производство под гегемонией общих принципов и норм, ориентированных на функции исполнительной власти. Последний ошибочно переориентирует суд на урегулирование спора о праве вместо установления виновности или невиновности в совершении административного деликта, на что обращал внимание А. И. Каплунов [3]. Системе отечественного административного процесса соответствует другой вариант декодификации: исключение из предмета регулирования КоАП РФ только судебных производств с урегулированием их в самостоятельном федеральном законе.

АДМИНИСТРАТИВНО-ДЕЛИКТНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО В АРБИТРАЖНЫХ СУДАХ

Для полного разрешения проблемы третьей кодификации недостаточно масштабирования нашего взора от Производства до АДС и банального выделения последнему отдельного закона. В попытках выхватить АДС из пучины законотворческих

и доктринальных бед нельзя не заметить на фоне конкурирующих КоАП и КАС РФ еще и дублирующий оба кодекса арбитражно-процессуальный порядок. Процессуальные части КоАП РФ и АПК РФ схожи в части основных разновидностей рассматриваемых дел: о привлечении к административной ответственности (предварительный судебный контроль – глава 29 КоАП РФ, § 1 главы 25 АПК РФ) и об оспаривании (пересмотре) постановлений (последующий судебный контроль – глава 30 КоАП РФ и § 2 главы 25 АПК РФ). Обе процессуальные формы сравниваются учеными как однопорядковые явления с единой природой правоотношений [4; 5]. Однако обе они дублируют друг друга гораздо шире, не ограничиваясь лишь делами об административных правонарушениях. Наименование главы 25 АПК РФ (как и глав 29 и 30 КоАП РФ) не соответствует категориям дел, которые в действительности рассматриваются арбитражным судом в ее рамках. Арбитражные суды применяют больший перечень мер реагирования на административные деликты, чем она предусматривает. Во-первых, применительно к § 2 главы 25 оспариваются определения об отказе в возбуждении дел об административных правонарушениях в соответствии с установленной ст. 30.1 КоАП РФ подведомственностью дел арбитражному суду. Во-вторых, в том же порядке оспариваются и постановления о прекращении производства по делам об административных правонарушениях³⁰. Арбитражные суды проверяют соблюдение установленной ч. 5 ст. 28.1 КоАП РФ подведомственности и наличие *поводов* к возбуждению дела³¹, что явно не охватывается ПДОАП.

³⁰ Пункт 19 Постановления Пленума Высшего арбитражного суда РФ от 2 июня 2004 г. № 10 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях» (см.: *Вестник Высш. Арбитр. Суда Рос. Федерации*. 2004. № 8).

³¹ См., напр.: *Постановление* Арбитр. суда Сев.-Зап. окр. от 12 янв. 2024 г. № Ф07-17285/2023 по делу № А56-33849/2023 ; *Постановление* Арбитр. суда Поволж. окр. от 10 авг. 2023 г. № Ф06-6323/2023 по делу № А65-32386/2022 ; *Постановление* Арбитр. суда Москов. окр. от 22 сент. 2020 г. № Ф05-9034/2020 по делу № А40-252077/2019 ; *Постановление* Арбитр. суда Сев.-Кавказ. окр. от 1 июня 2018 г. № Ф08-3826/2018 по делу № А53-32730/2017. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Оба кодекса содержат пробелы по вопросу порядка оспаривания примененных мер обеспечения производства по делу. Вместе с тем, хотя и с выходом за пределы главы 25, но в рамках главы 24 того же подраздела III АПК РФ, арбитражные суды рассматривают заявления об оспаривании изъятия вещей и документов, ареста товаров, транспортных средств и иных вещей (ст. 27.10, 27.14 КоАП РФ)³². Сами дела именуются как дела о признании незаконными действий административного органа по изъятию имущества³³, аресту товаров³⁴ и др. без привязки к самому делу об административном правонарушении. О самостоятельном оспаривании в арбитражном суде вынесенных в рамках ст. 29.13 КоАП РФ представлений мы уже писали. Арбитражно-процессуальное судебное реагирование на административные деликты еще не созрело в качестве вида или подвида арбитражного судопроизводства, однако обрело в судебной практике собственный оригинальный термин «спор из административно-деликтных отношений»³⁵. В связи с этим есть основания говорить о формировании в арбитражном процессе пока не занявшего в нем определенную нишу феномена, который можно условно именовать административно-деликтным судопроизводством в арбитражных судах.

ИНТЕГРАЦИЯ СУДЕБНЫХ ФОРМ РЕАГИРОВАНИЯ

НА АДМИНИСТРАТИВНЫЕ ДЕЛИКТЫ

Процессуальные модели как АДС, так и АДС в арбитражных судах не при-

знаны своими нормативными массивами, в которые заложена слишком узкая трактовка их предметов, как если бы, например, Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации ориентировался только бы на особенности семейных споров. При этом оба родственных феномена испытывают влияние иных приоритетных, но посторонних процессуальных моделей – несудебной административной юрисдикции и разрешения частноправовых экономических споров. Арбитражно-процессуальная форма представляет собой разновидность гражданско-процессуальной формы, адаптированной под особенности экономических споров [6]. По причинам отсутствия у арбитражного процессуального права собственного предмета регулирования оно было, хотя и небесспорно [4], охарактеризовано даже как дублирующая отрасль по отношению к гражданскому процессуальному праву [7], а арбитражное судопроизводство – как порядок рассмотрения арбитражным судом гражданских дел, дифференцированный из общего порядка³⁶. Нехарактерность для арбитражного процесса административно-деликтных дел сочетается с своеобразной ущербностью, «половинчатостью» АДС, которому не хватает определенного элемента для институционализации в полноценный вид судопроизводства. Претензия АДС на такой высокий статус может вызывать резонные замечания, что однотипные категории дел рассматриваются и в арбитражном процессе. Л. А. Воскобитова

³² Пункт 3.1 Постановления Пленума Высшего арбитражного суда РФ от 2 июня 2004 г. № 10. (Доступ из СПС «КонсультантПлюс».)

³³ См.: *Определение* Высш. Арбитр. Суда Рос. Федерации от 17 марта 2008 г. № 1903/08 по делу № А49-4648/2007-196а/16. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³⁴ См., напр.: *Постановление* Пятнадцатого арбитраж. апелляц. суда от 13 февр. 2008 г. № 15АП-174/2008 по делу № А32-17396/2007-59/276 ; *Постановление* Десятого арбитраж. апелляц. суда от 18 дек. 2012 г. по делу № А41-1310/12. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³⁵ См., напр.: *Постановление* Девятого арбитраж. апелляц. суда от 29 янв. 2018 г. № 09АП-65394/2017 по делу № А40-178693/17 ; *Постановление* Девятого арбитраж. апелляц. суда от 12 апр. 2018 г. № 09АП-9983/2018 по делу № А40-216154/17 ; *Постановление* Десятого арбитраж. апелляц. суда от 31 авг. 2023 г. № 10АП-8212/2023 по делу № А41-85501/2021. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³⁶ См.: *Арбитражный процесс* : учеб. / под ред. С. В. Никитина. М. : РГУП, 2017. Глава 1, схема 3.

справедливо назвала странной ситуацию, когда ПДОАП, составляющее значительную часть судебной нагрузки, не признано ни одним из процессуальных кодексов как судопроизводство, за исключением главы 25 АПК РФ. В то же время дела об административных правонарушениях лишь формально могут быть отнесены к арбитражному судопроизводству, противореча его цивилистической природе [8]. Существующая система законодательства влечет необходимость руководствоваться в арбитражном процессе процессуальными нормами одновременно двух кодексов, в том числе не согласующимися с арбитражным процессом [9]. Такая раздробленность и аморфность порядков санкционирования административного принуждения за административные деликты в ходе третьей кодификации должна быть ликвидирована.

Автор полагает, что АДС в арбитражных судах как инородный клин в арбитражном процессе следует интегрировать в административно-процессуальное законодательство. Аналогичные мнения, хотя и в отношении судебного рассмотрения только дел об административных правонарушениях, высказываются административистами [10]. Основываясь на подходе Ю. Н. Старилова, О. В. Косоногова включает его в административный процесс и полагает необходимым унифицировать порядок рассмотрения судьями дел об административных правонарушениях [11]. Аналогичные мнения высказываются и другими учеными [12, с. 11], в том числе с отнесением арбитражного ПДОАП прямо к административно-юрисдикционному процессу [13]. В связи с этим представляется необходимым арбитражное АДС исключить из предмета регулирования АПК РФ, в структуре которого оно так и не нашло своего признания, и урегулировать его с остальным АДС одним федеральным законом. Его принятие видится оптимальным вариантом декодифи-

кации, который устранил дублирующие и конкурирующие нормы трех кодексов. Соответственно, в новом процессуальном законе целесообразно сформировать два процессуальных порядка (вида производств): АДС в судах общей юрисдикции и АДС в арбитражных судах. Такой вариант, сохраняющий у судов общей юрисдикции и арбитражных судов заслуженное «право на специфику», будет наиболее взвешенным и перспективным. В свою очередь АДС в его масштабированном виде должно стать закономерным результатом интеграции обеих процессуальных форм судебного реагирования на административные деликты.

В таком виде АДС приобретает настолько рельефную специфику, что становится достойным для обсуждения его как складывающейся процессуальной формы правосудия. Именно с этого еще 80 лет назад началось осмысление судебного участия в административной юрисдикции. В 1946 г. А. Ф. Клейнман охарактеризовал гражданско-процессуальные прообразы АДС как вид судопроизводства с возможным наименованием «судебный административный процесс» [14; 15]. Аналогичную позицию высказал в отношении введенных с 1956 г. первых институтов АДС судья Верховного Суда РСФСР, а позднее – начальник Академии МВД СССР С. В. Бородин, охарактеризовав их как «административный процесс» [16, с. 30]. Такая идея была развита в 1964 г. в коллективной монографии [17, с. 120–122], а в 1965 г. новелла была осмыслена как административное судопроизводство [18, с. 76–80].

Осознание Производства как части АДС позволяет в наилучшей мере встроить его в перечень процессуальных форм правосудия. Они привязаны не к категориям дел, а, как правило, к реализующимся в соответствующих процессуальных рамках отраслям материального права. Вид судопроизводства «обслуживает»

те или иные отрасли (уголовное, гражданское право и др.) [19]³⁷, а не разновидности дел. Наличие в системе права административно-деликтного права в качестве отрасли впервые выделено А. П. Шергиным [20], и этот подход был успешно развит А. С. Дугенцом³⁸ и Ю. И. Попугаевым³⁹. Даже противниками такого подхода административно-деликтное право считается, как правило, самостоятельным институтом административного права. Соответственно, АДС, как и закрепленные Конституцией РФ виды судопроизводства, имеет корреспондирующий ему *обособленный* административно-правовой нормативный массив.

Закрепленные в Конституции РФ виды судопроизводства включают судебное производство не только «по делам» определенного рода, но и по связанным с ними второстепенными вопросам. Поэтому наименования форм правосудия никогда не соотносятся с определенными категориями дел. Вместо этого применяется притяжательное прилагательное, указывающее на корреспондирующий материально-правовой нормативный массив. «Обслуживание» отрасли материального права связано с разрешением и ряда второстепенных категорий дел. Предмет регулирования Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) не именуется производством по уголовным делам в судах общей юрисдикции. Конструкция «уголовное судопроизводство» указывает на корреспондирующую отрасль материального права и обозначает, что рассматриваемые судом вопросы *связаны* с уголовно наказуемыми деяниями, хотя не ограничи-

ваются привлечением к уголовной ответственности. В рамках УПК РФ проверяется правомерность отказа в возбуждении уголовного дела и применения различных мер уголовно-процессуального принуждения. Гражданское судопроизводство не отождествляется с судебным производством по гражданским делам, а считается, что оно *связано* с осуществлением правосудия по гражданским делам⁴⁰. В него включается и деятельность суда в исполнительном производстве [21]⁴¹, когда само гражданское дело уже разрешено, и производство по делам о выдаче исполнительных листов на исполнение решений третейских судов (раздел VI), которые не являются гражданскими делами. По изложенным причинам автор полагает, что АДС также нуждается в признании в качестве вида судопроизводства. Эволюция административного законодательства свидетельствует и о назревшей необходимости дополнения ч. 2 ст. 118 Конституции РФ указанием на АДС как форму правосудия.

СТРУКТУРА АДМИНИСТРАТИВНО-ДЕЛИКТНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Обсуждая вопрос о внутренней структуре закона, регулирующего шестой вид судопроизводства, преждевременно говорить о кодификации. Целесообразно ограничиться более простой его структурой. Для кодификации должна назреть необходимость по мере наработки судебной практики и пополнения формирующегося АДС новыми институтами. Наиболее удачным решением стало бы принятие федерального закона с простым

³⁷ См.: Морозова Л. А. Теория государства и права : учеб. М. : Норма ; ИНФРА-М, 2016. С. 231.

³⁸ См.: Дугенец А. С. Административная ответственность в российском праве : дис. ... д-ра юрид. наук, М., 2005. 373 с.

³⁹ См.: Попугаев Ю. И. Теоретико-прикладные проблемы законодательства Российской Федерации об административных правонарушениях : дис. ... д-ра юрид. наук, М., 2020. 390 с.

⁴⁰ См.: Гражданский процесс : учеб. / под ред. В. А. Мусина, Н. А. Чечиной, Д. М. Чечота. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2000. С. 3.

⁴¹ См.: Валеев Д. Х. Процессуальное положение лиц, участвующих в исполнительном производстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 1999. С. 12.

наименованием «Об административно-деликтном судопроизводстве». В нем должна быть реализована процессуальная модель, специально разработанная для судебного применения мер административно-процессуального реагирования на административные деликты. Подобный институт процессуальной модели (так называемой процессуальной формы вида *судопроизводства*) произведен и неотъемлем от каждого вида судопроизводства¹. Данный институт обозначает юридический его каркас, построенный на обусловленных его предназначением принципах процесса, субъектном составе правоотношений и иных стержневых процессуальных институтах. Соответствующий элемент, подлежащий формированию в АДС,

предлагается охарактеризовать как административно-деликтную процессуальную форму.

Она, как описано выше, должна внешне дифференцироваться в зависимости от характера подлежащих рассмотрению дел на две основных разновидности (вида производств) – АДС в судах общей юрисдикции и АДС в арбитражных судах. Оба из них делятся на 2 подвиды – предварительное и последующее санкционирование меры административно-процессуального реагирования. В первом подвиде осуществляется предварительный судебный контроль, во втором – последующий. Наконец, в каждый из подвидов удачно укладываются три категории административно-деликтных дел:

Таблица

	Предварительное санкционирование	Последующее санкционирование
Дела об административных правонарушениях	дела о привлечении к административной ответственности	дела об обжаловании (опротестовании) несудебных постановлений о привлечении к административной ответственности
Дела о санкционировании иной меры административно-процессуального реагирования по делу об административном правонарушении, находящемуся в производстве несудебного органа	а) дела об изменении мер обеспечения (ст. 27.19, 27.19.1 КоАП РФ); б) дела об изменении порядка исполнения постановления несудебного органа вне рамок его обжалования (ст. 32.9 КоАП РФ); в) дела о применении мер обеспечения, которые могут быть предусмотрены в КоАП РФ как требующие предварительной судебной санкции	а) дела об обжаловании (опротестовании) применения мер обеспечения (глава 27 КоАП РФ); б) дела об обжаловании (опротестовании) несудебных представлений об устранении причин и условий совершения административного правонарушения; в) дела об обжаловании (опротестовании) несудебных определений по вопросам, связанным с исполнением несудебных постановлений
Дела о санкционировании меры административно-процессуального реагирования в отсутствие дела об административном правонарушении	дела о применении безотлагательной меры административно-процессуального реагирования до возбуждения дела об административном правонарушении в случаях, которые могут быть специально оговорены в КоАП РФ	а) дела об обжаловании определений об отказе в возбуждении дела об административном правонарушении (ч. 4 ст. 30.1 КоАП РФ); б) дела об обжаловании несудебных постановлений о прекращении производства по делам об административных правонарушениях

⁴² Процессуальная форма правосудия означает вид судопроизводства. В свою очередь, вид судопроизводства формируется на основе специально разрабатываемой процессуальной модели, которая получила в отраслевых процессуальных науках наименование как его процессуальная форма (гражданско-процессуальная, уголовно-процессуальная и др.).

Данной таблицей охватывается возможность дальнейшего становления АДС. С учетом сегодняшнего активного развития публично-правовых институтов не исключена возможность введения в АДС новых порядков предварительного судебного контроля. Вряд ли с учетом статуса судебной власти у суда появятся полномочия по возбуждению дела об административном правонарушении, даже за неуважение к суду. Вместе с тем санкционирование экстренной меры административно-процессуального реагирования в отсутствие возбужденного дела об административном правонарушении, как это имеет место в Казахстане, вполне может получить место в обновленной структуре российского АДС.

Внешняя дифференциация АДС должна предусматривать не только разветвление его как единого сложного правоотношения на виды и подвиды производств, но и построение всех их в качестве единой системы стадий с признанием за ней инстанционного характера и присвоением судебным инстанциям характерных для форм правосудия наименований.

Предложенный вариант дифференциации административно-деликтной процессуальной формы может создать впечатление о необходимости доработки профильного закона до кодекса, если его процессуальные институты поддаются настолько глубокому структурированию. Вместе с тем кодификация процессуальных норм в отсутствие достаточной судебной практики повлечет не столько оптимизацию, сколько загромождение правосудия формальностями. Кодификация, если она вообще потребуется, должна стать результатом доработки применяемого закона в русле складывающейся судебной практики и законотворческой отработки возникающих проблем.

Содержание новой процессуальной формы также требует осмысления. Оно должно предполагать увязанную в еди-

ную иерархию совокупность принципов: сочетание законности и справедливости; объективная истина; сочетание процессуальной активности сторон с состязательностью; распределение судом бремени доказывания на основе презумпции невиновности; процессуальное равноправие сторон. Для обеспечения «симметричности» процесса, реализации состязательности и обеспечения оптимальных условий для реализации принципа объективной истины в АДС должен быть внедрен институт сторон. К ним следует отнести орган административного преследования в лице его представителя и лицо, привлекаемое к административному преследованию.

В качестве основания для вмешательства суда в административное усмотрение или усмотрение суда нижестоящей инстанции следует ввести процессуальный институт правоприменительной ошибки – допущенного административным органом или судом недостатка дискреционного характера. Он не охватывается термином «незаконность», в то же время сегодня именно по мотивам незаконности отменяются те судебные акты, мнение о неправомерности которых стало результатом лишь дискреционных разногласий между судебными инстанциями. При этом определение правоприменительной ошибки, а также критерии ее выделения не должны закрепляться нормативно, но могут освещаться в руководящих разъяснениях Верховного Суда РФ, имеющего потенциал для дачи наиболее тонких ориентиров для судебной деятельности.

Необходима унификация и формы разрешающего дело по существу акта суда первой инстанции до выносящегося именем Российской Федерации постановления суда по судебному административно-деликтному делу. При этом по судебным делам об административных правонарушениях должен быть введен институт *оправдательного* постановления, а акт о прекращении производства по делу

должен выноситься в форме определения и означать окончание процесса без принятия решения по существу.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Производство по делам об административных правонарушениях в судах общей юрисдикции само по себе не имеет достаточного потенциала для становления в качестве самостоятельного административно-процессуального явления. И обсуждение вопроса об определении ему собственного места в системе административного процесса вряд ли конструктивно. По этим причинам объяснимо и отсутствие в Конституции РФ на протяжении более 30 лет указания на данное явление как на процессуальную форму правосудия, несмотря на расширение судебной подведомственности и придание Производству заметных особенностей.

В то же время довлеющая над ним гипотеза о том, что оно является частью другого, более масштабного процессуального феномена, не является предубеждением. К сожалению, осмысление последнего затруднено, поскольку, во-первых, в претензиях на эту роль конкурируют иные зрелые административно-процессуальные явления: административное судопроизводство и ориентированный на несудебный порядок общий регламент ПДОАП. Вторых, часть искомого феномена в определенный исторический период оказалась включена в вид судопроизводства, предназначенный для иных целей, и надолго осталась в его рамках. По приведенным

причинам является вполне закономерным и замедление третьей кодификации административно-деликтного и соответствующего процессуального законодательства, которая невозможна без однозначного разрешения вопроса о подходе к регулированию Производства.

Настоящей статьей автор предложил переосмыслить Производство, возвратив ему его прежний высокий уровень части самостоятельного правового феномена, предназначенного для судебного санкционирования различных мер административного принуждения, связанных с административными деликтами. Это предполагает масштабирование Производства до административно-деликтного судопроизводства, которое должно поглотить собой и не свойственные арбитражному процессу институты процессуального реагирования арбитражными судами на административные деликты. Наконец, АДС должно быть подвергнуто институционализации как равнозначный закрепленным в Конституции РФ формам правосудия вид судопроизводства, в рамках которого реализуется административно-деликтное право, включающий АДС в судах общей юрисдикции и АДС в арбитражных судах. Производство, встроенное в АДС как процессуальную форму отечественного правосудия, обретет свое место и в системе административного процесса, и в системе видов судопроизводства, что затушит пламя дискуссии о соотношении его с административным судопроизводством и административной юрисдикцией.

Список литературы

1. Салищева Н. Г. Административный процесс в СССР. М.: Юрид. лит., 1964. 158 с.
2. Салищева Н. Г. Проблемы правового регулирования института административной ответственности в Российской Федерации // Административное право и процесс. 2014. № 9. С. 9–22.
3. Каплунов А. И. О процессуальной природе и содержании «административного» судопроизводства // Правовая политика и правовая жизнь. 2021. № 3-1. С. 57–65. DOI: <https://doi.org/10.24412/1608-8794-2021-3-57-65>
4. Казиханова С. С. Входят ли отношения, складывающиеся при рассмотрении дел арбитражными судами, в предмет гражданского процессуального права (в продолжение одной научной дискуссии) // Вестник гражданского процесса. 2022. Т. 12, № 4. С. 313–340. DOI: <https://doi.org/10.24031/2226-0781-2022-12-4-313-340>
5. Пацация М. Ш. К вопросу о законодательных мерах по укреплению процессуальных гарантий независимости нижестоящего суда в контексте права вышестоящего суда на дачу обязательных указаний о толковании

закона // Вестник гражданского процесса. 2019. Т. 9, № 3. С. 45–60. DOI: <https://doi.org/10.24031/2226-0781-2019-9-3-45-60>

6. Блажеев В. В. Некоторые актуальные вопросы дальнейшего совершенствования арбитражно-процессуальной формы // Проблемы доступности и эффективности правосудия в арбитражном и гражданском судопроизводстве : материалы всерос. науч.-практ. конф., Москва, 31 янв. – 1 февр. 2001 г. / редкол.: Т. А. Абова, Г. А. Жилин, Р. Ф. Каллистратова, М. Ш. Пацация, И. А. Приходько (отв. ред.), Э. Н. Ренов, Д. Е. Тягай. М. : Лиджист, 2001. С. 172–179.

7. Фурсов Д. А. Предмет, система и основные принципы арбитражного процессуального права (проблемы теории и практики). М. : ИНФРА-М, 1999. 449 с.

8. Воскобитова Л. А. Судопроизводство по делам об административных правонарушениях и его место в системе реализации судебной власти // Мировой судья. 2017. № 2. С. 28–34.

9. Грось Л. А. КоАП РФ: игнорирование норм гражданского процессуального права // Арбитражный и гражданский процесс. 2002. № 12. С. 14–17.

10. Закопырин В. Н., Павлова Л. В. Концептуальные положения двухуровневой административной ответственности в проекте нового КоАП РФ: быть или не быть? // Административное право и процесс. 2020. № 10. С. 38–40. DOI: <https://doi.org/10.18572/2071-1166-2020-10-38-40>

11. Косоногова О. В. Рассмотрение дел об административных правонарушениях судьями арбитражных судов : моногр. Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2007. 245 с.

12. Гонзус И. П. Проблемы применения нового АПК РФ и КоАП РФ // Арбитражный и гражданский процесс. 2003. № 7. С. 2–5.

13. Назрицкая Т. С. Правовая и практическая обусловленность участия прокурора в рассмотрении дел об административных правонарушениях в арбитражных судах // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16, № 2 (123). С. 183–191. DOI: <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2021.123.2.183-191>

14. Клейнман А. Ф. Вопросы гражданского процесса в связи с судебной практикой // Социалистическая законность. 1946. № 9. С. 11–14.

15. Клейнман А. Ф. К разработке проекта Гражданского процессуального кодекса СССР // Социалистическая законность. 1946. № 11–12. С. 35–37.

16. Бородин С. В. К вопросу о мерах административного воздействия, налагаемых народными судьями // Советская юстиция. 1958. № 11. С. 26–30.

17. Административные правонарушения, рассматриваемые в судебном порядке / И. Ф. Бартыков, П. С. Дагель, П. Ф. Елисейкин, В. А. Куклин, А. И. Нестеров. М. : Юрид. лит., 1964. 162 с.

18. Демократические основы советского социалистического правосудия / под ред. М. С. Строговича. М. : Наука, 1965. 392 с.

19. Панова И. В. Административный процесс в Российской Федерации: понятие, принципы и виды // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2000. № 2 (229). С. 114–127.

20. Шергин А. П. Административная юрисдикция. М. : Юрид. лит., 1979. 143 с.

21. Исаенкова О. В. К разработке Исполнительного кодекса Российской Федерации // Законодательство. 2002. № 1. С. 73–74.

References

1. Salisheva N. G. Administrative procedure in USSR. Moscow: Yuridicheskaya literatura Publ.; 1964. 158 p. (In Russ.)

2. Salisheva N. G. Problems of the Legal Regulation of the Institute of Administrative Responsibility in the Russian Federation. *Administrative Law and Procedure*. 2014;9:9-22. (In Russ.)

3. Kaplunov A. I. On the Procedural Nature and Content of “Administrative” Legal Proceedings. *Legal Policy and Legal Life*. 2021;3-1:57-65. DOI: <https://doi.org/10.24412/1608-8794-2021-3-57-65> (In Russ.)

4. Kazikhanova S. S. Are the Relations During the Consideration of Cases by Arbitration Courts Included in the Subject of Civil Procedural Law (in Continuation of One Scientific Discussion). *Herald of Civil Procedure*. 2022;12(4):313-340. DOI: <https://doi.org/10.24031/2226-0781-2022-12-4-313-340> (In Russ.)

5. Patsatsiya M. Sh. On the Right of a Court of Superior Jurisdiction on Giving Obligatory Instructions About Interpretation of the Law, and Legislative Measures Oriented To Growth of Procedural Guarantees of Independence for a Court Below. *Herald of Civil Procedure*. 2019;9(3):45-60. DOI: <https://doi.org/10.24031/2226-0781-2019-9-3-45-60> (In Russ.)

6. Blazheev V. V. Certain Topical Issues of Further Improving the Arbitration Procedural Form. In: Abova T. A., Zhilin G. A., Kallistratova R. F., Patsatsiya M. Sh., Prikhod'ko I. A., Renov E. N., Tyagai D. E. (Eds.) *Problems of Accessibility and Effectiveness of Justice in Commercial and Civil Proceedings*. Moscow: Lidzhist Publ.; 2001. P. 172–179. (In Russ.)

7. Fursov D. A. *Subject Matter, System, and Fundamental Principles of Arbitration Procedural Law (Issues of Theory and Practice)*. Moscow: INFRA-M Publ.; 1999. 449 p. (In Russ.)

8. Voskobitova L. A. Legal Proceedings in Administrative Cases and Their Place in the Judiciary System. *Magistrate Judge*. 2017;2:28-34. (In Russ.)
9. Gros L. A. The CAO RF: Ignoring the Rules of Civil Procedure Law. *Arbitrazh and Civil Procedure*. 2002;12:14-17. (In Russ.)
10. Zakopyrin V. N., Pavlova L. V. Conceptual Provisions of Two-Tier Administrative Liability in the Draft of a New Administrative Offense Code of the Russian Federation: To Be or Not To Be? *Administrative Law and Procedure*. 2020;10:38-40. DOI: <https://doi.org/10.18572/2071-1166-2020-10-38-40> (In Russ.)
11. Kosonogova O. V. *Consideration of Administrative Offence Cases by Judges of Commercial Courts*. Voronezh: Voronezh State University Publ.; 2007. 245 p. (In Russ.)
12. Gonzus I. P. Issues in Applying the New APC RF and the CAO RF. *Arbitrazh and Civil Procedure*. 2003;7:2-5. (In Russ.)
13. Nazritskaya T. S. Legal and Practical Conditionality of the Prosecutor's Participation in the Consideration of Administrative Offenses Cases in Commercial Courts. Actual Problems of Russian Law. 2021;16(2):183-191. DOI: <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2021.123.2.183-191> (In Russ.)
14. Kleinman A. F. Issues of Civil Procedure in Light of Judicial Practice. *Socialist Legality*. 1946;9:11-14. (In Russ.)
15. Kleinman A. F. Toward the Drafting of the USSR Code of Civil Procedure. *Socialist Legality*. 1946;11:12:35-37. (In Russ.)
16. Borodin S. V. On Measures of Administrative Influence Imposed by People's Judges. *Soviet Justice*. 1958;11:26-30. (In Russ.)
17. Bartykov I. F., Dageľ P. S., Eliseikin P. F., Kuklin V. A., Nesterov A. I. *Administrative Offences Considered in Court Proceedings*. Moscow: Yuridicheskaya literatura Publ.; 1964. 162 p. (In Russ.)
18. Strogovich M. S. (Ed.). *Democratic Foundations of Soviet Socialist Justice*. Moscow: Nauka Publ.; 1965. 392 p. (In Russ.)
19. Panova I. V. Administrative Process in the Russian Federation: Concept, Principles and Kinds. *Izvestiã vysshih učebnyh zavedenij. Pravovedenie*. 2000;2:114-127. (In Russ.)
20. Shergin A. P. *Administrative Jurisdiction*. Moscow: Yuridicheskaya literatura Publ.; 1979. 143 p. (In Russ.)
21. Isaenkova O. V. Toward the Drafting of the Enforcement Code of the Russian Federation. *Zakonodatelstvo*. 2002;1:73-74. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Станислав Владимирович Щепалов, судья Верховного Суда Республики Карелия (ул. Кирова, 27, Петрозаводск, 185035, Российская Федерация), доцент кафедры конституционного и административного права Сибирского юридического университета (ул. Короленко, 12, Омск, 644010, Российская Федерация), кандидат юридических наук, доцент; ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-8835-247X>; e-mail: schepalov@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Stanislav V. Schepalov, Judge of the Supreme Court of the Republic of Karelia (27 Kirova str., Petrozavodsk, 185035, Russian Federation), Associate Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law at the Siberian Law University (12 Korolenko str., Omsk, 644010, Russian Federation), Candidate of Legal Sciences, Associate Professor; ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-8835-247X>; e-mail: schepalov@mail.ru

Поступила | Received
27.10.2025

Поступила после рецензирования
и доработки | Revised
15.12.2025

Принята к публикации | Accepted
29.12.2025

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ Private Law (Civil Law) Sciences

УДК 347.736

DOI: 10.19073/2658-7602-2026-23-1-114-128

EDN: ZCKTOD

Оригинальная научная статья

Модели оспаривания сделок при несостоятельности (банкротстве)

Р. А. Амиржанов

Сибирский юридический университет, Омск, Российская Федерация

✉ r.a.amirzhanov@gmail.com

Аннотация. На сегодняшний день в российском праве представлены различные точки зрения относительно эффекта оспаривания сделок должника при несостоятельности. Согласно одной из них такой эффект не отличается от оспаривания по основаниям, предусмотренным Гражданским кодексом Российской Федерации, и является абсолютным или «вещным». С другой точки зрения последствием оспаривания сделки является обязанность контрагента должника компенсировать убыток, который причинила сделка конкурсной массе. Данная позиция получила название обязательственной теории, также в российской доктрине ее называют относительным оспариванием, относительной недействительностью. В статье анализируются проблемные вопросы теории и практики оспаривания сделок должника при банкротстве сквозь призму конструкции относительной недействительности сделок с опорой на сравнительно-правовой опыт. Анализируя теоретические положения в материнском – в данном случае германском – правопорядке, автор обращает внимание на то, что так называемая обязательственная теория не имеет под собой строгих догматических оснований и является ответом доктрины на вызовы практики. Вместе с тем данная теория не лишена изъянов, в связи с чем в последнее время в германском правопорядке все большую востребованность получает теория ответственности, которая позволяет избежать тех трудностей, с которыми не столь успешно справляется обязательственная теория. При анализе практических проблем в российском праве автор приходит к выводу о том, что положения п. 2 ст. 174.1 и п. 5 ст. 334 Гражданского кодекса Российской Федерации являются эффективным средством для достижения сбалансированных решений на практике, вопреки подходу Верховного Суда Российской Федерации. Кроме того, конструкция, предусмотренная данными нормами права, при правильном понимании является отражением германской теории ответственности в российском праве. Учитывая тот факт, что нижестоящие суды фактически ввели в практику конструкцию относительной недействительности сделок, автор предлагает учитывать теоретические разработки в германском праве для целей решения практических проблем в российском праве.

Ключевые слова: недействительность сделок; относительная недействительность сделок; теории оспаривания сделок при банкротстве; абсолютная теория; относительное оспаривание; теория ответственности

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Амиржанов Р. А. Модели оспаривания сделок при несостоятельности (банкротстве) // Сибирское юридическое обозрение. 2026. Т. 23, № 1. С. 114–128. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2026-23-1-114-128>. EDN: <https://elibrary.ru/zcktod>

© Амиржанов Р. А., 2026

Original scientific article

Models for Challenging Transactions in Insolvency (Bankruptcy)

R. A. Amirzhanov

Siberian Law University, Omsk, Russian Federation

✉ r.a.amirzhanov@gmail.com

Abstract. In Russian law today, various viewpoints exist regarding the legal effect of challenging a debtor's transactions in insolvency. According to one approach, the effect does not differ from challenging a transaction on the grounds provided by the Civil Code of the Russian Federation and is absolute, or "in rem." According to another approach, the consequence of challenging a transaction is the debtor's counterparty's obligation to compensate the loss caused by the transaction to the bankruptcy estate. This position is known as the obligational theory; in Russian doctrine it is also referred to as relative contestation or relative invalidity. The article analyses problematic issues of the theory and practice of challenging a debtor's transactions in bankruptcy through the prism of the construct of relative invalidity, drawing on comparative legal experience. In examining the theoretical foundations in the "parent" legal order—here, German law—the author notes that the so-called obligational theory lacks strict dogmatic foundations and represents a doctrinal response to practical challenges. At the same time, the theory is not without shortcomings; therefore, in recent years the liability theory has gained increasing relevance in German law, enabling avoidance of difficulties that the obligational theory addresses less successfully. When analysing practical issues in Russian law, the author concludes that paragraph 2 of Article 174.1 and paragraph 5 of Article 334 of the Civil Code of the Russian Federation constitute effective tools for achieving balanced outcomes in practice, contrary to the approach taken by the Supreme Court of the Russian Federation. Moreover, the construct embodied in these provisions, when properly understood, reflects the German liability theory within Russian law. Given that lower courts have, in effect, already introduced the construct of relative invalidity of transactions into practice, the author proposes taking German doctrinal developments into account for the purpose of resolving practical problems in Russian law.

Keywords: invalidity of transactions; relative invalidity of transactions; theories of challenging transactions in bankruptcy; absolute theory; relative contestation; liability theory

Conflict of interest. The Author declares no conflict of interest.

For citation: Amirzhanov R. A. Models for Challenging Transactions in Insolvency (Bankruptcy). *Siberian Law Review*. 2026;23(1):114-128. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2026-23-1-114-128>. EDN: <https://elibrary.ru/zcktod> (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

В российском праве известна проблема оспаривания сделок должника в связи с несостоятельностью. В настоящей статье анализируются некоторые теоретические и практические аспекты данной проблемы в целях выработки приемлемых конструкций для применения на практике. На сегодняшний день в российском праве представлены несколько точек зрения. Первая из них – так называемая вещная теория, – преобладающая в настоящее время, заключается в том,

что оспаривание при банкротстве ничем не отличается от недействительности сделок в соответствии с Общей частью Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ). Вторая – обязательственная теория – исходит из того, что последствием недействительности сделки должника является обязанность контрагента компенсировать убыток, причиненный сделкой. В российской доктрине этот подход называют относительным оспариванием или относительной недействительностью.

ОПИСАНИЕ ПРОБЛЕМАТИКИ

Как известно, в российском законодательстве отсутствует специальное регулирование внеконкурсного оспаривания сделок. Вместо этого данный институт прокладывает себе дорогу через практику.

Так, в п. 10 Информационного письма Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 25 ноября 2008 г. № 127¹ говорится о признании ничтожным договора доверительного управления на основании ст.ст. 10, 168 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), который был заключен с целью сокрытия имущества от обращения взыскания кредитором, как совершенный со злоупотреблением правом. Далее в п. 10 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 30 апреля 2009 г. № 32² констатируется возможность признания недействительной сделки должника на основании ст.ст. 10, 168 ГК РФ, если она направлена на нарушение интересов кредиторов. Также в п. 4 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23 декабря 2010 г. № 63³ указано, что наличие специальных оснований оспаривания, предусмотренных ст.ст. 61.2, 61.3 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»⁴ (далее – Федеральный закон о банкротстве), само по себе не препятствует суду квалифицировать сделку, при совершении которой было допущено злоупотребление правом, как ничтожную (ст.ст. 10, 168 ГК РФ). Такой подход влечет ничтожность сделки, то есть полное уничтожение правового эффекта. В пункте 1 ст. 61.6 Федерального

закона о банкротстве предусматривается, что все переданное должником или иным лицом за счет должника или в счет исполнения обязательств перед должником, а также изъято у должника по сделке, признанной недействительной в соответствии с гл. III.1 «Оспаривание сделок должника» Федерального закона о банкротстве, подлежит возврату в конкурсную массу.

Между тем данный подход отличается от принятого в западноевропейских странах, в частности в Германии и Австрии, где эффект правового акта нивелируется только в той степени, в которой это необходимо для защиты прав кредиторов [1]. Это явление Х. Коциоль именует «гарантирующей недействительностью» соответственно цели оспаривания сделок должника [2; 3].

Подход российской судебной практики может приводить к неудовлетворительным результатам, поскольку основывается на применении общего регулирования последствий недействительности сделок. Например, если предоставление контрагента должника превышает стоимость предоставленного должником, то несправедливо ставить контрагента в реестр требований кредиторов наравне с другими кредиторами.

Как отмечается в научной литературе, в частности К. А. Усачевой [1], применение универсальной ст. 10 ГК РФ вкупе со ст. 168 ГК РФ было обусловлено отсутствием специального регулирования и необходимостью препятствовать недобросовестным действиям должников. При этом среди ученых нет консенсуса относительно такой модели оспаривания, когда полностью нивелируется эффект сделки.

¹ Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² См.: *О некоторых вопросах, связанных с оспариванием сделок по основаниям, предусмотренным Федеральным законом «О несостоятельности (банкротстве)»* : Постановление Пленума Высш. Арбитр. Суда Рос. Федерации от 30 апр. 2009 г. № 32. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³ См.: *О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»* : Постановление Пленума Высш. Арбитр. Суда Рос. Федерации от 23 дек. 2010 г. № 63. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Так, А. В. Егоров, будучи известным сторонником относительной (обязательственной) модели оспаривания юридических действий должника⁵, являющейся актуальной в современном немецком праве, вслед за германской доктриной понимает под данной моделью обязательственное требование об устранении преимущества (выгоды), которое получил контрагент должника, или об освобождении конкурсной массы от обязательств, принятых с целью причинить вред кредиторам. Среди преимуществ обязательственной модели А. В. Егоров называет:

- приемлемый срок исковой давности – 3 года;
- отсутствие реституции по неэквивалентным или подозрительным сделкам, вместо них – требование о компенсации излишне полученного;
- возможность оспаривания против правопреемника должника по сделке (проблема ликвидации первого контрагента);
- наличие только реестрового конкурсного требования к контрагенту при его банкротстве;
- отсутствие необходимости в отдельном процессе по оспариванию;
- при оспаривании оставления предмета залога за собой имеется лишь обязанность доплатить, но не возвращать вещь в собственность залогодателя.

По мнению А. В. Егорова, правильным является расширительное толкование п. 29.4 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23 декабря 2010 г. № 63, в котором говорится: «Поскольку оспаривание сделок с предпочтением имеет целью защитить интересы других кредиторов, при оспаривании на основании статьи 61.3 Федерального закона о банкротстве платежа, размер которого существенно превышает разницу между стоимостью конкурсной массы и общим размером требований кредиторов

(включенных в реестр требований кредиторов, в том числе опоздавших, а также имеющих и разумно необходимых будущих текущих), суд признает платеж недействительным только в части суммы, равной такой разнице» (курсив наш. – Р. А.).

Говоря о доводах против применения общегражданской модели оспаривания, А. В. Егоров отмечает, что данная модель не работает в таких случаях, как бездействие должника (например, незаявление о пропуске срока исковой давности), процессуальные акты (например, отказ от иска), изготовление произведения в подряде, передача владения, затраты на чужую вещь, иные действия (например, остановка предприятия должником).

Данные тезисы были неоднократно высказывались А. В. Егоровым и заслуживают поддержки, поскольку отстаиваемая им модель заимствована из германской правовой мысли и, соответственно, имеет под собой как доктринальные, так и практические наработки, следовательно, она способствует достижению более сбалансированных решений на практике.

Более того, на наш взгляд, именно такая модель оспаривания, вероятнее всего, будет реализована в законодательстве, когда состоится соответствующая реформа. Отметим, что дискуссия по поводу того, какая из моделей оспаривания – абсолютная или относительная – является более приемлемой для российского права, активно ведется учеными. В связи с этим считаем необходимым рассмотреть некоторые теоретические и практические аспекты моделей оспаривания с опорой на материнский правопорядок, поскольку они имеют значение для выработки оптимальных решений.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Представляется, что стоит рассмотреть догматические аспекты вещной

⁵ См.: Егоров А. В. Оспаривание сделок при банкротстве: правовая природа / Lextorium // YouTube. 2021. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=RE2KWCD-G8E> (дата обращения: 20.06.2025).

(абсолютной) и обязательственной моделей оспаривания сделок при несостоятельности более подробно.

Представляют интерес аргументы известного ученого П. Эртманна. Согласно его мнению, если следовать концепции вещного оспаривания, то и притязание является вещным (*rei vindicatio*), но сторонники вещной теории затрудняются более точно определить характер вещного притязания, поскольку лицо, имеющее право на оспаривание, не стало собственником. В таком случае наиболее схожим средством защиты является иск из залога (*actio hypothecaria in rem*). Однако и данное средство остается под вопросом, поскольку необходимо доказать наличие залога на объект, вернувшийся в собственность должника в отсутствие соответствующего акта. По мнению П. Эртманна, спорной является идея генерального залога на имущество, входящее в конкурсную массу, в пользу кредиторов [4]. Следовательно, вопрос активной легитимации по вещному иску остается нерешенным.

Имеет значение личность противника по оспариванию. Так, оспаривание по гражданским основаниям осуществляется против контрагента по сделке, а при кредиторском оспаривании противником по оспариванию является то лицо, от которого требуется возвратить имущество, при этом таким лицом не обязательно должен быть контрагент должника, что следовало из действовавших на тот момент немецких Закона о внеконкурсном оспаривании (*AnfG*) и Закона о несостоятельности (*Konkursordnung*, *KO*). Таким образом, что ни оспаривающее лицо, ни противник по оспариванию не обязательно должны быть сторонами сделки, которая тем не менее должна быть отменена с вещным эффектом.

Из этого следует, что эффект оспаривания *ex tunc*, конечно же, затрагивает и третье лицо – приобретателя. Напротив, кредиторское оспаривание действует только

в отношении противника по оспариванию. Специальное регулирование (*AnfG*, *KO* (ныне – *Insolvenzordnung*, *InsO*)) допускает расширение объема оспаривания по числу лиц. При этом при кредиторском оспаривании возможно оспаривать сделку против третьего лица – приобретателя, если оно знало об оспоримости приобретения его правопреемником.

Законодательство о несостоятельности допускает оспаривание безвозмездных сделок должника, тогда как безвозмездность сама по себе не является определяющим критерием для признания недействительной сделки по общегражданским основаниям. Однако оспаривание юридических действий не следует отождествлять с оспариванием сделок по общегражданским основаниям, поскольку последние более ориентированы на пороки воли, в то время как специальные составы для целей несостоятельности ориентированы на экономический результат [4, S. 8].

С этим связан решающий аргумент, касающийся терминологии. В. Хенкель подтверждает довод П. Эртманна о том, что использование термина «оспаривание» (*Anfechtung*) носило юридико-технический характер, поскольку законодатель не нашел аналогичного подходящего и понятного термина. Более того, в последующем немецкий законодатель уклонялся от окончательного решения вопроса о природе оспаривания на уровне законов, исключая все формулировки, указывающие на вещный характер оспаривания, что свидетельствует о соответствующем выборе, пусть и не столь явном [5, S. 473]. Иными словами, немецкий законодатель, имея под рукой три разработанные в доктрине теории оспаривания, не сделал четкий выбор в пользу одной из них. Хотя формулировки норм недвусмысленно указывают на то, что выбор этот был не в пользу вещной теории [6, S. 295]. Конкуренция была лишь между обязательственной теорией и теорией ответственности.

В целом проблема вращается вокруг догматического вопроса о том, что происходит в результате оспаривания сделки должника: возникает ли только обязательство вернуть имущество или же передача имущества в результате оспаривания недействительна, так как это имущество подлежит ответственности? В этом смысле можно провести грубое различие между обязательственной теорией и теорией ответственности⁶.

Отмечается, что наука и практика в Германии на протяжении десятилетий склонялись к обязательственной теории, несмотря на некоторую искусственность обязательственного притязания о возврате имущества в качестве последствия оспаривания сделки должника, а также на удовлетворение требования лишь в порядке очереди в случае несостоятельности контрагента должника⁷.

Между тем теория ответственности, обоснованная Г. Паулюсом, в настоящее время становится преобладающей в германском правопорядке. Ее ключевое значение для практики заключается, помимо прочего, в том, что при последующем отчуждении имущества контрагентом должника или несостоятельности контрагента должника такое имущество не становится частью его конкурсной массы при реализации притязания кредитором должника, оно продолжает отвечать по обязательствам должника [6, S. 295]⁸. Подтверждением этому служит то, что Верховный суд ФРГ в случае оспаривания сделки должника допускает выделение (сегрегацию) имущества из конкурсной массы контрагента должника, если последний также является несостоятельным [6, S. 298]. Тот факт, что обязательственная теория ранее стала доминирующей, объясняется

попыткой преодолеть отсутствие теории, которую можно было бы вывести из законов, связав ее с центральным цивилистическим понятием обязательства [5].

Цель оспаривания сделки должника состоит в предоставлении доступа кредиторам к его имуществу. Согласно преобладающему взгляду в германском праве, имущество, отчужденное должником, отвечает перед его кредиторами. В этом состоит суть обязательственной модели, о которой речь шла выше.

Как полагает В. Хенкель, объект, приобретенный противником по оспариванию, отвечает по долгам должника не потому, что противник по оспариванию будет обязан отвечать (*zur Haftung "Verpflichtet"*), а потому, что оспоримое приобретение *не отменяет ответственность приобретенного предмета по обязательствам должника*, поэтому оспоримое отчуждение должника не имеет юридической силы для целей ответственности.

Полагаем, в таком случае определять данное явление как оспаривание и проводить аналогии с общей частью не стоит. Немецкие ученые признают, что использовать термин *Anfechtung* для банкротного права было бы если не ошибкой, то, скорее, технической потребностью, поскольку в праве отсутствовал функциональный аналог [4; 5].

Обязательственная теория основана на предпосылке, что присвоение объекта посредством фигуры субъективного права не обязательно должно быть однообразным, но может быть дифференцировано в зависимости от различных функций. Помимо прочего, субъективное право, наряду с другими, также имеет функцию, позволяющую говорить об ответственности.

⁶ См.: *Schmidt S. Die Systematik der Voraussetzungen einer Gläubigeranfechtung. Ein Diskussionsvorschlag zur Vermeidung von Kasuistik : Inaugural-Dissertation zur Erlangung des Grades eines Doktors der Rechte. Bonn, 2018. S. 161.*

⁷ *Ibid.*

⁸ *Ibid.*

Должник отвечает всем своим имуществом, то есть всем тем, что закреплено за ним в силу субъективных прав. Функция ответственности может быть отделена от других функций субъективного права (распоряжения, пользования и употребления, исключения третьих лиц и т. д.). Таким образом, вещь, принадлежащая должнику, может не отвечать по его долгам, а вещь, более не принадлежащая ему, может отвечать за его долги [5, S. 477–478]. В результате оспоримо отчужденный объект принадлежит конкурсной массе для целей ответственности, а относительно других функций субъективного права – противнику по оспариванию.

Применительно к теории оспаривания сделок при несостоятельности существует тенденция, заключающаяся в идее такого изменения обязательства, которое поможет объяснить тот или иной подход. Например, предложенная П. Эртманном и ставшая впоследствии превалирующей конструкция – отчужденное имущество по-прежнему принадлежит должнику для цели оспаривания, то есть служит в качестве фонда удовлетворения кредиторов – основывается на идее ответственности вещи по долгу лица, что является неоднозначным [7].

Для более глубокого понимания этого вопроса можно обратиться к весьма важному труду А. фон Бринца. Согласно его рассуждениям, вещи существуют только в праве, оборотоспособны только в связи с субъектами, являются принадлежностью статуса *persona*, его частью [8, S. 17]. Как видно из представленных учений, сегодняшнее понимание ответственности вещи является не чем иным, как отражением господствовавшего ранее представления, в соответствии с которым объектом долга являлся сам человек, и удовлетворение происходило за счет его самого как фигурально, так и буквально.

А. фон Бринц указывал, что *лицо* является объектом не только права принуж-

дения, но и ответственности, поскольку его можно преследовать и требовать его имущество. Из этого следует, что в основном модельном казусе относительной недействительности, где имеет место отчуждение имущества между должником В и приобретателем С, требование кредитора А к С может быть основано только на продолжающемся обязательстве в стадии ответственности, поскольку А не утратил своего правового господства над вещью. В этом смысле не столь важно, основано ли это на отношении опосредованного владения или притязании к отчуждателю.

Для обоснования такой теории критически важно доказать, что вещь, отчужденная третьему лицу, отчасти сохранила свою принадлежность другому – для актуального собственника – лицу. В таком случае потребуется аннулирование (по крайней мере, относительно) акта отчуждения, чтобы восстановить принадлежность вещи к *persona*. Можно было бы предложить контраргумент, основанный на принципе относительности обязательств, сказав, что распоряжение между В и С не прекращает обязательство между А и В. Но возможность эффективного приобретения по доброй совести исключает этот аргумент. По утверждению А. фон Бринца, если в долге выражено, что кто-то должен исполнить, то в нем же обязательно выражено и то, что кто-то должен заплатить своим имуществом за неисполнение [8, S. 39].

Обратной стороной рассматриваемой идеи, как мы понимаем, является освобождающая функция ответственности, то есть такая стадия жизни обязательства, после которого оно прекращается. По мнению А. фон Бринца, исполнение, наложенное лицом на имущество, делает последнее само по себе и для себя предметом обязательства (*rei obligatio*), ответственность лица продолжается до тех пор, пока изъятое у него имущество не будет

полностью отторгнуто от него (*distrahirt*) и кредитор не будет удовлетворен. Личность должника – это объект, который изначально принадлежит ему в полном объеме, но впоследствии все еще используется для удовлетворения кредитора в той мере, в какой актив, необходимый для удовлетворения кредитора, принадлежит ему и может быть от него отделен.

Как видим, множество теорий из разных сфер основаны на не полностью проработанной концепции ответственности. Не вполне ясно, является ли обязанность третьего лица выдать вещь, отчужденную ему по оспоренной сделке, его ответственностью, ответственностью вещи ввиду сохранения ее связи с личностью другого лица или чем-то еще.

Другой сложностью проблематики является ограниченность пределов действия относительной недействительности добросовестностью третьего лица-приобретателя. Возникает вопрос о его позиции в смысле вещного права. Допускает ли относительная недействительность сделки ситуацию, при которой третье лицо станет полным собственником, но в отношении защищаемого относительной недействительностью сделки лица у него будет идти срок приобретательной давности? Подобная конструкция исключает положение расщепленной собственности, поскольку, как следует из п. 2 ст. 234 ГК РФ, позиция давностного владельца не дает защиты против собственника, то есть, с одной стороны, исключается двойственность абсолютного права, а с другой – дается возможность третьему лицу исключить в последующем притязание третьего – для него – лица на вещь. Это является самостоятельным вопросом, требующим отдельного рассмотрения.

Как было отмечено выше, в материнском правовом порядке доктрина и практика столкнулись с рядом теоретических

проблем, которые отразились на практике. В частности, использование термина «оспаривание» в купе с распространением общегражданского режима оспаривания сделок привели к практическим проблемам. В ответ доктрина разработала альтернативные модели, дающие более сбалансированное регулирование, которые были адаптированы на законодательном уровне.

Между тем выбор в пользу той или иной теории, будучи отражением юриспруденции интересов, не является окончательно бесспорным, что отмечается в современной немецкой литературе. В частности, некоторые теоретические проблемы были продемонстрированы выше.

ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Теория относительной недействительности сделок начинает проявляться на практике в российском праве.

Так, Седьмой арбитражный апелляционный суд на основании Рекомендаций Арбитражного суда Западно-Сибирского округа по вопросам рассмотрения споров, связанных с применением законодательства о несостоятельности (банкротстве), принятых по результатам обсуждения на заседаниях круглого стола, состоявшихся 10 июня 2021 г. и 20 августа 2021 г. в Тюмени⁹, отметил:

«...удовлетворение судом заявления финансового управляющего влечет за собой *относительную недействительность* совершенных должником сделок, которая влияет на права и обязанности действительных участников оспаривания (кредиторов должника и контрагентов), но не иных лиц (в частности, супругов должника).

Совершив сделку по отчуждению имущества, супруги выразили свою волю на прекращение в отношении данного имущества режима совместной собственности.

⁹ Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Последующее признание сделки недействительной в целях защиты имущественных интересов кредиторов не должно влечь правовых последствий для супруга (супруги) должника в виде восстановления права совместной собственности на имущество либо его стоимостное выражение... Таким образом, в случае признания недействительной сделки по отчуждению находящегося в совместной собственности имущества, в результате которой был причинен вред кредиторам, в конкурсную массу подлежит возврату имущество, переданное по сделке, а в случае невозможности возвратить полученное в натуре, подлежит взысканию стоимость имущества в деньгах. Супруг (супруга) должника не вправе рассчитывать на долю в этом имуществе, либо его стоимость. Это означает, что если супруга должника не оспорила отчуждение транспортного средства на основании пункта 2 статьи 35 СК РФ в разумный срок, предполагается, что отчуждение имущества имело место с ее согласия, а последующее признание данной сделки по иску кредитора должника или его финансового управляющего не влечет для супруги должника никаких правовых последствий, в том числе не порождает права претендовать на доходы от реституционного требования»¹⁰.

Данная позиция также была применена Восьмым арбитражным апелляционным судом в деле № А70-3150/2019¹¹, в котором в рамках процедуры реализации имущества гражданина суд первой инстанции удовлетворил ходатайство супруги должника о приостановлении производства об утверждении положения о порядке, сроках и условиях продажи имущества должника, поскольку параллельно в суде

общей юрисдикции рассматривалось дело о разделе имущества, находящегося в общей собственности.

Управляющий обратился с апелляционной жалобой об отмене определения суда первой инстанции. В обоснование жалобы указал, что предметом положения о порядке, сроках и условиях продажи имущества должника является задолженность ООО перед ИП, возникшая в связи с признанием судом недействительными сделок, совершенных должником в период осуществления им предпринимательской деятельности, тогда как супруга должника участия в его предпринимательской деятельности не принимала. Денежные средства, полученные должником в результате осуществления им предпринимательской деятельности, были выведены по мнимым сделкам (договором займа) на счета подконтрольного ему ООО с целью сокрытия от взыскания кредиторами. По мнению финансового управляющего, задолженность ООО перед ИП, возникшая в связи с признанием недействительными сделок, совершенных должником в преддверии его банкротства, не может являться имуществом, совместно нажитым в браке.

Как указал Восьмой арбитражный апелляционный суд, в п. 10 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2020)¹² содержится правовая позиция, согласно которой доходы от предпринимательской деятельности относятся к общему имуществу супругов. Статьей 34 Семейного кодекса Российской Федерации (далее – СК РФ) презюмируется, что доходы от предпринимательской деятельности относятся к общему имуществу супругов. Если предпринимательская деятельность осуществлялась в период брака, на доходы от нее распространяется

¹⁰ См.: *Постановление* Седьмого арбитраж. апелляц. суда от 19 сент. 2022 г. № 07АП-7766/2019(5) по делу № А27-17245/2018. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹¹ См.: *Постановление* Восьмого арбитраж. апелляц. суда от 3 дек. 2020 г. № 08АП-11339/2020 по делу № А70-3150/2019. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹² Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

режим общего имущества супругов, супруг (бывший супруг) не может быть лишен права на получение части такого дохода при его разделе на основании ст.ст. 38, 39 СК РФ. Следовательно, дебиторская задолженность, возникшая в период брака, по общему правилу, может являться совместной собственностью супругов. Вместе с тем суд апелляционной инстанции подчеркнул, что право требования к ООО возникло в связи с удовлетворением арбитражным судом заявления о признании недействительными совершенных должником в пользу ООО сделок на общую сумму 14 631 919 руб. 90 коп. на основании п. 2 ст. 61.2 Федерального закона о банкротстве.

В случаях, когда в соответствии с законом сделка оспаривается в интересах третьих лиц, она может быть признана недействительной, если нарушает права или охраняемые законом интересы этих лиц. Это означает, что возможность оспаривания определенных сделок, которые относятся к оспоримым, предоставлена лишь лицам, прямо указанным в законе. Механизм оспаривания сделок, совершенных с целью причинения вреда кредиторам, и результат такого оспаривания должны приводить к защите интересов кредиторов, а не иных лиц. Суд не должен допускать ситуацию, при которой регулирование, направленное на защиту прав кредиторов, при вмешательстве иных лиц, претендующих на результат такого регулирования, приводит к ущемлению интересов самих кредиторов.

Далее, опираясь на упомянутые выше Рекомендации Арбитражного суда Западно-Сибирского округа, Восьмой арбитражный апелляционный суд указал, что в рассматриваемом деле презюмируется, что супруга должника дала согласие на совершение им спорных сделок в пользу ООО, впоследствии признанных недействительными арбитражным судом,

а сделки с ООО по нормам семейного законодательства супругой не оспаривались. Тем самым супруга по умолчанию реализовала свое правомочие собственника перечисленных по спорным сделкам денежных средств по распоряжению этими средствами, которое в силу п. 1 ст. 35 СК РФ осуществляется супругами по обоюдному согласию.

В другом похожем деле¹³ Восьмой арбитражный апелляционный суд пришел к аналогичному выводу о том, что удовлетворение арбитражным судом соответствующего заявления финансового управляющего (конкурсного кредитора) влечет за собой относительную недействительность совершенных должником сделок, которая влияет лишь на права и обязанности действительных участников оспаривания (кредиторов должника и контрагента), но не иных лиц (в частности, не на права супруги должника).

В приведенных выше делах суды демонстрируют более прогрессивный и сбалансированный подход, используя конструкцию относительной недействительности сделок. Однако обращает на себя внимание то, что относительная недействительность сделок используется судами лишь в узком аспекте, а именно применительно к соотношению ст.ст. 34, 35 СК РФ и специальных составов оспаривания сделок по Федеральному закону о банкротстве.

Между тем теоретические выкладки, проанализированные выше, свидетельствуют о том, что конструкция относительной недействительности сделок используется значительно шире, в частности в Германии, и нет серьезных препятствий к тому, чтобы использовать наработанные на протяжении длительного времени теоретические конструкции из германского права, которые прошли проверку на практике, в российском праве.

¹³ См.: *Постановление* Восьмого арбитражного апелляционного суда от 19 апр. 2021 г. № 08АП-1074/2021, 08АП-1075/2021 по делу № А75-19896/2018. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Поскольку суды (нижестоящие, а не Верховный Суд Российской Федерации) положили начало формированию соответствующей практики применения конструкции относительной недействительности сделок в российском праве, то представляется целесообразным пересмотреть подход судов и применительно к иному проявлению относительной недействительности сделок в ГК РФ. Речь идет о нормах п. 2 ст. 174.1 и п. 5 ст. 334 ГК РФ¹⁴. При этом членами группы разработчиков отмечается, что п. 2 ст. 174.1 ГК РФ отсутствовал в первоначальном тексте проекта, внесенного в Госдуму, то есть является теневой поправкой¹⁵.

В результате реформы п. 2 ст. 174.1 ГК РФ стал выглядеть следующим образом: «Сделка, совершенная с нарушением запрета на распоряжение имуществом должника, наложенного в судебном или ином установленном законом порядке в пользу его кредитора или иного уполномоченного лица, не препятствует реализации прав указанного кредитора или иного уполномоченного лица, которые обеспечивались запретом, за исключением случаев, если приобретатель не знал и не должен был знать о запрете».

Соответственно, п. 5 ст. 334 ГК РФ ныне гласит: «Если иное не вытекает из существа отношений залога, кредитор или иное уполномоченное лицо, в чьих интересах был наложен запрет на распоряжение имуществом (статья 174.1), обладает правами и обязанностями залогодержателя в отношении этого имущества с момента вступления в силу решения суда, которым требования таких кредитора или иного уполномоченного лица были

удовлетворены. Очередность удовлетворения указанных требований определяется в соответствии с положениями статьи 342.1 настоящего Кодекса по дате, на которую соответствующий запрет считается возникшим».

В пункте 94 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 указано, что сделка, совершенная в нарушение запрета на распоряжение имуществом должника, наложенного судом или судебным приставом-исполнителем, в том числе в целях возможного обращения взыскания на такое имущество, является действительной. Ее совершение не препятствует кредитору или иному уполномоченному лицу в реализации прав, обеспечивающихся запретом, в частности, посредством подачи иска об обращении взыскания на такое имущество¹⁶.

Таким образом, законодатель наделил кредитора правами залогодержателя. На наш взгляд, данная совокупность норм является отражением одного из распространенных решений материнского права, где защищенному лицу предоставляется особое обеспечительное право (*Absicherungsrecht*), являющееся промежуточным между обязательственным и вещным правом [9, S. 164]. Так, в результате теневых поправок в ГК РФ оказались включены нормы, которые могут стать весьма прогрессивным инструментом частного права, отвечающим тенденциям западноевропейской доктрины и практики.

Однако, по существу, первые проявления конструкции относительной недействительности сделок в российском праве оказались привязаны к арестному залого

¹⁴ См.: *О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации* : Федер. закон от 7 мая 2013 г. № 100-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. № 19, ст. 2327.

¹⁵ См.: Громов А. А., Егоров А. В. Практический комментарий к первому и второму блокам изменений в ГК РФ: самые значимые поправки. М. : Актион-Медиа, 2014. С. 101.

¹⁶ См.: *О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации* : Постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации от 23 июня 2015 г. № 25. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[10–19], пройдя мимо более важных теоретических и сравнительно-правовых аспектов относительной недействительности сделок.

Более того, Верховный Суд РФ, видимо не оценив задумку разработчиков (или, по крайней мере, лица, внесшего теневые поправки), редуцировал эту конструкцию через привязку к буквальному толкованию нормы п. 5 ст. 334 ГК РФ, в которой говорится: «Если иное не вытекает из существа отношений залога...». Так, Верховный Суд РФ указал: «Неотъемлемой частью приведенной нормы является отсылка при определении лиц, обладающих правами залогодержателя, к статье 174.1 Гражданского кодекса, пункт 2 которой регулирует последствия совершения сделки в отношении имущества, распоряжение которым запрещено в судебном или ином установленном законом порядке в интересах кредитора. В соответствии с ранее действовавшим законодательством в ситуации, когда должник в нарушение ареста, наложенного на его имущество в пользу кредитора, отчуждал арестованное имущество третьему лицу, защита прав такого кредитора обеспечивалась посредством признания недействительной сделки по распоряжению имуществом и применением последствий ее недействительности. Согласно же действующим положениям пункта 2 статьи 174.1 Гражданского кодекса соответствующая сделка действительна, что позволяет арестованному имуществу находиться в обороте. Поэтому наделение кредитора правами залогодержателя по правилам пункта 5 статьи 334 Гражданского кодекса обусловлено необходимостью защиты его прав, прежде всего, путем предоставления кредитору возможности обратиться с иском о взыскании на арестованную вещь после того, как ее собственником стало другое лицо, которое знало или должно было знать о запрете

(закрепление в отношении арестованного имущества принципа следования обременения за вещью).

При этом в пункте 5 статьи 334 Гражданского кодекса законодатель лишь приравнивал права взыскателя к правам залогодержателя... Более того, как следует из буквального смысла указанной нормы, правила о возникновении прав залогодержателя действуют, если иное не вытекает из существа отношений залога.

Судебная коллегия считает, что иное (отсутствие прав залогодержателя) вытекает из существа отношений залога в ситуации несостоятельности (банкротства) должника...

Следовательно, названные меры, по сути, выступают не способом обеспечения исполнения обязательства как такового, а являются особым механизмом, направленным на фактическую реализацию подтверждающего обязательство акта государственного органа о взыскании задолженности, и они действуют в рамках общих правил исполнения»¹⁷.

Таким образом, при несостоятельности приобретателя Верховный Суд РФ отказался уравнивать в правах лицо, в пользу которого установлен запрет, с лицом, обладающим правом залога в силу договора, указывая, что предоставление прав залогодержателя защищаемому запретом лицу является механизмом защиты его прав, то есть юридико-техническим средством, а не самой сутью правоотношений.

В результате защищаемое лицо оказывается в невыгодном положении. Предположим, что лицо – собственник – признает сделку недействительной с контрагентом, который в свою очередь, вопреки запрету, отчуждает вещь третьему лицу, оказавшемуся впоследствии несостоятельным. Справедливо ли будет в таком случае решение суда предоставить лишь редуцированный залог? Ведь защищаемое лицо

¹⁷ *Определение Судеб. коллегии по эконом. спорам Верхов. Суда Рос. Федерации от 27 февр. 2017 г. № 301-ЭС16-16279 по делу № А11-9381/2015. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».*

не вступало в отношения с приобретателем, не знало о его имущественном положении, следовательно, не должно нести соответствующие риски. При этом в отсутствие положения несостоятельности разница между договорным и недоговорным залогами не проявляется столь сильно.

В частности, Р. С. Бевзенко, критикуя упомянутое ранее Определение Верховного Суда РФ, склоняется к той позиции, что «в законе не вводится никаких оговорок на этот счет, и речь идет о возникновении полноценного залога, который в силу общих норм о залоге обладает характеристикой приоритета. Соответственно, если это залог, то банкротство должника или приобретателя предмета ареста не прекращает залог, и кредитор сохраняет приоритет и статус залогового кредитора в деле о банкротстве» [15, с. 16].

В. В. Витрянский, наоборот, воспринимает эту конструкцию отрицательно: «...приведенная норма представляет собой наглядный образец необоснованного вмешательства материального (гражданского) права в чисто процессуальные отношения... В результате истец, ... который в свое время не позаботился о соответствующем обеспечении своего требования к ответчику, вдруг превращается в залогодержателя и может обратиться взыскание на арестованное имущество ответчика... Для этого истцу достаточно просто обратиться в суд с ходатайством о принятии мер по обеспечению иска!»¹⁸.

Несколько абстрагируясь от проблемы арестного залога, еще раз обратим внимание на позиции В. В. Витрянского и Верховного Суда РФ, с которыми отчасти можно согласиться. Однако если

в материальном праве появились нормы, способные сделать качественный рывок в практике, имеет смысл этим воспользоваться. На наш взгляд, проблема применения конструкции относительной недействительности сделок в российской практике может быть решена посредством реализации приведенных выше теоретических выкладок с помощью норм п. 2 ст. 174.1, п. 5 ст. 334 ГК РФ. Более того, Верховный Суд РФ сам делает вывод, что конструкция данных норм является особым механизмом. Если этот механизм правильно интерпретировать, учитывая теорию ответственности внеконкурсного и конкурсного оспаривания сделок должника, будут достигнуты не только преимущества указанной теории, но и разрешатся ее противоречия на практике.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исходя из проведенного анализа, можно сделать вывод, что существующие в судебной практике проблемы, связанные с применением п. 2 ст. 174.1 и п. 5 ст. 334 ГК РФ, могут быть нивелированы путем соответствующего применения доктринальных положений германского права, поскольку, во-первых, указанные нормы ГК РФ являются не чем иным, как интерпретацией указанных теоретических положений, а во-вторых, доктринальные и практические наработки германского права получили более глубокую теоретическую разработку и широкое практическое применение, что позволяет российскому правопорядку уже сегодня учитывать накопленный опыт для решения собственных актуальных проблем, возникающих в сходных группах случаев.

Список литературы

1. Усачева К. А. Внеконкурсное оспаривание поведения должника, причиняющего вред его кредиторам: российское право и европейская традиция // Вестник гражданского права. 2017. Т. 17, № 5. С. 8–54.
2. Коццоль Х. Основы и спорные вопросы оспаривания действий должника, совершенных во вред его кредиторам (начало) // Вестник гражданского права. 2017. Т. 17, № 3. С. 205–294.

¹⁸ Цит. по [10].

3. Коциоль Х. Основы и спорные вопросы оспаривания действий должника, совершенных во вред его кредиторам (окончание) // Вестник гражданского права. 2017. Т. 17, № 4. С. 199–261.
4. Oertmann P. Die Wirkung der Glaebigeranfechtung // Zeitschrift für den Zivilprozeß. 1904. Bd. 33.
5. Henckel W. Anfechtung im Insolvenzrecht. Berlin : de Gruyter Recht, 2008. 664 S.
6. Bork R., Gehrlein M. Aktuelle Probleme der Insolvenzanfechtung. 14. Auflage. Köln : RWS Verlag Kommunikationsforum GmbH, 2017. 350 S.
7. Кархалев Д. Н. Охранительное гражданское правоотношение : [моногр.]. М. : Статут, 2009. 329 с.
8. Brinz A. Der Begriff Obligatio // Zeitschrift für das Privat- und öffentliche Recht der Gegenwart. 1874. Bd. I. S. 11–40.
9. Beer H. Die Relative Unwirksamkeit. Berlin : Duncker & Humblot, 1975. 227 S.
10. Егоров А. В. Залог в силу ареста: теоретические и практические проблемы. В России и за рубежом // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2016. № 9. С. 84–103.
11. Ерохова М. А. Освобождение имущества от ареста в российском праве: вещный иск или административная процедура? // Aequum ius. От друзей и коллег к 50-летию профессора Д. В. Дождева / отв. ред. А. М. Ширвиндт. М. : Статут, 2014. С. 42–58.
12. Сайфуллин Р. И. Внедоговорный залог: оптимальная модель регулирования // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. № 10. С. 34–78.
13. Суворов Е. Д. Актуальные вопросы исполнения требования, обеспеченного залогом в силу ареста (п. 5 ст. 334 ГК РФ), при банкротстве собственника арестованного имущества // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 8. С. 69–79. DOI: <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2017.81.8.069-079>
14. Шварц М. З. К вопросу о так называемом арестантском залоге // Арбитражные споры. 2017. № 2 (78). С. 109–124.
15. Бевзенко Р. С. Эффект залога из ареста в банкротстве собственника арендованной вещи // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2017. № 4. С. 9–17.
16. Терещенко Т. А., Ганюшин О. Е. «Арестантский залог»: отдельные вопросы правоприменения // Закон. 2016. № 3. С. 71–87.
17. Тимошин А. И. Момент возникновения залога в силу запрета на распоряжение имуществом // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2019. № 6. С. 180–192.
18. Аксенов И. А. Арест имущества должника в исполнительном производстве: сущность, теоретико-правовые и организационные проблемы // Вестник исполнительного производства. 2016. № 3. С. 43–64.
19. Костко В. С. Правовые последствия запрета на распоряжение имуществом (п. 2 ст. 174.1 ГК РФ) // Вестник гражданского права. 2015. Т. 15, № 2. С. 51–75.

References

1. Usacheva K. A. Out-Of-Insolvency Contestation of the Debtor's Behaviour Causing Harm To Its Creditors: Russian Law and European Legal Tradition. *Civil Law Review*. 2017;17(5):8-54. (In Russ.)
2. Koziol H. Basic Principles and Disputable Points in Relation to the Challenging a Debtor's Activities Undertaken To Its Creditors' Detriment (First Part). *Civil Law Review*. 2017;17(3):205-294. (In Russ.)
3. Koziol H. Basic Principles and Disputable Points in Relation to the Challenging a Debtor's Activities Undertaken To Its Creditors' Detriment (Finale). *Civil Law Review*. 2017;17(4):199-261. (In Russ.)
4. Oertmann P. Die Wirkung der Glaebigeranfechtung. *Zeitschrift für den Zivilprozeß*. 1904;33. (In German.)
5. Henskel W. *Anfechtung im Insolvenzrecht*. Berlin: de Gruyter Recht; 2008. 664 p. (In German.)
6. Bork R., Gehrlein M. *Aktuelle Probleme der Insolvenzanfechtung*. Cologne: RWS Verlag Kommunikationsforum GmbH; 2017. 350 p. (In German.)
7. Karkhalev D. N. *Protective Civil-Law Relationship*. Moscow: Statut Publ.; 2009. 329 p. (In Russ.)
8. Brinz A. Der Begriff Obligatio. *Zeitschrift für das Privat- und öffentliche Recht der Gegenwart*. 1874;I:11-40. (In German.)
9. Beer H. *Die Relative Unwirksamkeit*. Berlin: Duncker & Humblot; 1975. 227 p. (In German.)
10. Egorov A. V. Charge by Court Order: Theoretical and Practical Problems. In Russia and Abroad. *Herald of Economic Justice*. 2016;9:84-103. (In Russ.)
11. Erokhova M. A. Release of Property from Seizure in Russian Law: An In Rem Claim or an Administrative Procedure? In: Shirvindt A. M. (Ed.). *Aequum ius. From Friends and Colleagues on the 50th Anniversary of Professor D. V. Dozhdev*. Moscow: Statut Publ.; 2014. P. 42–58. (In Russ.)
12. Sayfullin R. I. *Non-Consensual Lien: Optimal Regulation Model*. *Herald of Economic Justice*. 2020;10:34-78. (In Russ.)
13. Suvorov E. D. Current Issues of Enforcing the Claim Secured By Pledge Formed By Operation of Attachment (Para. 5 Article 334 of the RF Civil Code) When the Owner of the Seized Property Is Bankrupt. Actual Problems of Russian Law. 2017;8:69-79. DOI: <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2017.81.8.069-079> (In Russ.)
14. Schwarts M. Z. On the So-Called Arrest Pledge. *Arbitrazhnye spory*. 2017;2:109-124. (In Russ.)

15. Bevzenko R. S. The Effect of a Pledge Arising from Seizure in the Bankruptcy of the Owner of a Leased Asset. *Herald of Economic Justice*. 2017;4:9-17. (In Russ.)
16. Tereshchenko T. A., Ganyushin O. E. "Convict Pledge": Some Issues of Law Enforcement. *Statute*. 2016;3:71-87. (In Russ.)
17. Timoshin A. I. The Moment of Creation of a Pledge by a Property Freeze Order. *Herald of Economic Justice*. 2019;6:180-192. (In Russ.)
18. Aksenov I. A. Seizure of a Debtor's Property in Enforcement Proceedings: Essence, Theoretical-Legal and Organisational Issues. *Vestnik ispolnitel'nogo proizvodstva*. 2016;3:43-64. (In Russ.)
19. Kostko V. S. Legal Implications of Disposal of Assets Prohibition (Art. 174.1(2) of the Civil Code of the Russian Federation). *Civil Law Review*. 2015;15(2):51-75. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Рустам Арманович Амиржанов, аспирант кафедры гражданского права, младший научный сотрудник кафедры гражданского права Сибирского юридического университета (ул. Короленко, 12, Омск, 644010, Российская Федерация); ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-3105-2905>; e-mail: r.a.amirzhanov@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Rustam A. Amirzhanov, postgraduate student of the Department of Civil Law, Junior Researcher of the Department of Civil Law at the Siberian Law University (12 Korolenko str., Omsk, 644010, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-3105-2905>; e-mail: r.a.amirzhanov@gmail.com

Поступила | Received
21.08.2025

Поступила после рецензирования
и доработки | Revised
31.08.2025

Принята к публикации | Accepted
01.09.2025

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Criminal Law Sciences

УДК 343.3

DOI: 10.19073/2658-7602-2026-23-1-129-140

EDN: YDNACV

Оригинальная научная статья

Уголовно-правовая охрана внешней безопасности Российской Федерации

И. А. Антонов

Академия войск национальной гвардии, Санкт-Петербург, Российская Федерация

✉ docantonov@yandex.ru

Р. В. Черепанов

Академия войск национальной гвардии, Санкт-Петербург, Российская Федерация

✉ r.v.cherepanov@yandex.ru

Аннотация. Настоящее исследование посвящено фундаментальным проблемам обеспечения государственного суверенитета. В основу исследования положены вопросы правовой регламентации самой категории «государственный суверенитет» и принципов государственного суверенитета в отдельном федеральном конституционном законе, вопросы формирования надежной системы обеспечения государственного суверенитета, включающей в свою структуру в качестве базового элемента уголовно-правовую охрану внешней безопасности Российской Федерации. В статье рассматриваются современные угрозы безопасности страны от внешних посягательств, таких как шпионаж, государственная измена, сотрудничество граждан со спецслужбами иностранных государств, вербовка лиц без гражданства, иностранных граждан, пребывающих на территории нашего государства для проведения деятельности, направленной против безопасности России, информационные войны, политическое давление, в том числе с применением экономических санкций, воздействие через международные организации и т. п. Акцентируется внимание на проведении иностранными государствами комплексной программы цветных революций в странах бывшего СССР (Грузия, Украина, Киргизия, Молдова), а также на попытках их организации на территории России, Беларуси и Казахстана. Подчеркивается изменение современного вектора вторжения во внутренние дела отдельных стран: от открытого проведения цветных революций к более сложному и неявному функционированию иностранных агентов с намерением подорвать основы конституционного строя и национальной безопасности государства. Отдельно проанализированы изменения в уголовном законодательстве России в части совершенствования некоторых составов преступлений (ст.ст. 275, 276 Уголовного кодекса Российской Федерации) и криминализации отдельных общественно опасных деяний (ст.ст. 275.1, 276.1, 284.2, 284.3 Уголовного кодекса Российской Федерации), направленные на охрану государства от внешних угроз. Сформулированы предложения о повышении уровня уголовно-правовой охраны внешней безопасности Российского государства, в частности, путем расширения диспозиции ст. 205.6 Уголовного кодекса Российской Федерации и законодательного закрепления обязанности граждан сообщать о преступлениях, попадающих под действие ст.ст. 275, 275.1, 276, 276.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, что будет способствовать повышению эффективности выявления, предупреждения и пресечения преступлений рассматриваемой категории. Выводы о законодательном закреплении принципов государственного суверенитета и предложения по совершенствованию ст. 205.6 Уголовного кодекса Российской Федерации должны способствовать более надежному обеспечению государственного суверенитета Российской Федерации и ее охране от внешних угроз, в том числе мерами уголовно-правового характера.

© Антонов И. А., Черепанов Р. В., 2026

Ключевые слова: суверенитет; принципы государственного суверенитета; геополитические угрозы; внешняя безопасность государства; уголовно-правовая охрана; предупреждение преступлений против основ конституционного строя

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Антонов И. А., Черепанов Р. В. Уголовно-правовая охрана внешней безопасности Российской Федерации // Сибирское юридическое обозрение. 2026. Т. 23, № 1. С. 129–140. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2026-23-1-129-140>. EDN: <https://elibrary.ru/ydnacv>

Original scientific article

Criminal-Law Protection of the External Security of the Russian Federation

I. A. Antonov

Academy of the National Guard Troops, Saint Petersburg, Russian Federation
✉ docantonov@yandex.ru

R. V. Cherepanov

Academy of the National Guard Troops, Saint Petersburg, Russian Federation
✉ r.v.cherepanov@yandex.ru

Abstract. This study is devoted to fundamental issues of safeguarding state sovereignty. The research addresses questions of legal regulation of the very category of “state sovereignty” and the principles of state sovereignty in a separate federal constitutional law, as well as issues of forming a reliable system for ensuring state sovereignty, which includes, as a basic element, criminal-law protection of the external security of the Russian Federation. The article examines contemporary threats to the security of the State arising from external encroachments, such as espionage, state treason, cooperation by citizens with foreign intelligence services, recruitment of stateless persons and foreign nationals present in the territory of the Russian Federation for activities directed against Russia’s security, information warfare, political pressure (including the use of economic sanctions), influence through international organisations, and the like. Attention is drawn to the implementation by foreign states of comprehensive “colour revolution” programmes in post-Soviet countries (Georgia, Ukraine, Kyrgyzstan, Moldova), as well as attempts to organise such programmes in Russia, Belarus and Kazakhstan. The article emphasises a shift in the contemporary vector of interference in the internal affairs of states—from overt “colour revolutions” to more complex and covert activity by foreign agents aimed at undermining the foundations of the constitutional order and national security. Amendments to Russian criminal legislation are analysed with respect to improving certain offences (Articles 275 and 276 of the Criminal Code of the Russian Federation) and criminalising particular socially dangerous acts (Articles 275.1, 276.1, 284.2 and 284.3 of the Criminal Code of the Russian Federation) aimed at protecting the State from external threats. Proposals are formulated to enhance the level of criminal-law protection of the external security of the Russian State, in particular by expanding the disposition of Article 205.6 of the Criminal Code of the Russian Federation and legislatively establishing citizens’ duty to report crimes falling under Articles 275, 275.1, 276 and 276.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. This, the authors argue, would improve the effectiveness of detecting, preventing and suppressing crimes of this category. The conclusions on the legislative consolidation of state sovereignty principles and the proposals for improving Article 205.6 of the Criminal Code of the Russian Federation are intended to contribute to more reliable safeguarding of the state sovereignty of the Russian Federation and its protection from external threats, including through criminal-law measures.

Keywords: sovereignty; principles of state sovereignty; geopolitical threats; external security of the State; criminal-law protection; prevention of crimes against the foundations of the constitutional order

Conflict of interest. The Authors declare no conflict of interest.

For citation: Antonov I. A., Cherepanov R. V. Criminal-Law Protection of the External Security of the Russian Federation. *Siberian Law Review*. 2026;23(1):129-140. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2026-23-1-129-140>. EDN: <https://elibrary.ru/ydnacv> (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

На современном этапе развития мирового сообщества во всех странах все большее внимание уделяется вопросам государственного суверенитета. Концепция глобализма померкла перед потребностью суверенных государств исполнить свои обязанности перед обществом и каждым гражданином, прежде всего обязанности по защите и обеспечению безопасности [1]. В этой связи для юридической науки на первом месте вновь оказались проблемы обеспечения государственного суверенитета, которые актуализируются нестабильной международной обстановкой и обострившимися внешними угрозами. Свой вклад в изучение вопросов обеспечения государственного суверенитета Российской Федерации, защиты страны от внешних угроз с уголовно-правовых позиций и попытались внести авторы настоящей работы.

Термин «государственный суверенитет» исторически прочно связан с именем французского юриста Жана Бодена, создавшего в XVI в. теорию в классическом ее понимании¹ [2; 3; 4]. В основу данной теории легло переосмысление и дальнейшее совершенствование идей известного итальянского ученого Никколо Макиавелли о государстве, государственном интересе и личности самого государя². Развивая суждения флорентийского мыслителя, Ж. Боден сформировал свое учение на основе двух постулатов – превосходства власти абсолютного монарха и идеи государственного единства. Рассматриваемый им вопрос имел

первостепенное значение, поскольку вышеуказанная историческая эпоха характеризовалась территориальной раздробленностью и политической зависимостью Франции от воли папы римского. Именно Ж. Боден ввел в научный оборот понятие суверенитета как постоянной и абсолютной (непрерывной) власти государства, его обязательного атрибута [3].

При этом некоторые современные исследователи сходятся во мнении, что выдвинутая Н. Макиавелли, а затем получившая свое развитие в трудах Ж. Бодена концепция суверенитета предвосхищается другим европейским ученым – Марсилием Падуанским, политическим философом, теоретиком светского государства, жившим в XIII–XIV вв. [5; 6] Такая точка зрения обусловлена трактатом М. Падуанского *Defensor Pacis* («Защитник мира»), в котором он обосновал идею народного суверенитета, а также необходимость разделения церковной и светской власти, что в последующем способствовало формированию принципа разделения властей в современной интерпретации³.

Фактическое правоприменение концепции суверенитета в международных отношениях было зафиксировано в Вестфальском мирном договоре 1648 г. В частности, соглашение закрепляло идею приоритета национального интереса, принцип государственного суверенитета (каждое государство обладает всей полнотой власти на своей территории), принцип действия международного права и применение дипломатии в международных отношениях [7, с. 908].

---

¹ См.: Боден Ж. Шесть книг о государстве / пер. с фр. М. С. Бобковой. М.: Мысль, 2021. 623 с.

² См.: Макиавелли Н. Государь. О военном искусстве / [пер. с итал. Г. Д. Муравьевой]. М.: АСТ, 2020. 413 с.

³ См.: Марсилиус Падуанский. Защитник мира. *Defensor pacis* / пер. с фр. [Б. У. Есенова]; инициатор проекта, науч. ред., авт. вступ. ст. и примеч. к тексту Г. П. Лупарев. М.: Дашков и К°, 2014. 453 с.

Впоследствии значение термина «суверенитет» неоднократно подвергалось изменениям в результате общественно-политических и социально-экономических трансформаций общества. Сюда можно отнести труды Ж.-Ж. Руссо, Дж. Остина, Э. Л. Кузьмина и других ученых [8]. Однако стоит подчеркнуть, что, несмотря на все изменения в подходах, природа данного явления заключается в самой этимологии слова «суверенитет» (от фр. *souveraineté* – «верховная власть», «верховенство», «господство»⁴), что буквально означает независимость государства во внешних и верховенство во внутренних делах. Анализируя работы приведенных ученых и их последователей, можно обнаружить, что основные усилия были сосредоточены на исходных началах государственного суверенитета и его предназначении, в то время как его сущности или структурным аспектам внимания уделялось мало. Предлагается восполнить этот пробел с позиций уголовно-правовой охраны внешней безопасности Российской Федерации как базового элемента государственного суверенитета.

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВАЯ ОСНОВА ГОСУДАРСТВЕННОГО СУВЕРЕНИТЕТА РОССИИ

В рамках современной системы международных отношений государственный суверенитет занимает центральное положение, поскольку является привилегией государства на полное самоуправление в пределах своей территории. Важнейшим его аспектом является взаимное призна-

ние субъектами международного права, что создает необходимые предпосылки для поддержания мировой стабильности и правопорядка. Именно данной целью обусловлено закрепление положений о государственном суверенитете в основополагающих международно-правовых документах, включая ст. 2 Устава Организации Объединенных Наций⁵ (1945) и Декларацию о принципах международного права⁶ (1970), где суверенитет провозглашен в качестве одного из базовых принципов межгосударственного взаимодействия.

В национальном законодательстве с учетом международного опыта формально-юридически в ст.ст. 3, 4, 5, 15, 67 Конституции Российской Федерации фрагментарно закреплены основополагающие принципы государственного суверенитета: «Носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ», «Суверенитет Российской Федерации распространяется на всю ее территорию», «Российская Федерация обладает суверенными правами и осуществляет юрисдикцию на континентальном шельфе и в исключительной экономической зоне Российской Федерации...».

Помимо Конституции РФ следует выделить Декларацию о государственном суверенитете РСФСР⁷ (1990) – один из первых стратегических документов Российского государства после распада СССР, в котором провозглашен государственный суверенитет на всей территории нового государства с учетом уважения к суверенным правам всех народов, входящих в Союз

⁴ См.: *Краткая Российская энциклопедия* : [в 3 т.] / [сост. В. М. Карев]. М. : Бол. Рос. энцикл. : ОНИКС 21 в., 2004. Т. 3: Р–Я.

⁵ См.: *Устав Организации Объединенных Наций* : принят в г. Сан-Франциско 26 июня 1945 г. // Организация Объединенных Наций. 2025. URL: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter> (дата обращения: 21.04.2025).

⁶ См.: *Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций* : принята резолюцией 2625 (XXV) Генер. Ассамблеи ООН 24 окт. 1970 г. // Организация Объединенных Наций. 2025. URL: [https://undocs.org/ru/A/RES/2625\(XXV\)](https://undocs.org/ru/A/RES/2625(XXV)) (дата обращения: 08.05.2025).

⁷ См.: *Декларация о государственном суверенитете Российской Федерации* // Ведомости Съезда нар. депутатов и Верхов. Совета РСФСР. 1990. № 2, ст. 22.

Советских Социалистических Республик. В Декларации совершенно верно было акцентировано внимание, что «суверенитет РСФСР – естественное и необходимое условие существования государственности России, имеющей многовековую историю, культуру и сложившиеся традиции»⁸.

Характеристика суверенитета нашла свое отражение в федеральных законах «О безопасности»⁹ и «О стратегическом планировании в Российской Федерации»¹⁰. Наиболее полное раскрытие признаков суверенитета представлено в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, которая определяет национальные интересы и стратегические национальные приоритеты государства, цели и задачи государственной политики в области обеспечения национальной безопасности и устойчивого развития на долгосрочную перспективу¹¹. Стратегия основана на неразрывной взаимосвязи и взаимозависимости национальной безопасности и социально-экономического развития страны. Ее положения развиваются и в иных нормативных актах, что некоторыми авторами рассматривается как проблема. Так, Ю. А. Кудрявцев поднимает вопрос устранения законодательного пробела и юридической формализации государственного суверенитета в отдельном нормативном правовом акте (федеральном конституционном законе). По мнению ученого, такой нормативный правовой акт смог бы закрепить разрозненные компоненты целостного понятия в едином документе, разграничить полномочия и ответственность за обеспечение суверенитета между государственными органами, определить механизм обеспечения внутреннего и внешнего суверенитета России [9].

Считаем целесообразным поддержать данную идею, так как в последующем ее реализация предполагает завершение процесса формирования конституционно-правовой основы государственной деятельности по отстаиванию национального суверенитета на международной арене. При этом, как представляется, в указанном документе должны в первую очередь найтись отражение основополагающие начала государственного суверенитета, а именно следующие принципы:

1) верховенство государственной власти – Российская Федерация обладает всей полнотой власти на своей территории, самостоятельно определяет и реализовывает свою внутреннюю и внешнюю политику [10];

2) независимость и самостоятельность – Российская Федерация не допускает вмешательства иностранных государств, международных организаций или иных внешних субъектов в осуществление своего суверенитета, за исключением случаев добровольного принятия на себя международных обязательств [11];

3) территориальная целостность и неприкосновенность – границы Российской Федерации нерушимы; любые действия, направленные на отчуждение территории, подрыв территориального единства, угрозу национальной безопасности, недопустимы [12];

4) конституционно-правовая автономия – никакие нормы международного права, договора или решения межгосударственных органов не имеют приоритета над Конституцией РФ, если они ограничивают суверенные права России;

5) суверенное равенство в международных отношениях – Российская

⁸ Декларация о государственном суверенитете Российской Федерации ...

⁹ См.: *О безопасности* : Федер. закон от 28 дек. 2010 г. № 390-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 1, ст. 2.

¹⁰ См.: *О стратегическом планировании в Российской Федерации* : Федер. закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 26 (ч. I), ст. 3378.

¹¹ См.: *О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации* : Указ Президента Рос. Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2021. № 27 (ч. II), ст. 5351.

Федерация взаимодействует с другими государствами на основе равноправия, взаимного уважения суверенитета и невмешательства во внутренние дела;

б) суверенитет народа как источник власти – носителем суверенитета и единственным источником власти в России является ее многонациональный народ, осуществляющий свои права непосредственно, а также через органы государственной власти.

Именно названные принципы определяют основы суверенитета, который выступает в роли фундамента государственности Российской Федерации в аспекте ее способности реализовывать функцию самоуправления, способности осуществлять государственную власть де-факто. В свою очередь, обеспечение указанных принципиальных положений должно найти отражение в том числе в рамках уголовно-правовых отношений.

СОВРЕМЕННЫЕ УГРОЗЫ ВНЕШНЕЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

В контексте уголовно-правовой регламентации представляет интерес исследование В. Н. Рябчука, в рамках которого национальная безопасность рассмотрена в качестве базового принципа государственного суверенитета. Автор определил внешнюю безопасность России как составную часть общей безопасности страны, в которую на правах подсистемы входит и внутренняя безопасность [13, с. 354]. Внешняя безопасность России как элемент общей системы безопасности является ключевым инструментом гарантии суверенитета Российской Федерации. При этом В. Н. Рябчук детально раскрывает сущность преступлений, посягающих на внешнюю безопасность России (ст.ст. 275–276 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ)), развивая положения науки уголовного права. Однако представленный материал уже не соответствует современному со-

стоянию уголовного законодательства, не учитывает его обновление, в частности криминализацию некоторых деяний и включение в УК РФ новых составов преступлений, о которых речь пойдет ниже.

Внешние угрозы могут существенно подорвать основы суверенитета, поэтому их своевременная нейтрализация имеет стратегическое значение [14]. Сами угрозы, возникающие в результате внешних посягательств, могут принимать различные формы – от шпионажа, поддержки экстремизма (сепаратизма), информационных войн, кибератак, политического давления, в том числе экономических санкций, откровенного международного шантажа, давления через международные организации до прямых актов военной агрессии, диверсионной и террористической деятельности и т. п.

Данные угрозы ярко проявляются с момента распада Советского Союза [15] и организации на территории ряда стран, входивших ранее в состав СССР, так называемых цветных революций, которые преследуют единственную цель – смену политического режима в стране путем государственного переворота и установления с внешней финансовой и политической поддержкой нового режима, лояльного западным кураторам. Первой жертвой цветных революций среди постсоветских стран стала Грузия в 2003 г. («революция роз»), далее произошли «оранжевая революция» на территории Украины (2004), «тюльпановая революция» в Киргизии (2005), «сиреневая революция» в Молдове (2009). Повторная волна революций произошла в Киргизии (2010) и Украине (2014). В некоторых государствах попытки проведения цветных революций провалились. Так, например, «болотные протесты» на территории России (2011–2012), протесты по итогам выборов Президента Беларуси (2020), протесты в Казахстане (2022) могли иметь более тяжкие последствия, которые, однако, были

своевременно нивелированы оперативными действиями государственных органов и силовых структур при поддержке дружественных стран.

В связи с этим геополитические противники России сместили вектор с явных и открытых попыток проведения цветной революции на более завуалированную деятельность отдельных, как правило медийных, лиц, иностранных неправительственных организаций и некоммерческих организаций. В противовес их деятельности они стали признаваться иностранными агентами [16]. Отличительная особенность данного инструмента состоит в том, что иностранными агентами признаются как юридические, так и физические лица, получающие иностранное финансирование и участвующие в политической жизни страны, использующие свою официальную деятельность или собственное имя в качестве прикрытия для проведения оппозиционной деятельности, влияния на общественное сознание и т. п. Так, например, фонд Джорджа Сороса «Открытое общество»¹² финансировал российские некоммерческие организации, продвигающие западные ценности, а также изменения в образовательных стандартах, что могло привести к подрыву традиционных семейных ценностей, снижению уровня грамотности граждан, негативно влиянию на государственную политику. Другой не менее известный пример связан с деятельностью Алексея Навального¹³ и его Фонда борьбы с коррупцией¹⁴. Функционирование «оппозиционера», действовавшего с целью организации массовых беспорядков и свержения действующей власти неконституционными методами, осуществлялось посредством финансирования со стороны западных

структур, включая США и страны Евросоюза.

За истекший с момента распада СССР период сформировался своего рода однополярный мир с гегемонией США и их союзников. Это вызвало у указанных стран такой стереотип поведения, когда они, несмотря на законодательное закрепление в международном праве норм и принципов, которых должны придерживаться все государства в своей внешнеполитической деятельности, не соблюдают общие для всех правила поведения. Ярким примером тому служит заявление действующего Президента США Дональда Трампа о желании аннексировать Гренландию и Канаду, а также вернуть Панамский канал под контроль Соединенных Штатов. Свои действия Д. Трамп прикрывает заботой о национальной безопасности, в то время как главной целью является снижение влияния России в Северном Ледовитом океане. Также Д. Трамп обещает еще больше «поджечь» Ближний Восток, «если ХАМАС не “освободит” израильских заложников к определенному сроку»¹⁵ – военное обострение происходит с йеменскими хуситами, что значительно осложняет обстановку в данном регионе. Подобные политические демарши со стороны высших должностных лиц США, нарушающие все дипломатические нормы, не могут не вызывать беспокойство у мирового сообщества.

В складывающихся международно-политических условиях, наполненных милитаристскими настроениями, Российская Федерация с дружественными странами принимают меры по созданию многополярного мира, в котором основу взаимоотношений между странами составляют взаимное уважение и равноправное

¹² Организация признана нежелательной на территории Российской Федерации.

¹³ Внесен в список террористов и экстремистов.

¹⁴ Признан в Российской Федерации экстремистской организацией.

¹⁵ См.: *Трамп* хочет аннексировать Гренландию и Канаду, а также вернуть Панамский канал под контроль США, чтобы ослабить Россию и Китай // Золотой орел. 2025. URL: <https://dzen.ru/a/ZraHtCDEkb6NCcy?ysclid=mal4nz4pya906837483> (дата обращения: 02.06.2025).

сотрудничество. При этом особое внимание уделяется комплексной системе обеспечения безопасности государства на международной арене. Руководству страны требуется проводить взвешенную и сбалансированную внутреннюю и внешнюю политику таким образом, чтобы обеспечить всестороннюю защищенность государства. Этому способствует и применение в превентивных целях норм уголовно-правового характера, что, конечно, не лишено ряда сложностей.

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОХРАНА ВНЕШНЕЙ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА

В международных отношениях весьма непросто спрогнозировать поведение других субъектов международного права, а тем более правильно интерпретировать и квалифицировать их действия. Кроме того, необходимо учитывать предполагаемое внешнее воздействие на государственный суверенитет при выработке мер уголовно-правового противодействия. И такой прогностический анализ с участием научной общественности и законодателя проводится непрерывно.

На фоне беспрецедентного дипломатического давления стран Запада на Российскую Федерацию вследствие проведения специальной военной операции на территории Украины уже частично были изменены отдельные составы преступлений, посягающих на внешнюю безопасность России. Усовершенствованы ст. 275 УК РФ («Государственная измена») и ст. 276 УК РФ («Шпионаж»). К примеру, ст. 275 УК РФ была дополнена таким действием, как «переход на сторону противника»: в статью включено понятие «противник» и дано развернутое его разъяснение в примечании. Статья 276 УК РФ дополнена деяниями по сбору, передаче, хищению или хранению сведений, которые могут быть использованы против Вооруженных Сил РФ и других воинских

формирований. Рассматриваемые нормы оставались неизменными длительное время ввиду отсутствия необходимости в их совершенствовании, но изменившаяся геополитическая конъюнктура и возникшая угроза национальной безопасности России заставили переосмыслить уголовную политику в рассматриваемом направлении. Актуальность последних изменений подтверждают статистические данные. Например, если количество осужденных по ст. 275 УК РФ в 2022 г. составляло 14 чел., то в 2023 г. – уже 39 чел., в 2024 г. – 145 чел.; количественные показатели, как видно, выросли за последние годы в 10,3 раза. Схожая динамика преступлений отмечается по ст. 276 УК РФ: в 2022 г. – 3 чел., в 2023 г. – 9 чел., а в 2024 г. – 23 чел.; количество общественно опасных деяний выросло в 7,6 раза.

В рамках совершенствования инструментов противодействия иностранным разведкам УК РФ дополнен ст. 275.1, предусматривающей ответственность за осуществление конфиденциального сотрудничества со специальными службами иностранных государств (тайное установление и поддержание контакта с такими службами либо их представителями в целях оказания содействия в деятельности, заведомо направленной против безопасности Российской Федерации). Статистика привлечения к уголовной ответственности по указанной уголовно-правовой норме подтверждает своевременность криминализации рассматриваемого деяния. Так, если в 2023 г. по ст. 275.1 УК РФ осуждено только 2 чел., то в 2024 г. – уже 21 чел., что в 10,5 раза больше, чем годом ранее.

Переосмысления потребовали подходы к уголовно-правовой оценке текущей деятельности иностранных спецслужб (в частности, Службы безопасности Украины) и их практики вербовки иностранных граждан, лиц без гражданства, находящихся на территории нашей страны,

для оказания помощи, заведомо направленной против безопасности Российской Федерации (ст. 276.1 УК РФ). Такая помощь может осуществляться в виде финансирования, материально-технической поддержки, консультирования противника или иной деятельности, нацеленной на подрыв национальной безопасности России, но не попадающей под действие ст. 276 УК РФ.

Для защиты национальных интересов Российской Федерации в связи с недружественными действиями иностранных государств и международных организаций, а также необходимостью реализации комплекса мер социально-экономического характера в отношении граждан России и российских юридических лиц в УК РФ введена ст. 284.2. Данная норма предусматривает уголовную ответственность за осуществление призыва к введению санкций в отношении России, физических или юридических лиц РФ. По мнению законодателя, указанная норма содержит положения, обеспечивающие защиту интересов государства, его граждан и российских компаний от необоснованного давления со стороны иностранных государств или их объединений. Особенностью рассматриваемой нормы также является использование административной преюдиции (привлечение виновного лица к административной ответственности по ст. 20.3.4 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) в течение одного года). К примеру, за 2024 г. к административной ответственности по ст.ст. 20.3.2, 20.3.4 КоАП РФ (судебная статистика ведется совместно) было привлечено 40 чел. (за 2023 г. – 38 чел.). Опыт практического правоприменения ст. 284.2 УК РФ на те-

кущий момент отсутствует, что подтверждает эффективность привлечения к административной ответственности в качестве упреждающей меры воздействия.

Для обеспечения национальной безопасности и государственного суверенитета России в условиях враждебных действий со стороны международных организаций или иностранных государственных организаций, в которых наше государство не состоит, введена ст. 284.3 УК РФ. Указанная норма обеспечивает неприкосновенность должностных лиц государственных органов РФ и иных лиц, проходящих военную службу, от уголовного преследования вышеупомянутых международных организаций ввиду исполнения ими своих должностных обязанностей. На текущий момент уголовно-правовая норма не применялась, соответственно, отсутствует возможность дать развернутую характеристику ее практического правоприменения, однако актуальность рассматриваемой проблемы очевидна.

Как демонстрирует современная правоприменительная практика, деятельность законодательных органов по совершенствованию уголовно-правовых норм, направленных на защиту внешней безопасности России, осуществляется последовательно и оперативно. Внесенные в уголовное законодательство России за последние годы изменения (в частности, криминализация ст.ст. 275.1, 276.1, 284.2, 284.3 УК РФ) свидетельствуют о стремлении адаптировать правовое поле к новым вызовам и угрозам¹⁶. Однако учитывая динамику развития текущих рисков в условиях проведения Россией специальной военной операции на территории Украины, а также постоянную разработку иностранными специальными службами

---

¹⁶ См.: Антонов И. А., Кульпин А. А. Публичное распространение заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации (ст. 207.3 Уголовного кодекса Российской Федерации): манипулятивное использование метафоры и ее исследование при проведении экспертиз по уголовным делам // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2024. № 2 (27). С. 38–47.

новых форм и методов посягательства на внешнюю безопасность Российской Федерации, необходимо продолжать работу по прогнозированию агрессивного поведения иностранных государств и разработку мер уголовно-правового противодействия угрозам безопасности страны. В частности, представляется целесообразным внести некоторые изменения в действующее уголовное законодательство.

В целях устранения существующего пробела в обеспечении защиты национальной безопасности Российской Федерации от внешних посягательств, усиления профилактики рассмотренной выше категории преступлений требуется внести изменения в ч. 1 ст. 205.6 УК РФ и дополнительно ввести уголовную ответственность за несообщение о преступлениях, предусмотренных ст.ст. 275, 275.1, 276, 276.1 УК РФ. Принятие предлагаемых изменений будет способствовать повышению эффективности системы выявления, предупреждения и пресечения преступной деятельности, осуществляемой в целях снижения уровня внешней безопасности государства. Сопоставимая со ст. 205.6 УК РФ норма применялась в ст. 58.12 Уголовного кодекса РСФСР (ред. 1926 г.) и действовала во времена Великой Отечественной войны, зарекомендовав себя положительно с точки зрения укрепления государственной безопасности и поддержания правопорядка в условиях военного времени¹⁷. Таким образом, уже внесенные изменения в уголовное законодательство и предложенная поправка в УК РФ повысят значимость уголовно-правового противодействия внешнему воздействию (со стороны иностранного государства, иностранной или международной организации, иностранного государственного органа) на государственный

суверенитет через внутренних субъектов общественных отношений в России.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Способность независимо и самостоятельно осуществлять государственную власть на всей своей территории, а также обеспечивать защищенность собственных граждан – это важнейший фактор существования государства в современных геополитических условиях. Для завершения процесса формирования конституционно-правовой основы государственной деятельности на международной арене необходимо формальное закрепление понятия и принципов государственного суверенитета России в отдельном федеральном конституционном законе.

При этом охрана государственного суверенитета требует уделить повышенное внимание вопросам обеспечения внешней безопасности государства, в том числе с помощью мер уголовно-правового характера. Большая работа в этом отношении уже проделана. Внесены изменения и дополнения в УК РФ, предусматривающие уголовную ответственность за государственную измену, шпионаж, сотрудничество на конфиденциальной основе с иностранным государством, международной либо иностранной организацией, оказание помощи противнику в деятельности, заведомо направленной против безопасности Российской Федерации (ст.ст. 275, 275.1, 276, 276.1 УК РФ). При этом в качестве дополнительной меры уголовно-правовой охраны внешней безопасности Российского государства предлагается включить упоминание о ст.ст. 275, 275.1, 276, 276.1 УК РФ в ст. 205.6 УК РФ в целях развития системы предупреждения совершения указанной категории преступлений.

¹⁷ См.: Гаврилов К. А., Черепанов Р. В. Роль правоохранительных органов в годы Великой Отечественной войны в борьбе с преступностью, посягающей на основы безопасности государства // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 80-летию Победы в Великой Отечественной войне) : материалы XXII междунар. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 24–25 апр. 2025 г. : в 2 ч. СПб. : С.-Петерб. ун-т МВД России, 2025. Ч. 1. С. 562–566.

Список литературы

1. Сальников В. П., Ивашов Л. Г., Дзегутанов Б. К. *Философия глобализации: (Методологические основы геополитической доктрины России)* : монография / под общ. ред. В. П. Сальникова. СПб. : Фонд «Университет», 2006. 268 с.
2. Аксенов И. С. Особенности соотношения понятий «народный суверенитет», «национальный суверенитет» и «государственный суверенитет» // *Синергия наук*. 2018. № 22. С. 1042–1052.
3. Мирзоев А. К. Суверенитет: генезис и концептуальная эволюция представлений в политико-правовой науке (исходные начала – Никколо Макиавелли и Жан Боден) // *Мир политики и социологии*. 2013. № 11. С. 149–157.
4. Овсепян Ж. И. О суверенитете Российского государства в контексте факторов современного мирового развития (исследование на основе Закона о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ) // *Северо-Кавказский юридический вестник*. 2023. № 4. С. 86–101. DOI: <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2023-1-4-86-101>
5. Клименко О. А., Мирзоев А. К. Развитие понятия суверенитета от Марсилия Падуанского до Гегеля // *Юридическая наука*. 2016. № 3. С. 22–29.
6. Сытин А. Г. Концептуальный сдвиг в понимании оснований политики в европейской мысли XIV в.: учение Марсилия Падуанского // *Вестник Московского университета. Серия 7: Философия*. 2018. № 4. С. 35–43.
7. Михеева В. А. Эволюция понятия «суверенитет» и проблемы суверенитета в современной мировой политике // *Высшее образование для XXI века: роль гуманитарного образования в контексте технологических и социокультурных изменений* : докл. и материалы XV междунар. науч. конф., МосГУ, 14–16 дек. 2019 г. / под общ. ред. И. М. Ильинского. М. : Москов. гуманитар. ун-т, 2019. Ч. 2. С. 906–912.
8. Мирзоев А. К. Генезис и эволюция представлений о суверенитете в политико-правовых концепциях народного и национального суверенитета // *Мир политики и социологии*. 2015. № 1. С. 141–150.
9. Кудряшев Ю. А. Государственный суверенитет как основа конституционного строя (к вопросу о необходимости юридической формализации) // *Правовое обеспечение суверенитета России: проблемы и перспективы* : сб. докл. XIII Московской юридической недели : в 4 ч. М. : Издат. центр Ун-та им. О. Е. Кутафина (МГЮА), 2024. Ч. 3. С. 58–60.
10. Политико-правовое управление и угрозы суверенитету государства : моногр. / М. Ю. Гутман, С. И. Захарцев, Н. В. Зорина [и др.] ; под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. В. П. Сальникова. 2-е изд-е, испр. и доп. М. : ИНФРА-М, 2024. 423 с. DOI: <https://doi.org/10.12737/2127021>
11. Новиков А. В. Система обеспечения национальной безопасности Российской Федерации // *Вопросы российского и международного права*. 2024. Т. 14, № 3-1. С. 27–34.
12. Суверенитет Российской Федерации: современные угрозы и обеспечение военной безопасности / С. И. Захарцев, О. А. Клименко, А. К. Мирзоев, М. В. Сальников, И. Л. Третьяков // *Мир политики и социологии*. 2017. № 1. С. 120–139.
13. Рябчук В. Н. Государственная измена и шпионаж: уголовно-правовое и криминологическое исследование. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2007. 1100 с.
14. Семченков А. С. Предупреждение и нейтрализация внешних угроз политической стабильности России // *Вестник Российской нации*. 2011. № 4–5 (18–19). С. 242–251.
15. Моисеев В. В. Советский Союз: история создания, развития и распада : моногр. М. : Директмедиа Паблишинг, 2022. 224 с.
16. Хлебущкин А. Г. Осуществление деятельности организации, в отношении которой принято решение о признании нежелательной на территории Российской Федерации её деятельности: вопросы квалификации и совершенствования законодательства // *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России*. 2018. № 4 (80). С. 114–119.

References

1. Sal'nikov V. P., Ivashov L. G., Dzhegutanov B. K. *The Philosophy of Globalisation (Methodological Foundations of Russia's Geopolitical Doctrine)*. St. Petersburg: Fond «Universitet» Publ.; 2006. 268 p. (In Russ.)
2. Aksekov I. S. The Peculiarities of the Correlation Between the Concepts of “People’s Sovereignty”, “National Sovereignty” and “State Sovereignty”. *Sinergiya nauk*. 2018;22:1042-1052. (In Russ.)
3. Mirzoev A. K. Sovereignty: Genesis and Conceptual Evolution of Ideas in Political-And-Legal Science (Baseline Fundamentals – Niccolo Machiavelli and Jean Bodin). *World of Politics and Sociology*. 2013;11:149-157. (In Russ.)
4. Ovspeyan Zh. I. On the Sovereignty of the Russian State in the Context of the Factors of Modern World Development (a Studybased on the Law on the Amendment to the Constitution of the Russian Federation of 14.03.2020 № 1-FKZ). *North Caucasus Legal Vestnik*. 2023;4:86-101. DOI: <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2023-1-4-86-101> (In Russ.)
5. Klivenko O. A., Mirzoev A. K. The Development of the Concept of Sovereignty from Marsilius of Padua to Hegel. *Juridical Science*. 2016;3:22-29. (In Russ.)
6. Sytin A. G. Conceptual Shift in the Understanding of the Bases of Politics in European Thought of the XIV Century: the Doctrine of Marsilius of Padua. *Moscow University Bulletin. Series 7. Philosophy*. 2018;4:35-43. (In Russ.)

7. Mikhееva V. A. The Evolution of the Concept of “Sovereignty” and Sovereignty Issues in Contemporary World Politics. In: Il’inskii I. M. (Ed.). *Higher Education for the 21st Century: The Role of Humanities Education in the Context of Technological and Sociocultural Change. Pt. 2*. Moscow: Moscow University for the Humanities Publ.; 2019. P. 906–912. (In Russ.)
8. Mirzoev A. K. Genesis and Evolution of Ideas of Sovereignty in Political-and-Legal Concepts of People’s and National Sovereignty. *World of Politics and Sociology*. 2015;1:141-150. (In Russ.)
9. Kudryavtsev Yu. A. State Sovereignty as the Basis of the Constitutional Order (On the Need for Legal Formalisation). In: *Legal Safeguarding of Russia’s Sovereignty: Problems and Prospects. Pt. 3*. Moscow: Kutafin Moscow State Law University Publ. Centre, 2024. P. 58–60. (In Russ.)
10. Gutman M. Yu., Zakhartsev S. I., Zorina N. V. etc. *Political and Legal Governance and Threats to State Sovereignty*. 2nd ed. Moscow: INFRA-M Publ.; 2024. 423 p. DOI: <https://doi.org/10.12737/2127021> (In Russ.)
11. Novikov A. V. System of Ensuring National Security of the Russian Federation. Philosophical and Political Aspect. *Matters of Russian and International Law*. 2024;14(3-1):27-34. (In Russ.)
12. Zakhartsev S. I., Klimenko O. A., Mirzoev A. K., Sal’nikov M. V., Tret’yakov I. L. Sovereignty of the Russian Federation: Modern Threats and Ensuring Military Security. *World of Politics and Sociology*. 2017;1:120-139. (In Russ.)
13. Ryabchuk V. N. *State Treason and Espionage: A Criminal-Law and Criminological Study*. St. Petersburg: Yuridicheskii tsentr Press, 2007. 1100 p. (In Russ.)
14. Semchenkov A. S. Prevention and Neutralisation of External Threats to Russia’s Political Stability. *Bulletin of Russian Nation*. 2011;4-5:242-251. (In Russ.)
15. Moiseev V. V. *The Soviet Union: History of Creation, Development, and Collapse*. Moscow: Direktmedia Publishing, 2022. 224 p. (In Russ.)
16. Khlebushkin A. G. Implementation of the Activities of the Organization in Respect of Which a Decision Was Made To Recognize the Activities of the Organization That Are Unacceptable on the Territory of the Russian Federation: Questions of Qualification and Improvement of Legislation. *Bulletin of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2018;4:114-119. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Игорь Алексеевич Антонов, главный научный сотрудник отдела подготовки кадров высшей квалификации научно-исследовательского центра Академия войск национальной гвардии (ул. Летчика Пилютова, 1, Санкт-Петербург, 196206, Российская Федерация), доктор юридических наук, профессор; ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-6703-780X>, e-mail: docantonov@yandex.ru;

Роман Владимирович Черепанов, адъюнкт адъюнктуры и докторантуры научно-исследовательского центра Академия войск национальной гвардии (ул. Летчика Пилютова, 1, Санкт-Петербург, 196206, Российская Федерация); ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-1345-1277>; e-mail: r.v.cherepanov@yandex.ru

ABOUT THE AUTHORS

Igor A. Antonov, Chief Researcher of the Department for Training Highly Qualified Personnel, Research Centre at the Academy of the National Guard Troops (1 Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 196206, Russian Federation), Doctor of Legal Sciences, Professor; ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-6703-780X>, e-mail: docantonov@yandex.ru;

Roman V. Cherepanov, adjunct (postgraduate officer) of the Postgraduate and Doctoral Training Division of the Scientific Research Center at the Academy of the National Guard Troops (1 Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 196206, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-1345-1277>; e-mail: r.v.cherepanov@yandex.ru

Поступила | Received
02.06.2025

Поступила после рецензирования
и доработки | Revised
16.06.2025

Принята к публикации | Accepted
18.06.2025

УДК 343.91

DOI: 10.19073/2658-7602-2026-23-1-141-156

EDN: AIYDIH

Оригинальная научная статья

Личность осужденного за незаконную охоту по материалам судебной практики Сибирского и Дальневосточного федеральных округов

А. В. Верещагина *Владивостокский государственный университет, Владивосток, Российская Федерация*✉ vereschagina_alla@mail.ru

Аннотация. Исследования о личности незаконного охотника преимущественно опубликованы в первом десятилетии XXI в. и, за исключением работ В. С. Ишигеева, А. Я. Бондаря, И. В. Лавыгиной, не связаны с изучением судебной практики Дальневосточного и Сибирского федеральных округов. Предметом настоящего исследования являются содержащие информацию о личности незаконного охотника документы: статистические отчеты Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации за 2011–2024 гг., региональные отчеты судебных департаментов некоторых регионов Дальневосточного и Сибирского федеральных округов, решения судов означенных федеральных округов по уголовным делам о незаконной охоте. Цель исследования состоит в выявлении доминирующих черт, характеризующих привлеченных к уголовной ответственности по ст. 258 Уголовного кодекса Российской Федерации в Дальневосточном и Сибирском федеральных округах. В ходе исследования выявлено, что незаконный охотник в Дальневосточном и Сибирском федеральных округах – это мужчина, гражданин Российской Федерации, постоянно проживающий в месте совершения незаконной охоты или на близлежащих территориях, в возрасте от 30 до 49 лет, военнообязанный, имеющий среднее общее или среднее профессиональное образование, работающий или обладающий постоянными доходами, женатый и имеющий детей, несудимый и не привлекавшийся к административной ответственности, не состоящий на учетах в психоневрологическом и наркологическом диспансерах, положительно характеризующийся. Некоторые региональные различия в цифровых значениях признаков в сравнении со средними значениями по Российской Федерации обусловлены ландшафтными (климат, рельеф, растительность, высота снежного покрова и т. д.), демографическими (например, плотность населения) и социально-экономическими особенностями (неразвитость инфраструктуры, внутренняя миграция, структура занятости и т. п.) Дальнего Востока и Сибири. Характеристика личности незаконного охотника соответствует характеристике не привлекавшегося к уголовной ответственности лица в Российской Федерации. Это, на наш взгляд, может затруднить предупредительную деятельность, поскольку личность незаконного охотника не выглядит асоциальной.

Ключевые слова: Дальневосточный федеральный округ; Сибирский федеральный округ; незаконная охота; личность незаконного охотника; демографические признаки незаконного охотника; региональные особенности личности незаконного охотника

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Верещагина А. В. Личность осужденного за незаконную охоту по материалам судебной практики Сибирского и Дальневосточного федеральных округов // Сибирское юридическое обозрение. 2026. Т. 23, № 1. С. 141–156. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2026-23-1-141-156>. EDN: <https://elibrary.ru/aiydih>

Original scientific article

The Profile of Persons Convicted of Illegal Hunting Based on Judicial Practice in the Siberian and Far Eastern Federal Districts

A. V. Vereshchagina

Vladivostok State University, Vladivostok, Russian Federation

✉ vereshchagina_alla@mail.ru

Abstract. Studies addressing the profile of illegal hunters were published predominantly in the first decade of the 21st century and—apart from the works of V. S. Ishigeev, A. Ya. Bondar and I. V. Lavigina—have not been associated with the study of judicial practice in the Far Eastern and Siberian Federal Districts. The subject matter of this study comprises documents containing information on the identity of an illegal hunter: statistical reports of the Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation for 2011–2024; regional reports of judicial departments of certain regions of the Far Eastern and Siberian Federal Districts; and court decisions of the said federal districts in criminal cases concerning illegal hunting. The purpose of the study is to identify dominant traits characterising persons brought to criminal liability under Article 258 of the Criminal Code of the Russian Federation in the Far Eastern and Siberian Federal Districts. The study finds that the illegal hunter in these districts is typically a male citizen of the Russian Federation permanently residing at the location of the illegal hunt or in nearby areas, aged 30 to 49, liable for military service, with secondary general or secondary vocational education, employed or having steady income, married with children, without a criminal record and not previously subject to administrative liability, not registered with psychoneurological or narcological clinics, and generally positively characterised. Certain regional differences in quantitative indicators, as compared with nationwide averages, are attributable to landscape factors (climate, terrain, vegetation, snow cover depth, etc.), demographic factors (e.g., population density), and socio-economic factors (underdeveloped infrastructure, internal migration, employment structure, etc.) of the Far East and Siberia. The profile of the illegal hunter corresponds to the profile of a person not previously brought to criminal liability in the Russian Federation. In the author's view, this may complicate preventive efforts, since the illegal hunter does not appear to be socially deviant.

Keywords: Far Eastern Federal District; Siberian Federal District; illegal hunting; profile of the illegal hunter; demographic characteristics of the illegal hunter; regional characteristics

Conflict of interest. The Author declares no conflict of interest.

For citation: Vereshchagina A. V. The Profile of Persons Convicted of Illegal Hunting Based on Judicial Practice in the Siberian and Far Eastern Federal Districts. *Siberian Law Review*. 2026;23(1):141-156. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2026-23-1-141-156>. EDN: <https://elibrary.ru/ayidih> (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Незаконная охота является одним из самых совершаемых экологических преступлений [1, с. 18], что обуславливает необходимость исследования различных аспектов регламентации и правоприменения. Однако личность незаконного охотника изучается не столь активно – причем большая часть посвященных этому во-

просу работ опубликована в период 2000–2014 гг. [2; 3; 4; 5].

Характеристика личности, совершившей незаконную охоту, имеет региональные особенности.

Предметом исследования является информация о личности незаконного охотника, содержащаяся в судебных решениях и статистических отчетах Судебного

департамента при Верховном Суде Российской Федерации (далее – Судебный департамент при ВС РФ) и управлений судебных департаментов Забайкальского края, Новосибирской области и Республики Тыва.

Цель исследования заключается в выявлении региональных особенностей личности незаконного охотника.

Задачи исследования: 1) изучить судебные решения судов Дальневосточного федерального округа (далее – ДФО) и Сибирского федерального округа (далее – СФО); 2) проанализировать статистические отчеты о демографических признаках осужденных за незаконную охоту.

Методы обусловлены предметом, целью и задачами исследования. Автор данной статьи опирался на научные принципы познания (всесторонности, объективности, историзма, плюрализма) и использовал формально-логический метод и метод анализа документов.

Эмпирическую основу исследования составили: 1) судебная практика ДФО и СФО – соответственно, 137 и 164 судебных решения за период с 2011 по 2024 г., опубликованных на сайтах «Судебные и нормативные акты РФ»¹ и «Судебные решения РФ»², отобранных методом основного массива по критерию доступности; 2) судебная статистика по Новосибирской области за 2019–2024 гг., Республике Тыва за 2022–2024 гг., Забайкальскому краю за 2023–2024 гг., содержащаяся на сайтах судебных департаментов субъ-

ектов Российской Федерации, отобранных по критерию доступности³; 3) судебная статистика за 2011–2024 гг. по Российской Федерации, отраженная на сайте Судебного департамента при ВС РФ⁴.

Характеристика личности незаконного охотника представлена в следующей последовательности: 1) социально-демографические признаки (пол, возраст, семейное положение, уровень образования, принадлежность к социальной группе и др.), 2) уголовно-правовые (наличие прошлых судимостей) и 3) некоторые нравственно-психологические (употребление наркотических веществ и спиртных напитков) аспекты.

Предваряя изложение результатов исследования, следует отметить: 1) наличие разрозненности в применяемой в отчетах терминологии – в формах 10.1 и 11.1 термины «привлеченные к уголовной ответственности» и «осужденные» используются как тождественные; 2) в связи с этим в тексте, несмотря на формально-юридическое несовпадение содержания, как тождественные употребляются термины «привлеченный к уголовной ответственности» и «осужденный», а также «незаконный охотник».

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ ОСУЖДЕННОГО ЗА НЕЗАКОННУЮ ОХОТУ

Гражданство. В изученных решениях за совершение преступлений, предусмотренных ст. 258 Уголовного кодекса

¹ URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 30.05.2025).

² URL: <https://судебныерешения.рф/> (дата обращения: 30.05.2025).

³ См., напр.: *Управление Судеб. департамента в Респ. Тыва.* 2025. URL: <https://usd.tva.sudrf.ru> (дата обращения: 30.05.2025); *Управление Судеб. департамента в Новосибирск. обл.* 2025. URL: <https://usd.nsk.sudrf.ru> (дата обращения: 30.05.2025); *Управление Судеб. департамента в Забайкальск. крае.* 2025. URL: <https://usd.cht.sudrf.ru> (дата обращения: 30.05.2025). Данные судебной статистики в тексте статьи приведены согласно информации, взятой с этих сайтов.

⁴ Формы 11.1 «О демографических признаках осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации» и 11.2 «Отчет о характеристике преступления, его рецидива и повторности по числу осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации» (см.: Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. 2025. URL: <https://cdep.ru> (дата обращения: 01.06.2025)). Данные судебной статистики по России в тексте статьи приведены согласно информации, взятой с этого сайта.

Российской Федерации (далее – УК РФ), к уголовной ответственности привлекались только граждане Российской Федерации. Этот результат не совпадает с высказываемыми суждениями об активном браконьерстве граждан Китайской Народной Республики (далее – КНР) и Корейской Народно-Демократической Республики (далее – КНДР) на Дальнем Востоке [6, с. 25; 7, с. 84; 8, с. 102; 9, с. 14–72], но соответствует судебной статистике. По статье 258 УК РФ с 2011 г. и ст. 258.1 УК РФ с 2017 г. осуждено минимальное количество иностранных граждан (рис. 1).

ты, исключить вовлеченность иностранных граждан, прежде всего КНДР и КНР, в незаконную охоту нельзя. Приведенные данные [9, с. 14–72] позволяют сформулировать несколько суждений: 1) в узком смысле (непосредственное участие в незаконной добыче объектов животного мира) проблема незаконной охоты иностранных граждан в России не столь остра, как иногда это подчеркивается; 2) иностранные граждане, скорее, выступают в роли заказчиков, скупщиков и контрабандистов, пытающихся в нарушение законодательства вывезти за пределы России добытые

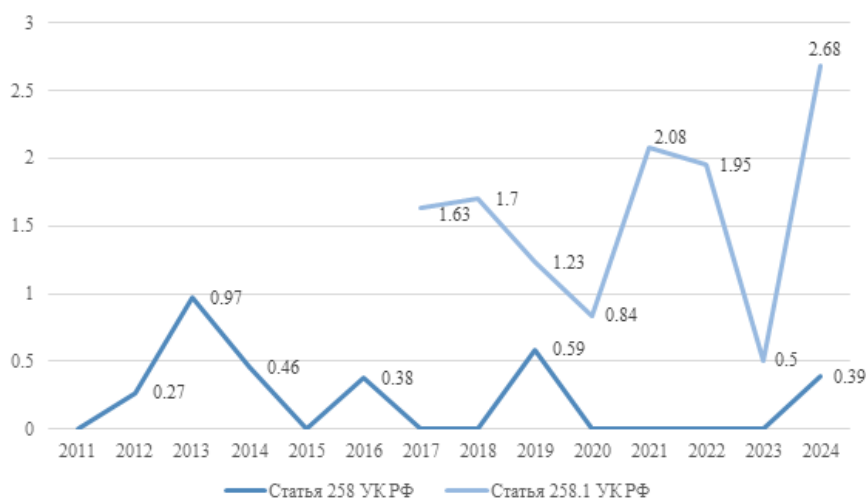

Рис. 1. Удельный вес иностранных граждан, привлеченных к уголовной ответственности за совершение преступлений, предусмотренных ст.ст. 258 и 258.1 УК РФ (% по Российской Федерации)

Абсолютные цифры осужденных иностранных граждан еще более иллюстративны. Российскими судами по ст. 258 УК РФ за 14 лет разрешены уголовные дела в отношении 9 граждан государств – участников СНГ и 3 граждан других, не входящих в состав СНГ, государств, а по ст. 258.1 УК РФ за 8 лет – 34 гражданина государств – участников СНГ и 16 граждан не входящих в состав СНГ государств.

Несмотря на приведенные выше статистические данные и полученные результа-

(законно и (или) незаконно) дериваты, дикоросы и т. п.; 3) содержащиеся в размещенных в средствах массовой информации объявления предложения о реализации дериватов и дикоросов, а также их продажа на рынках населенных пунктов Дальнего Востока России и сопредельных государств, прежде всего КНР, являются косвенным подтверждением процветания заказной, в том числе незаконной, добычи животных. Это может свидетельствовать, во-первых, о качественном изменении

браконьерства, ориентированного на зарубежный рынок (подобная проблема есть, например, в Казахстане [10, с. 110]), во-вторых, о приобретении таким браконьерством черт криминального профессионализма [11, с. 38–40], в-третьих, о латентности предусмотренных ст. 258 УК РФ преступлений [12, с. 19], уровень которой оценивается в 98–100 % [6, с. 27; 13, с. 325; 14, с. 48].

Место жительства. В ДФО и СФО, по нашим данным, за незаконную охоту привлекались местные жители, проживающие либо на прилегающих к месту охоты территориях, либо в том же субъекте РФ⁵. Полученный результат отражает региональную специфику: ландшафтные особенности (климатические условия, пересеченная местность, сложный рельеф, высокий снежный покров и пр.); удаленность дальневосточных и сибирских субъектов; высокая стоимость проезда к местам возможной охоты; низкая плотность населения (в ДФО – 1,13 чел./км², в СФО – 3,8 чел./км²)⁶, что не позволяет в экстренных случаях рассчитывать на быструю, своевременную помощь, и т. д. Подобные результаты приводятся И. В. Лавыгиной по Иркутской области, в которой 92 % осужденных – постоянные жители, что, по ее мнению (с которым мы отчасти согласны), соответствует традиции потребительского отношения к природе «в глубинке» без учета неблагоприятных последствий для экологии [3, с. 52; 15, с. 161]. При этом среднее значение по России несколько иное: доля занимающихся незаконной охотой местных жителей варьируется от 81,73 % до 89,81 %, но соответствует допустимой погрешности.

Лица без определенного места жительства привлекаются к уголовной ответ-

ственности по ст. 258 УК РФ значительно реже, их доля колеблется в диапазоне от 0,19 % до 0,46 %. Также крайне редко незаконной охотой занимаются беженцы и вынужденные переселенцы (по 1 человеку в 2011 и 2020 гг.). Незначительное количество случаев привлечения к уголовной ответственности по ст. 258 УК РФ лиц без определенного места жительства, беженцев и вынужденных переселенцев является косвенным подтверждением особенностей охоты как деятельности, требующей специальных навыков и предполагающей знание местных условий.

Гендерная характеристика. В изученных решениях к уголовной ответственности по ст. 258 УК РФ в обоих федеральных округах привлекались мужчины. Полученный результат подтверждается судебной статистикой Забайкальского края, Новосибирской области и Республики Тыва. Тем не менее в литературе описывается участие женщин в незаконной охоте, например содействие в транспортировке добытых животных [3, с. 151; 13, с. 325–326; 16, с. 98; 17, с. 165]. Имеющийся в публикациях разброс значений составляет от 1 до 4 % [2, с. 90; 5, с. 109; 18, с. 394; 19, с. 627], что, вероятно, обусловлено особенностями выборки. Доля женщин, осужденных за незаконную охоту в России за 2011–2024 гг., колеблется в диапазоне от 0 до 1,38 % (рис. 2).

В некоторые годы уголовные дела по ст. 258 УК РФ в отношении женщин не рассматривались, и лишь единожды – в 2014 г. – удельный вес осужденных за анализируемые преступления женщин превысил 1 % (рис. 2).

Общероссийские данные в совокупности с полученными результатами подтверждают обозначаемые некоторыми

⁵ См.: *Приговор* Агинск. район. суда № 1-223/2023 от 5 дек. 2023 г. по делу № 1-223/2023 // Судеб. и норматив. акты РФ. 2023. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/hCeDCSJHYmY1/?ysclid=mah06qkmjv248613287> (дата обращения: 05.01.2025).

⁶ См.: *Итоги* ВПН-2020. Численность и размещение населения // Федер. служба гос. статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/vpnl/2020/Tom1_Chislennost_i_razmeshchenie_naseleniya (дата обращения: 05.07.2025).

авторами причины столь резкого гендерного неравенства. В их числе называют традиционные представления об охоте как исконно мужском занятии, особенности физиологии и психологии женщин [3, с. 52; 4, с. 151; 13, с. 326; 16, с. 98; 17, с. 165], не позволяющие им в сложных ландшафтных и инфраструктурных условиях ДФО и СФО заниматься охотой, и т. п.

Возраст. В соответствии с применяемым в судебной статистике подходом выделены три возрастные группы: 1) до 29 лет; 2) от 30 до 49 лет; 3) 50 лет и старше. Средние показатели возрастной структуры осужденных по ст. 258 УК РФ за период с 2011 по 2024 гг. представлены на рис. 3.

Свыше 50% осужденных за незаконную охоту в ДФО, СФО и РФ в целом – это лица

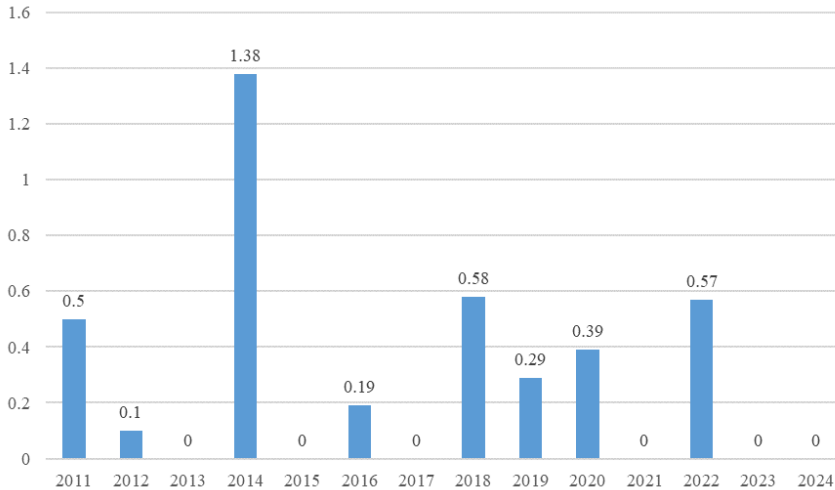

Рис. 2. Удельный вес женщин, осужденных за совершение преступлений, предусмотренных ст. 258 УК РФ (% от общего числа осужденных в Российской Федерации)

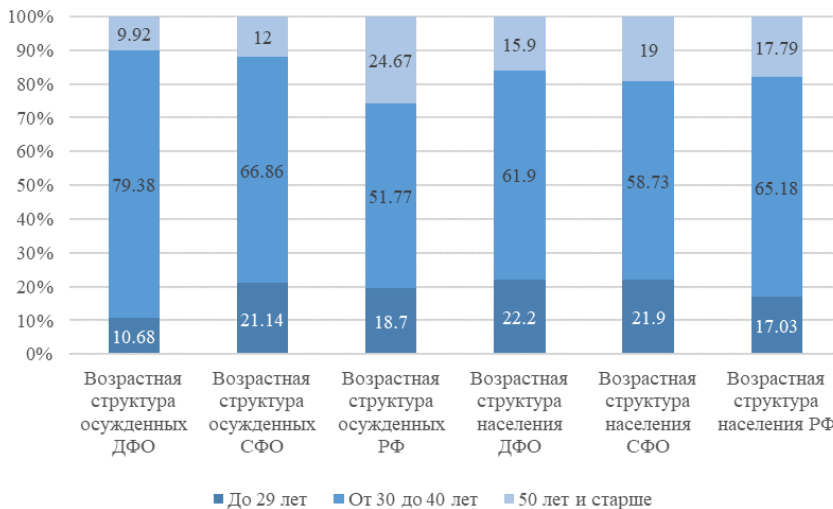

Рис. 3. Возрастная структура осужденных по ст. 258 УК РФ (%)

в возрасте от 30 до 49 лет, что соответствует особенностям возрастной структуры населения нашего государства, где удельный вес трудоспособного населения выше, чем лиц моложе и старше трудоспособного возраста. Тем не менее выявить корреляции между возрастной структурой привлеченных к уголовной ответственности по ст. 258 УК РФ и возрастной структурой населения затруднительно, поскольку в судебной статистике и демографии применяются разные критерии группировки – «юридическое закрепление трудоспособного возраста» (до 18, от 18 до 60, старше 60 лет) [20, с. 67] и психическое развитие (напоминает подход, предложенный Э. Эриксоном) соответственно [21].

Особенности возрастной структуры населения ДФО и СФО [22, с. 725; 23, с. 140] сказываются на более низком (вдвое ниже по сравнению с РФ в целом) удельном весе осужденных по ст. 258 УК РФ в возрасте 50 лет и старше – 9,92 %, 12 %

и 24,67 % (стб. 1–3 рис. 3). Отличается также от среднероссийских показателей (на 8 % ниже) возрастная группа осужденных до 29 лет по ДФО (стб. 1 и 3 рис. 3).

Отдельно в судебной статистике фиксируется совершение преступлений несовершеннолетними и лицами старше 60 лет. В проанализированной судебной практике факты незаконной охоты несовершеннолетних отсутствуют. Исследователями приводятся разные данные о привлечении к уголовной ответственности по ст. 258 УК РФ несовершеннолетних – 0,8 %, менее 3 % или 8,5 % от общего числа осужденных по этому составу [24, с. 148; 11, с. 40; 25, с. 14]⁷. Однако согласно данным судебной статистики, по ст. 258 УК РФ в России за 2011–2024 гг. осуждено 5 несовершеннолетних.

Следует отметить достаточно устойчивую тенденцию роста удельного веса осужденных по ст. 258 УК РФ в возрасте 60 лет и старше в России (рис. 4).

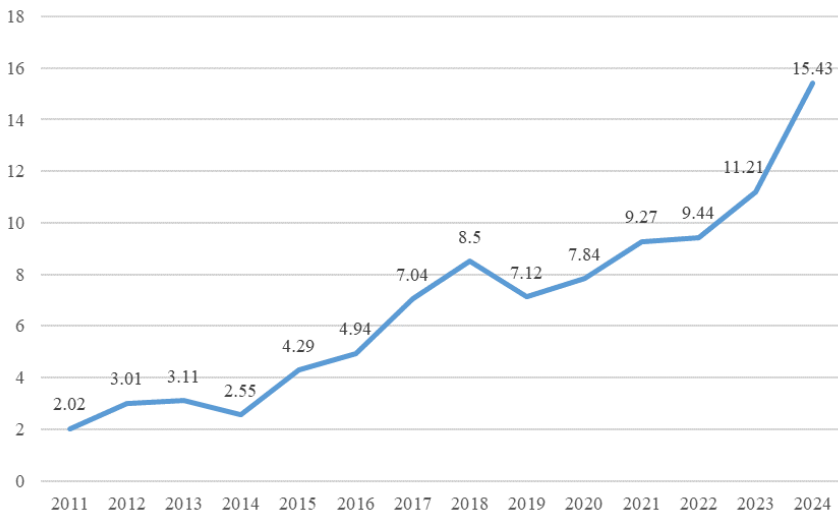

Рис. 4. Количество лиц в возрасте 60 лет и старше, совершивших преступление, предусмотренное ст. 258 УК РФ, и впоследствии осужденных в 2011–2024 гг. (% от общего числа осужденных по ст. 258 УК РФ в России)

⁷ См.: *Забавко Р. А.* Уголовная ответственность за незаконную охоту : дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2017. С. 100–101 ; *Курманов А. С.* Незаконная охота как экологическое преступление : учеб. пособие. Уфа : Изд-во БИСТ, 2019. С. 72.

Эта тенденция, на первый взгляд, противоречит сформулированному тезису об особых требованиях к психофизическому состоянию лиц, занимающихся охотой, однако фактически она подтверждает значимость специальных охотничьих навыков и умений, которые сглаживают проблемы физического состояния, оптимизируя поведение лица во время охоты. Кроме того, выявленный тренд – следствие использования высокопроходимых транспортных средств, высокотехнологичного оружия с оптическими прицелами, тепловизорами, лазерными целеуказателями и т. п., упрощающими процесс охоты и нивелирующими негативные возрастные изменения. Так, Ольхонским районным судом Иркутской области рассматривалось уголовное дело в отношении группы лиц, трое из которых были в возрасте 60 лет и старше. При совершении незаконной охоты соучастниками использовались автомобиль Nissan Patrol, ружье Browning BAR, тепловизор Pulsar Helion, рация Racio и др.⁸

В возрастной группе от 30 до 49 лет среди привлеченных к уголовной ответственности за совершение преступлений, предусмотренных ст. 258 УК РФ, проявляется преобладание военнообязанных, удельный вес которых, по полученным данным, составляет 85,19 % в ДФО и 81,81 % в СФО.

Образование. В судебной статистике выделяют четыре уровня образования: 1) высшее; 2) среднее профессиональное; 3) среднее общее; 4) основное общее, начальное, нет образования. Распределение незаконных охотников по уровням образования у исследователей различается и не совпадает с полученными результатами по ДФО и СФО и средними показателями по Российской Федерации (рис. 5), что, на наш взгляд, обусловлено особенностями эмпирической основы исследований, прежде всего ее временными и территориальными параметрами. Показатели по уровням образования варьируются: высшее – от 4 до 46 %; среднее

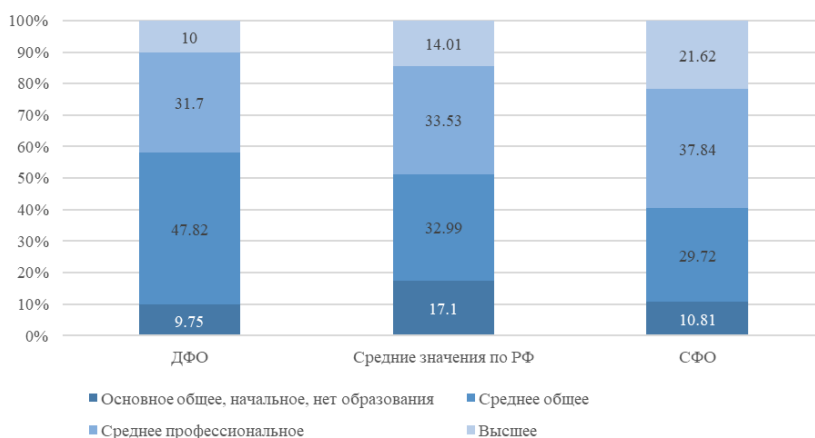

Рис. 5. Уровень образования осужденных по ст. 258 УК РФ в 2011–2024 гг.

⁸ См.: *Постановление* Ольхонск. район. суда Иркутск. обл. от 23 мая 2019 г. по уголов. делу № 1-27/2019 // Актофакт. 2019. URL: <https://actofact.ru/case-38RS0018-1-27-2019-2019-04-30-2-0/?ysclid=maim215y8z121706929> (дата обращения: 11.05.2025). См. также: *Приговор* Доволенск. Район. суда Новосибирск. обл. от 14 апр. 2021 г. по делу № 1-22/2021 // Актофакт. 2021. URL: <https://actofact.ru/case-54RS0016-1-22-2021-1-154-2020-2020-12-30-2-0/?ysclid=maikutxa97c496990456> (дата обращения: 11.05.2025) ; *Приговор* Зейск. район. суда Амурск. обл. от 26 янв. 2024 г. по делу № 1-4/2024 // Судеб. и номатив. акты РФ. 2024. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/FKnW1KFW8BdK/?ysclid=maitqc2sf9258166007> (дата обращения: 11.05.2025).

профессиональное – от 18,5 до 31,2 %; среднее общее – от 25 до 55,8 %; основное общее, начальное, нет образования – от 21,1 до 39 % [2, с. 90; 3, с. 52; 5, с. 110; 13, с. 326; 17, с. 166; 18, с. 394].

Общим в распределении по уровням образования незаконных охотников в ДФО, СФО и РФ является преобладание двух уровней образования – среднего профессионального и общего среднего (более 65 % от числа привлеченных к уголовной ответственности). В сравнении со средними значениями по России для ДФО и СФО характерен меньший удельный вес лиц с основным общим, начальным или отсутствием образования – соответственно 9,75 % и 10,8 % против 17,1 %.

Преобладание в структуре привлеченных к уголовной ответственности за незаконную охоту в ДФО лиц, имеющих среднее общее образование, как представляется, отражает особенности внутренней образовательной миграции. Почти четверть ежегодно прибывающих в Центральный федеральный округ с целью получения высшего образования – это приехавшие из регионов ДФО (108 676 чел.) [26, с. 29], то есть «вымываются» лица, потенциально способные получить высшее или среднее профессиональное образование по месту жительства или в субъектах того же округа. С учетом малочисленности населения ДФО (7 866 344 чел.) такой отток влияет на распределение населения по образовательным уровням⁹.

Ситуация с внутренней образовательной миграцией в СФО отличается, поскольку там расположены два привлекательных для абитуриентов центра получения образования – Новосибирская и Томская области [26, с. 28]. Численность населения СФО в 2,1 раза больше, чем ДФО, что если и сказывается на распределении населения по уровням образования, то не столь существенно по сравнению с ДФО. В результате

в СФО удельный вес незаконных охотников, имеющих среднее общее и среднее профессиональное образование, близок к среднероссийскому (стб. 2, 3 рис. 5), а доля лиц с высшим образованием больше показателя по РФ. В ДФО удельный вес лиц со средним общим образованием существенно выше, а с высшим – ниже по сравнению с СФО и среднероссийскими показателями (стб. 1–3 рис. 5).

Занятость. В научных публикациях подробная информация о занятости привлеченных к уголовной ответственности за незаконную охоту лиц практически не встречается, за исключением статьи И. В. Лавыгиной, в которой детализирована структура занятости, а представленные данные по Иркутской области в целом согласуются с нашими результатами и среднероссийскими показателями. Следует отметить, что И. В. Лавыгина пишет об условиях результатов по такой позиции, как «рабочие», к которым зачастую относят просто трудоустроенных лиц [3, с. 52–53].

Преимущественно в исследованиях указываются следующие данные: работающие – 51 %, 52 %, 89,7 %, неработающие – от 10,7 %, 37,5 %, 48 %; рабочие – 13 %, 36,5 %, 41,8 % [2, с. 91; 3, с. 52; 4, с. 151; 18, с. 394]. Некоторые авторы ограничиваются суждениями по типу: «значительная часть браконьеров... – это работающие... или имеющие постоянный источник доходов»; «некоторые занимают довольно высокие должности в органах власти, местного самоуправления, коммерческих организациях» или «имеют высокий социальный статус» и т. п. [15, с. 160; 27, с. 310].

По результатам обобщения судебной практики ДФО и СФО не работали 27,1 % и 29,5 % незаконных охотников соответственно. При этом корреляции между статистикой занятости по обоим округам (ДФО – 59,9 %, СФО – 57 %¹⁰) и занятостью привлеченных к уголовной

⁹ См.: *Оценка численности постоянного населения на 1 января 2024 г. и в среднем за 2023 г. и компоненты ее изменения* // Федер. служба гос. статистики. 2025. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 31.07.2025).

ответственности по ст. 258 УК РФ нет, что объясняется: 1) дороговизной этого вида криминальной деятельности, предполагающей как минимум наличие оружия и боеприпасов (хотя есть и более «экономные» способы добычи, например с применением удушающих металлических петель¹¹), а также транспортных средств, средств связи и т. п., что предполагает наличие доходов; 2) отражением фиксируемой исследователями тенденции развития «нестандартных форм занятости, главным образом связанных с дистанционной работой и платформенной занятостью» [28, с. 115]. До настоящего времени Междуна-

родная организация труда «не выработала единой позиции в отношении статуса работников, занятых в платформенной экономике,... являются ли они наемными работниками...» [28, с. 115–116], что не может не сказываться на «чистоте» отражения в статистике данных о занятости, которая с учетом изложенного может быть выше, чем фиксируемая в отчетах.

Структура занятости лиц, привлеченных к уголовной ответственности за незаконную охоту, по результатам обобщения судебной практики за 2011–2024 гг. в сопоставлении со средними показателями по России представлена в таблице 1.

Таблица 1

Занятость лиц, привлеченных к уголовной ответственности по ст. 258 УК РФ в 2011–2024 гг. (%)

№ п/п	Род деятельности	ДФО	СФО	РФ
		1	2	3
1	Рабочие	7,19	12,07	35,08
2	Сельскохозяйственные работники	0,72	2,3	1,86
3	Государственные и муниципальные служащие	1,44	2,87	1,3
4	Служащие коммерческих организаций	4,32	1,15	4,2
5	Занимающиеся предпринимательством и ИП	4,32	4,02	6,03
6	Учащиеся, студенты	–	0,57	0,41
7	Нетрудоспособные (неработающие)	–	–	6,16
8	Трудоспособные, не имеющие постоянного дохода	39,57	37,35	42,8
9	Военнослужащие	8,63	–	0,41
10	Сотрудники правоохранительных органов	1,44	0,57	0,79
11	Лица прочих занятий	–	–	2,82
12	Работающие, в судебных актах не указано место работы	32,37	39,08	–

¹⁰ См.: *Занятость и безработица в Российской Федерации в феврале 2020 года* (по итогам обследования рабочей силы) // Федер. служба гос. статистики. 2020. URL: https://web.archive.org/web/20200527223613/https://gks.ru/bgd/free/B04_03/IssWWW.exe/Stg/d05/53.htm (дата обращения: 28.06.2025).

¹¹ См., напр.: *Апелляционный приговор* Забайкальск. краевого суда по делу № 22-3058/2020 от 24 дек. 2020 г. // Архив решений арбитра. судов и судов общ. юрисдикции. 2020. URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/573433933> (дата обращения: 29.06.2025); *Приговор* Усть-Удинск. район. суда Иркутск. обл. по делу № 1-51/2018 от 30 марта 2018 г. // Судеб. и норматив. акты РФ. 2018. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/swJBGz6utZX/?ysclid=mch6ky3gx917414241> (дата обращения: 29.06.2025).

Во-первых, большая часть полученных результатов по ДФО и СФО и средние показатели по России, несмотря на некоторые различия, сопоставимы и находятся в пределах допустимой погрешности для прикладных исследований (стр. 2–8, стб. 1–3 табл. 1). Во-вторых, в форме 11.1 есть элемент актуализации видов занятости – отдельной строкой выделяются трудоспособные лица без постоянного источника дохода. В-третьих, наблюдаются различия в показателе «рабочие» по ДФО и СФО в сравнении со средним показателем по России (стр. 1, стб. 1–3 табл. 1). Допустим, что эта диспропорция является следствием структуры занятости в ДФО и СФО, где лидирующие позиции занимают оптовая и розничная торговля, сфера образования, транспортировка и хранение [29, с. 125; 30, с. 396–404]. В-четвертых, существенно меньший удельный вес незанятых косвенно подтверждает, что мотивы незаконной охоты по большей части не обусловлены тяжелым материальным положением, как об этом пишут некоторые авторы [2, с. 90; 3, с. 53; 5, с. 110; 16, с. 97; 31, с. 71].

Семейное положение. Наличие детей. Состояние в браке имеет разные показатели в опубликованных источниках – жены 54 %, 58 %, около 70 %, 98 % [2, с. 90; 4, с. 152; 17, с. 166; 31, с. 71]. Удельный вес состоящих в браке россиян в целом по России в 2010 г. составил 57,3 %, а в 2020 г. – 58 %, из них в официальном браке – 53 %. При этом отмечается тенденция снижения количества заключаемых браков [32, с. 5–6; 33, с. 88].

Что касается наличия детей, то в научной литературе отмечается, что большинство незаконных охотников имеют детей [31, с. 71].

Таким образом, семейное положение незаконно охотившихся лиц следую-

щее: в ДФО жены 64,83 %, есть дети у 79,13 %; в СФО жены 71,3 %, есть дети у 77,07 %. Словом, удельный вес состоящих в браке охотников, осужденных по ст. 258 УК РФ, существенно превышает российский показатель брачности.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ ПРИЗНАКИ ЛИЧНОСТИ ОСУЖДЕННОГО ЗА НЕЗАКОННУЮ ОХОТУ

По данным исследователей, судимость привлеченных к уголовной ответственности незаконных охотников варьируется от 7 % до 7,5 % [3, с. 53; 5, с. 110]. Наши результаты по ДФО и СФО составляют, соответственно, 6,85 % и 5,83 %. Средний показатель по России за период с 2011 по 2024 г. равен 4,87 %, что сопоставимо как с приводимыми другими авторами значениями, так и с полученными нами результатами, и соответствует допустимой погрешности. По результатам изучения судебной практики ДФО и СФО, привлеченные к уголовной ответственности за незаконную охоту чаще всего осуждались за совершение преступлений против собственности (в порядке убывания: кражи, грабежи, разбой – пп. «а», «б», «в» ч. 2 ст. 158, пп. «а», «г» ч. 3 ст. 158, ч. 1 ст. 161, п. «г» ч. 2 ст. 161, ч. 2 ст. 162 гл. 21 УК РФ). Далее следуют преступления против жизни и здоровья (ч. 1 ст. 105, ч. 4 ст. 111, ч. 1 ст. 112, ч. 1 ст. 119 гл. 18 УК РФ), против общественной безопасности (ч. 1 ст. 222, ч. 1 ст. 222.1 гл. 24 УК РФ). В единичных случаях осужденные за незаконную охоту имели судимости за совершение преступлений, предусмотренных ст.ст. 131, 228, 264.1, 291, 325 УК РФ. Что касается повторности привлечения к уголовной ответственности по ст. 258 УК РФ, то в изученной судебной практике выявлены только два таких случая – в Красноярском крае и Республике Хакасия¹².

¹² См., напр.: *Апелляционное* постановление Богградск. район. суда Респ. Хакасия от 30 янв. 2024 г. по делу № 10-1/2024 // Судеб. и норматив. акты РФ. 2024. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/uGANKFLo9BJh/> (дата обращения: 03.07.2025); *Апелляционное* постановление Красноярск. краевого суда от 26 окт. 2023 г. по делу № 22–7517/2023 // Судеб. и норматив. акты РФ. 2023. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/6fRc6l8mXaJ0/> (дата обращения: 03.07.2025).

ПРАВСТВЕННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ ЛИЧНОСТИ ОСУЖДЕННОГО ЗА НЕЗАКОННУЮ ОХОТУ

Правственно-психологические составляющие личности осужденного за незаконную охоту можно анализировать по отражаемой в судебных решениях информации: 1) о привлечении к административной ответственности; 2) наличии зависимостей и совершении преступлений в состоянии опьянения; 3) по характеристикам, приобщенным к материалам уголовных дел.

Привлечение к административной ответственности может свидетельствовать о пренебрежительном отношении к закону. В ДФО и СФО удельный вес осужденных по ст. 258 УК РФ, привлекавшихся к административной ответственности, по полученным нами данным, составил 3,62 % и 1,95 % соответственно. Чаще всего инкриминировавшиеся административные правонарушения не связаны с нарушением экологического законодательства, в том числе правил охоты, но иногда такие факты встречаются¹³.

Опьянение. В проанализированной судебной практике отсутствуют случаи совершения незаконной охоты в состоянии алкогольного или какого-либо иного опьянения (те же данные находим у В. С. Ишигеева, А. Я. Бондаря [2, с. 91]), что связано со спецификой незаконной охоты, требующей концентрации внимания и хорошего физического состояния. Однако 5,07 % осужденных за незаконную охоту по результатам обобщения судебной практики ДФО состояли на учете в связи с алкогольной и наркотической зависимостями. Средний показатель совершения незаконной охоты в состоянии опьянения в России за период с 2011 по 2024 г. составляет 1,97 %. При этом в статистических отчетах речь идет исключительно

об алкогольном опьянении, и только в отчете за 2024 г. зафиксирован один случай незаконной охоты в состоянии опьянения от новых потенциально опасных психоактивных веществ.

Характеристики, приобщенные к материалам уголовных дел, делятся на положительные, удовлетворительные (посредственные) и отрицательные. Они выдаются по месту работы (учебы) или месту жительства. В этих документах обычно содержится информация об отношении к работе, характере взаимоотношений с сослуживцами, членами семьи, соседями, поведении в быту, включая наличие зависимостей, и др. Подавляющее большинство привлеченных к уголовной ответственности за незаконную охоту лиц в ДФО и СФО характеризуются, соответственно, положительно – 88,3 % и 74,23 %; удовлетворительно – 10,94 % и 25,72 %; отрицательно только по ДФО – 0,72 %.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы.

1. Несколько факторов затрудняют изучение личности незаконного охотника: 1) фрагментарность размещения на сайтах судебных департаментов субъектов ДФО и СФО отчетов по формам 11.1 и 11.2, в которых отражаются сведения о личности привлеченных к уголовной ответственности по различным составам УК РФ; 2) несогласованность применяемой терминологии в различных формах отчетов Судебного департамента при ВС РФ, его подразделений в субъектах РФ и статистических отчетах Федеральной службы государственной статистики, что затрудняет выявление корреляций (или их отсутствия) между демографической характеристикой населения России и федеральных округов в целом и привлеченными к уголовной

¹³ См.: *Постановление* о прекращении уголовного дела Сквородинск. район. суда Амурск. обл. от 13 мая 2020 г. по делу № 1-65-2020 // Судеб. и норматив. акты РФ. 2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/1bnr5MprERtm/> (дата обращения: 03.07.2025).

ответственности по ст. 258 УК РФ в частности; 3) фрагментарность размещения судебных решений в сети Интернет.

2. Несмотря на указанные затруднения, результаты обобщения информации о личности привлеченных к уголовной ответственности по ст. 258 УК РФ, содержащейся в проанализированных судебных решениях, в целом корреспондируют средним показателям характеристики личности осужденного за незаконную охоту, содержащейся в отчетах форм 11.1 и 11.2 Судебного департамента при ВС РФ.

3. Усредненная характеристика личности осужденного за незаконную охоту в ДФО и СФО, составленная на основе выявленных доминирующих признаков по результатам обобщения судебной практики, выглядит следующим образом: гражданин Российской Федерации, мужчина,

постоянно проживающий по месту совершения незаконной охоты или на территориях, прилегающих к месту незаконной охоты, со средним общим и средним профессиональным образованием, работающий или имеющий доходы, военнообязанный, в возрасте от 30 до 49 лет, женатый, имеющий детей, несудимый, не состоящий на учетах в психоневрологическом и наркологическом диспансерах, не привлекавшийся к административной ответственности, положительно характеризующийся.

4. Выявленные различия по отдельным демографическим признакам личности осужденного за незаконную охоту между показателями в ДФО, СФО и показателями по Российской Федерации, приводимыми некоторыми авторами, по нашему мнению, обусловлены особенностями эмпирической основы.

Список литературы

1. Редникова Т. В. Структура экологической преступности в Российской Федерации и направления ее профилактики // Союз криминалистов и криминологов. 2021. № 1. С. 15–22. DOI: <https://doi.org/10.31085/2310-8681-2021-1-204-15-22>
2. Ишигеев В. С., Бондарь А. Я. Особенности личности преступника в сфере незаконной охоты и добычи водных биологических ресурсов // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2013. № 2. С. 88–93.
3. Лавыгина И. В. Криминологическая характеристика личности преступников, совершающие экологические преступления в Иркутской области // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2012. № 2. С. 51–56.
4. Нецветова Е. В. Криминологическая характеристика личности браконьера (на примере незаконной охоты) // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2013. № 1 (90). С. 148–153.
5. Тарайко В. И. Анализ личности экологического преступника // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2013. № 3. С. 108–114.
6. Дубовик О. Л. Экологическая преступность в Российской Федерации: состояние, тенденции и связи с транснациональной, коррупционной и организованной преступностью // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2010. № 1. С. 17–29.
7. Курило Т. В. Противодействие торговле редкими и вымирающими видами животных в Интернете (на примере законодательства Республики Беларусь) // Сибирские уголовно-процессуальные и криминологические чтения. 2016. № 5 (13). С. 81–90.
8. Редникова Т. В. Организованная экологическая преступность в России и за рубежом: криминологическая характеристика и меры противодействия // Lex Russica (Русский закон). 2018. № 9 (142). С. 98–111. DOI: <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2018.142.9.098-111>
9. Ляпустин С. Н., Фоменко П. В. Незаконный оборот и борьба с браконьерством и контрабандой редких видов животных и растений на Дальнем Востоке России (2009–2014 гг.): моногр. Владивосток: Апельсин, 2015. 90 с.
10. Игликова С. Д. Экологическая преступность как угроза национальной безопасности // Актуальные научные исследования в современном мире. 2021. № 6-4 (74). С. 109–111.
11. Ишигеев В. С., Бондарь А. Я. Браконьерство как новый вид криминального профессионализма // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2013. № 3 (54). С. 38–40.
12. Васильева М. А. Криминологические аспекты изучения личности преступника, совершившего экологические преступления // Академическая мысль. 2018. № 3 (4). С. 19–21.

13. Кузнецова Н. И. Криминологический портрет личности экопреступника и его вариации // *Личность преступника в изменяющемся мире (Долговские чтения) : сб. материалов III всерос. науч.-практ. конф. (Москва, 23–24 марта 2023 г.) / науч. ред. В. В. Меркурьев, Ю. А. Тимошенко ; [сост.: М. В. Ульянов, Р. В. Закомолдин]. М., 2023. С. 324–330.*
14. Курманов А. С. Криминологическая характеристика незаконной охоты // *Вестник Челябинского государственного университета. 2003. № 1 (5). С. 47–51.*
15. Чаплыгина В. Н. Структурные элементы криминалистической характеристики незаконной охоты // *Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2021. № 1 (17). С. 155–162. DOI: <https://doi.org/10.24412/2587-9820-2021-1-155-162>*
16. Игликова С. Д. Особенности личности браконьера // *Актуальные научные исследования в современном мире. 2020. № 2-3 (58). С. 95–99.*
17. Коваленко О. В. Личность браконьеров как элемент криминалистической характеристики преступлений в сфере экологии // *Theoretical & Applied Science. 2018. № 4 (60). Р. 164–167. DOI: <https://doi.org/10.15863/TAS.2018.04.60.32>*
18. Краснослободцева Н. В. Личность преступника как один из элементов криминологической характеристики экологических преступлений // *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2011. № 12-1 (104). С. 393–396.*
19. Редникова Т. В. Анализ личности экологического преступника // *Уголовное право: истоки, реалии, переход к устойчивому развитию : материалы VI Рос. конгресса уголовного права, Москва, 26–27 мая 2011 г. / отв. ред. В. С. Комиссаров. М. : Проспект, 2011. С. 626–629.*
20. Цыганков В. А., Жаркова С. Л. Классификация и систематизация трудоспособного населения по возрастным группам // *Омский научный вестник. 2009. № 4 (79). С. 67–70.*
21. Колесов С. Г. Теория Э. Эриксона основных стадий жизненного пути личности и формирование законопослушного поведения // *Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2012. № 4. С. 272–275.*
22. Киселев С. Н. Тенденции изменения возрастной структуры населения Дальневосточного федерального округа в начале XXI века // *Россия: тенденции и перспективы развития : ежегод. / отв. ред. В. И. Герасимов. М. : ИНИОН РАН, 2017. Вып. 12, ч. 1. С. 724–726.*
23. Лещенко Я. А. Структурные изменения демографического потенциала Сибири: основные тенденции и следствия // *Известия Иркутской государственной экономической академии. 2012. № 5. С. 137–142.*
24. Абдумуталибов М. Г. К вопросу о субъекте незаконной охоты // *Юг России: экология, развитие. 2014. Т. 9, № 4. С. 146–149.*
25. Бондарь А. Я. Криминологическая характеристика личности несовершеннолетних преступников при совершении деяний, предусмотренных статьями 256, 258 УК РФ: сравнительный анализ // *Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. Иркутск. 2024. № 1 (23). С. 9–15.*
26. Образовательная миграция в современной России: тенденции и проблемы / Е. А. Капшук, Е. Ю. Костина, Н. А. Орлова, Г. Цэрэн // *Теория и практика общественного развития. 2022. № 3 (169). С. 26–32. DOI: <https://doi.org/10.24158/tpor.2022.3.3>*
27. Уварова И. А. Криминалистическая характеристика незаконной охоты и особенности возбуждения уголовного дела // *Современные проблемы управления природными ресурсами и развитием социально-экономических систем : материалы XII междунар. науч. конф. : в 4 ч. / под ред. А. В. Семенова, Н. Г. Малышева, Ю. С. Руденко. М. : Изд-во ЧОУВО «МУ им. С.Ю. Витте», 2016. Ч. 4. С. 307–314.*
28. Дымова И. А., Нехода Е. В. Тенденции развития занятости в современной экономике // *Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2022. № 57. С. 102–118. DOI: <https://doi.org/10.17223/19988648/57/7>*
29. Бреславский А. С. Трансформация структуры занятости населения в регионах Дальнего Востока в 1990-е – 2010-е гг. // *Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2022. № 4 (50). С. 118–125. DOI: <https://doi.org/10.18324/2224-1833-2022-4-118-125>*
30. Кашепов А. В. Отраслевая структура занятости населения в регионах России // *Вестник Алтайской академии экономики и права. 2024. № 3-3. С. 396–404. DOI: <https://doi.org/10.17513/vaael.3361>*
31. Фаткуллин С. Т., Грищенко В. А. Противдействие экологической преступности (на примере Курганской и Челябинской областей) // *Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. 2019. Т. 4, № 2. С. 63–77. DOI: <https://doi.org/10.24411/2618-8236-2019-14209>*
32. Короленко А. В. Брачно-семейная структура: состояние и тенденции в итогах переписей населения России // *Социальное пространство. 2023. Т. 9, № 2. Ст. 3. DOI: <https://doi.org/10.15838/sa.2023.2.38.4>*
33. Давлетшина Л. А., Долгих Е. А. Статистический анализ брачности и разводимости в Российской Федерации и ее регионах // *Вестник университета. 2018. № 7. С. 88–92. DOI: <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2018-7-88-92>*

References

1. Rednikova T. V. The Structure of Environmental Crime in the Russian Federation and the Directions of Its Prevention. *The Union of Criminologists and Criminologists*. 2021;1:15-22. DOI: <https://doi.org/10.31085/2310-8681-2021-1-204-15-22> (In Russ.)
2. Ishigeev V. S., Bondar' A. Ja. Criminal personality aspects in illegal hunt and aquatic biological resources extraction. *Criminology Journal of Baikal National University of Economics and Law*. 2013;2:88-93. (In Russ.)
3. Lavigina I. V. Criminological Characteristics of Personality of Criminals Committing Environmental Crimes in Irkutsk Region. *Criminology Journal of Baikal National University of Economics and Law*. 2012;2:51-56. (In Russ.)
4. Netzvetova E. V. Forensic Characteristics of the Poacher's Personality (on the Example of Illegal Hunting). *Saratov State Law Academy Bulletin*. 2013;1:148-153. (In Russ.)
5. Tarayko V. I. Analysis of Personality of an Environmental Offender. *Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanitarian and Social Sciences*. 2013;3:108-114. (In Russ.)
6. Dubovik O. L. Environmental Crimes in the Russian Federation: Condition, Trends and Their Transnational, Corruption and Organized Crime Links *Criminology Journal of Baikal National University of Economics and Law*. 2010;1:17-29. (In Russ.)
7. Kuryla T. V. Countering the Trade of Rare and Endangered Species of animals on the Internet (by the Example of the Legislation of the Republic of Belarus). *Siberian Criminal Procedure and Criminalistic Readings*. 2016;5:81-90. (In Russ.)
8. Rednikova T. V. Organized Environmental Crime in Russia and Abroad: Criminological Characteristics and Countermeasures. *Lex Russica*. 2018;9:98-111. DOI: <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2018.142.9.098-111> (In Russ.)
9. Lyapustin S. N., Fomenko P. V. *Illegal Turnover and the Fight Against Poaching and Smuggling of Rare Species of Animals and Plants in the Far East of Russia (2009–2014)*. Vladivostok: Apelsyn Publ.; 2015. 90 p. (In Russ.)
10. Iglykova S. D. Environmental Crime as a Threat to National Security. *Current Scientific Research in the Modern World*. 2021;6-4:109-111. (In Russ.)
11. Ishigeyev V. S., Bondar' A. Ya. Illegal Hunting as a New Type of "Criminal Professionalism". *Psychopedagogics in Law Enforcement*. 2013;3:38-40. (In Russ.)
12. Vasilyeva M. A. Criminalistic Aspects in the Identity of Criminal Committed an Ecological Crime. *Academic Thought*. 2018;3:19-21. (In Russ.)
13. Kuznetsova N. I. Criminological Portrait of the Personality of an Ecocriminal and Its Variations. In: Merkur'ev V. V., Timoshenko Yu. A. (Eds.) *The Criminal's Personality in the Changing World (Dolgovskie Readings)*. Moscow, 2023. P. 324–330. (In Russ.)
14. Kurmanov A. S. Criminological Characteristics of Illegal Hunting. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2003;1:47-51. (In Russ.)
15. Chaplygina V. N. Structural Elements of Forensic Characteristics of Illegal Hunting. *Criminalistics: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2021;1:155-162. DOI: <https://doi.org/10.24412/2587-9820-2021-1-155-162> (In Russ.)
16. Iglykova S. D. Features of the Poacher's Personality. *Actual Scientific Research in the Modern World*. 2020;2-3:95-99. (In Russ.)
17. Kovalenko O. V. The Personality of Poachers as an Element of the Criminalistic Characteristics of Crimes in the Ecological Sphere. *Theoretical & Applied Science*. 2018;04:164-167. DOI: <https://doi.org/10.15863/TAS.2018.04.60.32> (In Russ.)
18. Krasnoslobodtseva N. V. Personality of Criminal as One of the Elements of Criminological Characteristics of Ecological Crimes. *Tambov University Review: Series Humanities*. 2011;12-1:393-396. (In Russ.)
19. Rednikova T. V. Analysis of the Personality of an Environmental Criminal. In: Komissarov V. S. (Ed.). *Criminal Law: Origins, Realities and Transition to Sustainable Development*. Moscow: Prospect Publ.; 2011. P. 626–629 (In Russ.)
20. Tsygankov V. A., Zharkova S. L. Classification and Systematization of the Able-Bodied Population in Age Groups. *Omsk Scientific Bulletin*. 2009;4:67-70. (In Russ.)
21. Kolesov S. G. E. Erikson's Theory of the Main Stages of a Person's Life Path and the Formation of Law-Abiding Behavior. *Actual Problems of Humanitarian and Natural Sciences*. 2012;4:272-275. (In Russ.)
22. Kiselev S. N. Trends in Changing the Age Structure of the Population of the Far Eastern Federal District at the Beginning of the 21st Century. In: Gerasimov V. I. (Ed.). *Russia: Tendencies and Perspectives of Development. Iss. 12, pt. 1*. Moscow: INION RAN Publ.; 2017. P. 724–726. (In Russ.)
23. Leshchenko Ya. A. Structural Changes of Siberia's Demographic Potential: Main Trends and Consequences. *Izvestiya of Irkutsk State Economics Academy*. 2012;5:137-142. (In Russ.)
24. Abdulmutalibov M. G. On the Subject of Illegal Hunting. *South of Russia: Ecology, Development*. 2014;9(4):146-149. (In Russ.)
25. Bondar A. Y. Criminological Characteristic of Personality Juvenile Offenders in the Commission of Acts Stipulated By Articles 256, 258 of the Criminal Code of the Russian Federation: Comparative Analysis. *Scientific Digest of East-Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation*. 2024;1:9-15. (In Russ.)

26. Kapshuk E. A., Kostina E. Yu., Orlova N. A., Tseren G. Educational Migration in Modern Russia: Trends and Issues. *Theory and Practice of Social Development*. 2022;3:26-32. DOI: <https://doi.org/10.24158/tpor.2022.3.3> (In Russ.).

27. Uvarova I. A. The Criminalistic Characteristic of Illegal Hunting and the Peculiarities of the Criminal Case. In: Semenova A. V., Malysheva N. G., Rudenko Yu. S. (Eds.). *Modern Problems of Natural Resource Management and Development of Social and Economic Systems*. Moscow: Moscow Witte University Publ.; 2016. P. 307–314. (In Russ.)

28. Dymova, I. A., Nekhoda, E. V. Trends in Employment Development in the Modern Economy. *Tomsk State University Journal of Economics*. 2022;57:102-118. DOI: <https://doi.org/10.17223/19988648/57/7> (In Russ.)

29. Breslavsky A. S. Transformation of the Employment Patterns in the Regions of the Far East in the 1990s–2010s. *Issues of Social-Economic Development of Siberia*. 2022;4:118-125. DOI: <https://doi.org/10.18324/2224-1833-2022-4-118-125> (In Russ.)

30. Kashpov A. V. The Sectoral Structure of Employment in the Regions of Russia. *Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law*. 2024;3-3:396-404. DOI: <https://doi.org/10.17513/vaael.3361> (In Russ.)

31. Fatkulin S. T. Grischenko V. A. Combating Environmental Crime (on the Example of Kurgan and Chelyabinsk Regions). *Bulletin of Chelyabinsk State University. Series: Law*. 2019;4(2):63-77. DOI: <https://doi.org/10.24411/2618-8236-2019-14209> (In Russ.)

32. Korolenko A. V. Marriage and Family Structure: State and Trends in the result:s of the Russian cens:us. *Social Area*. 2023;9(2):3. DOI: <https://doi.org/10.15838/sa.2023.2.38.4> (In Russ.)

33. Davletshina L., Dolgikh E. Statistical Analysis of Marriage and Divorce in the Russian Federation and Its Regions. *Vestnik Universiteta*. 2018;7:88–92. DOI: <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2018-7-88-92> (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Алла Васильевна Верещагина, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Владивостокского государственного университета (ул. Гоголя, 41, Владивосток, 690014, Российская Федерация), кандидат юридических наук, доцент; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2243-0007>; SPIN-код: 3889-3723; AuthorID: 287430; e-mail: vereschagina_alla@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Alla V. Vereshchagina, Associate Professor of the Department of Criminal Law Disciplines at the Vladivostok State University (41 Gogolya str., Vladivostok, 690014, Russian Federation), Candidate of Legal Sciences, Associate Professor; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2243-0007>; SPIN-код: 3889-3723; AuthorID: 287430; e-mail: vereschagina_alla@mail.ru

Поступила | Received
02.08.2025

Поступила после рецензирования
и доработки | Revised
03.09.2025

Принята к публикации | Accepted
26.09.2025

УДК 343.352

DOI: 10.19073/2658-7602-2026-23-1-157-166

EDN: AKLRXP

Оригинальная научная статья

Особенности квалификации подкупа работника контрактной службы, контрактного управляющего, члена комиссии по осуществлению закупок

Н. В. Игнатьева *Восточно-Сибирское линейное управление МВД России на транспорте,**Иркутск, Российская Федерация*✉ ignatiewa.natalya2013@yandex.ru

Аннотация. Преступление, предусмотренное статьей 200.5 «Подкуп работника контрактной службы, контрактного управляющего, члена комиссии по осуществлению закупок» Уголовного кодекса Российской Федерации, является относительно новым в уголовном законодательстве. Диспозиция статьи 200.5 Уголовного кодекса Российской Федерации носит бланкетный характер, в связи с чем при квалификации преступлений приходится обращаться к нормам гражданского и бюджетного права, что существенно осложняет данный процесс. Нормативного разъяснения Верховного Суда Российской Федерации о единообразном применении норм до настоящего времени не дано. В связи с изложенным у правоприменителей возникают проблемы при квалификации деяний, связанных с подкупом работников контрактной службы, контрактных управляющих, членов комиссии по осуществлению закупок, в том числе связанных с кругом охраняемых уголовным законом общественных отношений, а именно связанных с понятием «закупки товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд», соотношением контрактной системы с корпоративными закупками и закупками по прямому гражданско-правовым договорам. Практика применения данной статьи нарабатывается также судом. С 2018 по 2024 год зарегистрировано 194 преступления, судами рассмотрено 87 уголовных дел, осуждены 43 лица, их совершивших. При изучении решений судов выявлена тенденция к расширительному толкованию процедуры закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд, что связано с необходимостью уголовно-правовой охраны интересов государства при осуществлении специальными субъектами подкупа различного вида закупок. На основе изучения законодательного подхода к регламентации контрактной системы в Российской Федерации в части закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд и корпоративных закупок субъектами, участвующими в реализации интересов Российской Федерации, а также изучения судебной практики при реализации уголовной ответственности за подкуп специальных субъектов в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд предложены меры для совершенствования защиты интересов государства.

Ключевые слова: закупка для государственных нужд; подкуп; ассигнования федерального бюджета; субсидии; гражданско-правовые договоры; корпоративные закупки; защита бюджетных средств

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Игнатьева Н. В. Особенности квалификации подкупа работника контрактной службы, контрактного управляющего, члена комиссии по осуществлению закупок // Сибирское юридическое обозрение. 2026. Т. 23, № 1. С. 157–166. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2026-23-1-157-166>. EDN: <https://elibrary.ru/aklrpx>

Original scientific article

Specific Issues of Qualifying Bribery of a Contract Service Employee, Contract Manager, or Member of a Procurement Commission

N. V. Ignatieva

East Siberian Linear Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia for Transport, Irkutsk, Russian Federation

✉ ignatieva.natalya2013@yandex.ru

Abstract. The offence under Article 200.5 of the Criminal Code of the Russian Federation (“Bribery of a contract service employee, contract manager, or member of a procurement commission”) is a relatively new provision of Russian criminal law. The disposition of Article 200.5 is blanket in nature; therefore, when qualifying the offence it is necessary to refer to rules of civil and budget law, which significantly complicates the process. To date, the Supreme Court of the Russian Federation has not issued interpretative guidance to ensure uniform application of this provision. As a result, law-enforcement authorities encounter difficulties in qualifying acts involving bribery of contract service employees, contract managers, and members of procurement commissions. These difficulties include issues related to the scope of social relations protected by criminal law—namely, the concept of “procurement of goods, works and services for state and municipal needs,” the relationship between the contract system and corporate procurement, and procurement carried out under direct civil-law contracts. Judicial practice is also still developing. Between 2018 and 2024, 194 offences were registered; courts examined 87 criminal cases and convicted 43 persons. Examination of court decisions reveals a tendency toward an expansive interpretation of procurement procedures for state and municipal needs, which is associated with the need for criminal-law protection of the State’s interests where special subjects commit bribery in relation to various types of procurement. Based on analysis of the legislative approach to regulating the contract system in the Russian Federation in the sphere of procurement of goods, works and services for state and municipal needs, as well as corporate procurement by entities involved in implementing the interests of the Russian Federation, and based on judicial practice on imposing criminal liability for bribery by special subjects in the procurement sphere, the article proposes measures aimed at strengthening protection of the State’s interests.

Keywords: procurement for state needs; bribery; federal budget appropriations; subsidies; civil-law contracts; corporate procurement; protection of budget funds

Conflict of interest. The Author declares no conflict of interest.

For citation: Ignatieva N. V. Specific Issues of Qualifying Bribery of a Contract Service Employee, Contract Manager, or Member of a Procurement Commission. *Siberian Law Review*. 2026;23(1):157-166. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2026-23-1-157-166>. EDN: <https://elibrary.ru/aklrxp> (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Квалификация преступления, предусмотренного ст. 200.5 «Подкуп работника контрактной службы, контрактного управляющего, члена комиссии по осуществлению закупок» Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ),

имеет свои особенности, обусловленные спецификой защищаемых общественных отношений. Эти особенности в большей степени связаны с объектом преступления и его субъектами, для понимания которых законодатель отсылает к различным нормативным правовым актам. В данном

исследовании рассматриваются особенности квалификации подкупа работника контрактной службы, контрактного управляющего, члена комиссии по осуществлению закупок товаров, работ, услуг (далее – подкуп специальных субъектов в сфере закупок) для обеспечения государственных и муниципальных нужд по признаку объекта, то есть сферы защищаемых уголовным законом общественных отношений.

Сущес­т­вующие подходы к определению объекта подкупа специальных субъектов

К объекту рассматриваемого преступления относятся охраняемые уголовным законодательством общественные и бюджетные отношения, связанные с функционированием контрактной системы в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, а также установленный порядок осуществления закупок.

В теории гражданского права существует два подхода к пониманию закупок для государственных (муниципальных) нужд:

1) закупки осуществляются государственными и муниципальными заказчиками в соответствии с порядком, установленным Федеральным законом от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ и услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»¹ (далее – ФЗ № 44-ФЗ) [1, с. 22; 2, с. 183; 3, с. 18; 4, с. 59; 5, с. 38; 6, с. 60];

2) закупки осуществляются как заказчиками в соответствии с порядком, уста-

новленным ФЗ № 44-ФЗ, так и иными юридическими лицами в соответствии с порядком, установленным Федеральным законом от 18 июля 2011 г. № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц»² (далее – ФЗ № 223-ФЗ) [7, с. 249; 8]³.

Кроме того, при изучении практики применения ст. 200.5 УК РФ выявлен еще один подход, формируемый правоприменителем, к пониманию закупок для государственных и муниципальных нужд: минуя контрактную систему, закупки могут быть осуществлены по гражданско-правовым договорам в соответствии с нормами Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) в случае предоставления субсидии из бюджета в порядке, предусмотренном ст. 78.1 Бюджетного кодекса Российской Федерации (далее – БК РФ).

Законодательное определение сферы подкупа специальных субъектов

Поскольку ст. 200.5 УК РФ по своей конструкции носит бланкетный характер, то уголовно-правовая защита распространяется на несколько сфер общественных отношений. Для правильного определения объекта преступления, связанного с закупкой товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, необходимо в системной общности рассмотреть несколько нормативных актов из разных отраслей права.

Статьями 525 и 765 ГК РФ предусмотрено, что к отношениям по поставке товаров и выполнению подрядных работ

¹ Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³ См., напр.: Краев Н. А., Борисов А. Н. Комментарий к Федеральному закону от 18 июля 2011 г. № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» (постатейный). М. : Деловой двор, 2012. С. 3 ; *Контрактная система в сфере закупок : учеб. пособие* / М. А. Королева, Е. С. Кондюкова, Л. В. Дайнеко, М. Ф. Власова ; под ред. В. А. Ларионовой. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та. 2020. С. 38 ; *Шурпаев Ш. М.* Уголовно-правовая и криминологическая характеристика преступлений коррупционной направленности в сфере закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021. С. 65.

для государственных и муниципальных нужд в части, не урегулированной ГК РФ, применяются иные законы. К таким законам, в частности, относятся ФЗ № 44-ФЗ, Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 275-ФЗ «О государственном оборонном заказе» (далее – ФЗ № 275-ФЗ), Федеральный закон от 29 декабря 1994 г. № 79-ФЗ «О государственном материальном резерве» (далее – ФЗ № 79-ФЗ), Федеральный закон от 13 декабря 1994 г. № 60-ФЗ «О поставках продукции для федеральных государственных нужд» (далее – ФЗ № 60-ФЗ) и Федеральный закон от 2 декабря 1994 г. № 53-ФЗ «О закупках и поставках сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия для государственных нужд».

Размещение государственного оборонного заказа (ст. 6 ФЗ № 275-ФЗ), закупка материальных ценностей в государственный резерв (ст. 9 ФЗ № 79-ФЗ), размещение заказов на поставку продукции для федеральных государственных нужд (ст. 3 ФЗ № 60-ФЗ) осуществляются в порядке, установленном законодательством о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд.

Кроме того, согласно ст.ст. 69, 69.1 БК РФ одним из видов бюджетных ассигнований являются ассигнования на оказание государственных (муниципальных) услуг (выполнение работ), включая ассигнования на закупку товаров, работ, услуг для обеспечения государственных (муниципальных) нужд. Как следует из ст. 72 БК РФ, закупки товаров, работ, услуг для обеспечения государственных (муниципальных) нужд осуществляются в соответствии с законодательством Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных (муниципальных) нужд с учетом положений БК РФ.

Положения о контрактной системе в Российской Федерации предусмотрены

ФЗ № 44-ФЗ. Под контрактной системой в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд (далее – контрактная система в сфере закупок) понимается совокупность участников контрактной системы в сфере закупок (федеральный орган исполнительной власти по регулированию контрактной системы в сфере закупок, исполнительные органы субъектов Российской Федерации по регулированию контрактной системы в сфере закупок, иные федеральные органы исполнительной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления, уполномоченные на осуществление нормативно-правового регулирования и контроля в сфере закупок, Государственная корпорация по атомной энергии «Росатом», Государственная корпорация по космической деятельности «Роскосмос», заказчики, участники закупок, в том числе признанные поставщиками (подрядчиками, исполнителями), уполномоченные органы, уполномоченные учреждения, специализированные организации, операторы электронных площадок, операторы специализированных электронных площадок) и осуществляемых ими, в том числе с использованием единой информационной системы в сфере закупок (за исключением случаев, если использование такой единой информационной системы не предусмотрено ФЗ № 44-ФЗ), в соответствии с законодательством Российской Федерации и иными нормативными правовыми актами о контрактной системе в сфере закупок действий, направленных на обеспечение государственных и муниципальных нужд (п. 1 ч. 1 ст. 3 ФЗ № 44-ФЗ).

Кроме того, согласно п. 3 ч. 1 ст. 3 ФЗ № 44-ФЗ под закупкой товара, работы, услуги для обеспечения государственных или муниципальных нужд понимается совокупность действий, осуществляемых в установленном ФЗ № 44-ФЗ порядке

заказчиком и направленных на обеспечение государственных или муниципальных нужд. Закупка начинается с определения поставщика (подрядчика, исполнителя) и завершается исполнением обязательств сторонами контракта. В случае, если в соответствии с ФЗ № 44-ФЗ не предусмотрено размещение извещения об осуществлении закупки или направление приглашения принять участие в определении поставщика (подрядчика, исполнителя), закупка начинается с заключения контракта и завершается исполнением обязательств сторонами контракта.

Таким образом, законодатель определил сферу подкупа специальных субъектов в сфере закупок за действия в связи с закупкой товаров, работ, услуг для обеспечения государственных (муниципальных) нужд в порядке, установленном ФЗ № 44-ФЗ.

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПОДКУПА СПЕЦИАЛЬНЫХ СУБЪЕКТОВ

Квалификация подкупа работника контрактной службы при осуществлении закупок в порядке ФЗ № 44-ФЗ в целом не вызывает затруднений у правоприменителя.

Однако на практике встречаются случаи, когда совершается подкуп работника юридического лица, в уставном капитале которого доля участия Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований в совокупности составляет 50 % и более, а также работника их дочерних хозяйственных обществ и дочерних хозяйственных обществ последних за действия, аналогичные действиям работников государственных и муниципальных заказчиков. При этом закупки осуществляются не из средств бюджета Российской Федерации, субъ-

екта РФ, муниципального образования и не для обеспечения государственных (муниципальных) нужд. Такие закупки осуществляются в порядке, установленном ФЗ № 223-ФЗ, для удовлетворения потребностей юридических лиц (определенных ФЗ) в товарах, работах, услугах, в том числе для целей коммерческого использования.

Так, гражданка Б., являясь сотрудником АО, единственным акционером которого является Иркутская область в лице Министерства имущественных отношений Иркутской области, за денежное вознаграждение в размере 5 % от суммы заключенных договоров от генерального директора ООО, сообщала последней о планируемых поставках медицинского оборудования для нужд АО с указанием технических характеристик, которые позволили бы обеспечить победу ООО в конкурсной процедуре, а также направляла коммерческие предложения на поставку этого оборудования в адрес ООО для последующего предоставления ими коммерческого предложения от имени ООО и других фирм, но по более высоким ценам, указывала в техническом задании на поставку медицинского оборудования технические характеристики медицинского оборудования, согласованные с ООО, тем самым обеспечивала заключение с ООО договоров на поставку вышеуказанного медицинского оборудования по завышенным ценам. На первый взгляд, действия Б. подпадают под признаки преступления, предусмотренного ст. 200.5 УК РФ. Однако они совершены по закупкам для удовлетворения собственных потребностей АО, то есть не для государственных и муниципальных нужд, в связи с чем не могут быть квалифицированы по ст. 200.5 УК РФ⁴.

---

⁴ См.: *Игнатъева Н. В.* Субъект преступления, предусмотренного ст. 200.5 Уголовного кодекса Российской Федерации: проблемы теории и практики // *Вековые традиции Российского права: история и современность* : материалы всерос. науч.-практ. конф. Иркутск, 28–29 окт. 2022 г. / [отв. ред. О. В. Горбач]. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2022. С. 208.

За аналогичные действия гражданка С., которая являлась контрактным управляющим государственного бюджетного учреждения здравоохранения, была привлечена к уголовной ответственности по ч. 4 ст. 200.5 УК РФ, так как государственное бюджетное учреждение здравоохранения осуществляет закупки для государственных и муниципальных нужд в соответствии с требованиями ФЗ № 44-ФЗ⁴.

Кроме того, ст. 15 ФЗ № 44-ФЗ регламентирует особенности закупок, осуществляемых бюджетными, автономными учреждениями, государственными, муниципальными унитарными предприятиями и иными юридическими лицами (*не являющимися государственными и муниципальными заказчиками*), при предоставлении последним субсидий из федерального бюджета, бюджета субъекта РФ или бюджета муниципального образования, а также бюджетных инвестиций в соответствии с БК РФ.

Бюджетные учреждения (при получении субсидии из бюджета любого уровня), государственные и муниципальные унитарные предприятия осуществляют закупки, в том числе на иные средства, в соответствии с требованиями ФЗ № 44-ФЗ *при условии неразмещения в единой информационной системе в сфере закупок положения о закупке, разработанного в соответствии с требованиями ФЗ № 223-ФЗ. В противном случае закупки осуществляются в соответствии с ФЗ № 223-ФЗ.*

Исходя из вышеприведенных выше положений законодательства, при подкупе специального субъекта в сфере закупок, осуществляющего свою деятельность в бюджетном учреждении, государственном или муниципальном унитарном предприятии, за аналогичные деяния, в случае размещения положения о закупке, уголовная ответственность не наступит, так как закупка товаров, работ, услуг была осу-

ществлена в корпоративных интересах по правилам ФЗ № 223-ФЗ, в противном случае специальный субъект подлежит уголовной ответственности, так как закупка осуществлялась по правилам ФЗ № 44-ФЗ, то есть для обеспечения государственных и муниципальных нужд.

Данное положение не соответствует принципам уголовного права о неотвратимости наказания и справедливости.

Помимо указанного, в соответствии с чч. 4 и 4.4 ст. 15 ФЗ № 44-ФЗ закупки товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд могут осуществлять:

– юридические лица за счет субсидий из бюджетов различных уровней, направленных на капитальные вложения в объекты капитального строительства, находящиеся в их собственности или в государственной (муниципальной) собственности, в случаях, если условиями предоставления таких субсидий предусмотрена передача объектов инфраструктуры в государственную (муниципальную) собственность, а также на возмещение таких затрат;

– юридические лица, 100 % акций (долей) которых принадлежат, соответственно, Российской Федерации, субъекту РФ, муниципальному образованию, в случае осуществления закупок для целей исполнения обязательств по уже заключенным с ними заказчиком государственным или муниципальным контрактам как с единственным поставщиком на приобретение лекарственных средств, специализированных продуктов лечебного питания, медицинских изделий, расходных материалов, средств для дезинфекции, а также услуг по хранению и доставке соответствующих товаров, работ по ремонту и техническому обслуживанию медицинских изделий.

Таким образом, ФЗ № 44-ФЗ регламентирует закупки определенной категории

⁵ См.: Постановление мирового судьи судеб. участка № 11 Совет. судеб. района г. Брянска от 15 июля 2024 г. № 1-16/24. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

юридических лиц, в том числе 100 % акций (долей) которых принадлежат, соответственно, Российской Федерации, субъекту РФ, муниципальному образованию, для обеспечения государственных и муниципальных нужд в строго определенных случаях. Именно в этих случаях осуществляется уголовно-правовое противодействие подкупу специальных субъектов в сфере закупок.

Вместе с тем юридические лица в форме государственных корпораций (компаний) и публично-правовых компаний, а также компаний, 100 % акций (долей) которых принадлежат, соответственно, Российской Федерации, субъекту РФ, муниципальному образованию, нередко являются исполнителями (участниками) национальных проектов и государственных программ РФ. В рамках национальных проектов и государственных программ указанным юридическим лицам для реализации программных мероприятий выделяются бюджетные инвестиции и субсидии из федерального бюджета, средства внебюджетных фондов, либо мероприятия реализуются ими за счет собственных средств, но в интересах Российской Федерации.

Закупки товаров, работ, услуг в целях реализации национальных проектов и государственных программ могут осуществляться в рамках контрактной системы в соответствии с ФЗ № 44-ФЗ по договорам, заключенным в соответствии с ФЗ № 223-ФЗ, или по гражданско-правовым договорам. Однако, как показывает практика, при заключении договоров по ФЗ № 223-ФЗ и гражданско-правовых договоров, так же как и в случаях заключения государственных (муниципальных) контрактов, могут иметь место «откаты» и подкупы работников, причастных к процедуре заключения договоров, что причиняет вред государству, его бюджету и интересам.

В данном случае наблюдается определенный пробел в законодательстве. Если

в сфере закупок для государственных (муниципальных) нужд за такие деяния установлена уголовная ответственность как для должностных лиц и лиц, выполняющих управленческие функции в коммерческой или иной организации, так и для лиц, не являющихся таковыми, то при заключении договоров в рамках ФЗ № 223-ФЗ и гражданско-правовых договоров установлена уголовная ответственность должностных лиц и лиц, выполняющих управленческие функции в коммерческой или иной организации, а деяния лиц, не являющихся таковыми, остаются вне поля уголовно-правового регулирования.

Помимо этого, при анализе судебной практики по вынесению решений в отношении обвиняемых, совершивших преступление, квалифицируемое по ст. 200.5 УК РФ, выявлен неординарный случай.

Гражданин Г. был директором Фонда «Содействие развитию спорта в Ульяновской области» (далее – Фонд), учредителем которого являлось Министерство физической культуры и спорта Ульяновской области. На должность директора Фонда гражданин Г. был назначен распоряжением министра физической культуры и спорта Ульяновской области. Согласно уставу Фонда и трудовому договору гражданин Г. выполнял управленческие функции.

Постановлением Правительства Ульяновской области от 3 сентября 2015 г. № 439-П «Об утверждении Порядка определения объема и предоставления Фонду субсидии из областного бюджета» в целях реализации мероприятий государственной программы Ульяновской области «Развитие физической культуры и спорта в Ульяновской области на 2014–2020 годы» Фонду было предоставлено право на получение субсидии, в соответствии со ст. 78.1 БК РФ, в целях финансового обеспечения его работы, в том числе оплаты приобретаемых Фондом товаров (работ, услуг), необходимых для подготовки, организации и проведения на территории Ульяновской

области массовых физкультурных и спортивных мероприятий.

Законом Ульяновской области от 24 мая 2019 г. № 32-ЗО в закон Ульяновской области от 21 декабря 2018 г. № 173-ЗО «Об областном бюджете Ульяновской области на 2019 год и на плановый период 2020 и 2021 годов» внесены изменения, согласно которым из бюджета Ульяновской области в министерство для Фонда выделена дополнительная субсидия на строительство парка экстремальных видов спорта на территории стадиона «Старт».

Гражданин Г., воспользовавшись тем, что в соответствии с действующим законодательством юридический статус Фонда предоставлял ему право заключать прямые договоры без проведения конкурсных процедур, установленных ФЗ № 44-ФЗ и ФЗ № 223-ФЗ, за денежное вознаграждение заключил с ООО договор по созданию указанного парка, а затем до окончательного завершения строительства парка подписал акт выполненных работ, на основании которого ООО получил оплату в полном объеме.

Согласно данным, указанным в приговоре, Фонд являлся юридическим лицом — некоммерческой организацией.

Некоммерческие организации, получившие субсидии из бюджетов различных уровней в соответствии со ст. 78.1 БК РФ, не входят в круг организаций и учреждений, указанных в ст. 15 ФЗ № 44-ФЗ, в связи с чем не обязаны осуществлять закупки в порядке ФЗ № 44-ФЗ. При этом субсидия была выделена из бюджета Ульяновской области. Вместе с тем, согласно ст. 69.1 БК РФ, предоставление субсидий некоммерческим организациям является одним из видов ассигнований на оказание государственных (муниципальных) услуг (выполнения работ) наряду с закупкой товаров, работ, услуг для обеспечения государственных (муниципальных) нужд.

По нашему мнению, в рассматриваемом случае отсутствуют признаки состава преступления, предусмотренного ст. 200.5 УК РФ. Содеянное можно квалифицировать как коммерческий подкуп (ст. 204 УК РФ).

Ленинский районный суд г. Ульяновска признал гражданина Г. уполномоченным лицом, представлявшим интересы заказчика (министерства физической культуры и спорта Ульяновской области) в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных нужд, и вынес обвинительный приговор, квалифицировав действия гражданина Г. по п. «в» ч. 5 ст. 200.5 УК РФ⁵.

Действующее законодательство не содержит понятия «уполномоченное лицо, представляющее интересы заказчика в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд», Пленум Верховного Суда Российской Федерации также не разъясняет данное понятие, в связи с чем Ленинский районный суд г. Ульяновска квалифицировал действия гражданина Г. как незаконное получение уполномоченным лицом, представляющим интересы заказчика в сфере закупок работ для обеспечения государственных нужд, денег за совершение действий в интересах дающего в связи с закупкой работ для обеспечения государственных нужд (при отсутствии признаков преступлений, предусмотренных чч. 5–8 ст.ст. 204 и 290 УК РФ).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, при изучении практики привлечения к уголовной ответственности за совершение преступлений, предусмотренных ст. 200.5 УК РФ, неизбежно возникают трудности с определением сферы общественных отношений, связанной с закупкой товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, по следующим причинам:

⁶ URL: <https://sudact.ru/regular/doc/1ejHpLrlXkX/> (дата обращения: 15.01.2025).

⁷ См.: *Шурпаев Ш. М.* Указ. соч. С. 110.

– в связи с бланкетным характером диспозиции ст. 200.5 УК РФ и отсутствием унифицированных понятий⁶;

– расширением при практическом применении круга общественных отношений, связанных с закупкой товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, от государственных (муниципальных) закупок, осуществляемых на основе контрактной системы (в порядке ФЗ № 44-ФЗ), до закупок в порядке заключения гражданско-правовых договоров, но в интересах Российской Федерации;

– возникающей на практике необходимостью уголовно-правового запрета действий сотрудников юридических лиц, 100 % акций (долей) которых принадлежат, соответственно, Российской Федерации, субъекту РФ, муниципальному образованию, осуществляющих закупки в соответствии с ФЗ № 223-ФЗ или в интересах Российской Федерации (в случае, когда они являются участниками национальных проектов).

Установлено, что действующее законодательство нуждается в совершенствовании.

В связи с этим в науке предпринимательского права высказываются мнения об унификации понятия «закупки» [3, с. 17; 9, с. 401; 10, с. 80; 11, с. 122]⁷. Членами Союза закупщиков на форуме «Госзаказ», состоявшемся 15–17 мая 2024 г., а также М. А. Волковой предложена разработка единого закона, объединяющего государственные (муниципальные) и государственно-корпоративные закупки в единую систему публичных закупок [12, с. 18]⁸.

По нашему мнению, следует установить уголовную ответственность за подкуп работника контрактной службы, контрактного управляющего, члена комиссии по осуществлению закупок, лица, осуществляющего приемку поставленных товаров, выполненных работ или оказанных услуг, либо иного уполномоченного лица, представляющего интересы заказчика в связи с закупками товаров, работ, услуг в интересах Российской Федерации, в том числе за счет бюджетных ассигнований РФ, субъекта РФ, муниципального образования.

Список литературы

1. Система государственных закупок: теоретический и практический аспекты : моногр. / Л. И. Юзвович, Н. Ю. Исакова, Ю. В. Истомина и др. ; под ред. Л. И. Юзвович, Н. Ю. Исаковой. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2019. 233 с.
2. Ткачев В. Н., Васин В. Н. О новеллах нормативно-правового регулирования в сфере закупок для государственных (муниципальных) нужд // Вестник экономической безопасности. 2016. № 3. С. 182–191.
3. Фирсова О. А., Шуплецов Н. С. Деятельность прокурора по привлечению к административной ответственности лиц за неисполнение законодательства в сфере закупок // Искусство правоприменения. 2022. № 3. С. 17–22.
4. Шурпаев Ш. М. Специальный субъект в составах злоупотреблений и подкупа в сфере государственных и муниципальных закупок // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2022. № 4. С. 51–70. DOI: <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2022.4.51.70>
5. Аснис А. Я. Новеллы УК об ответственности за злоупотребления в сфере публичных закупок: предыстория и проблемы квалификации // Российское конкурентное право и экономика. 2018. № 4 (16). С. 34–43.
6. Вечканова Т. В. Закупки по ФЗ-223 И ФЗ-44 // Вестник науки. 2020. Т. 2, № 2 (23). С. 60–66.
7. Зернова Е. Е. Сущность и содержание информационного обеспечения государственных закупок товаров, работ и услуг // Инновации и инвестиции. 2018. № 2. С. 248–250.
8. Литвиненко А. Н., Мячин Н. В. Нормативное правовое регулирование сферы закупок в Российской Федерации // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. № 4 (76). С. 64–69.

⁶ См.: Яровой А. В. Поставка товаров для государственных нужд : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2005. С. 22.

⁷ См.: 44-ФЗ и 223-ФЗ предложили объединить. Зачем // Контур.Закупки. 2024. URL: https://zakupki.kontur.ru/site/articles/51251-44fz_i_223fz_predlozhili_obedinit_zachem?ysclid=mmzd39aeuq499422617 (дата обращения 15.03.2025)

9. Кикавец В. В. Публичные закупки в России: понятие и содержание // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2023. Т. 27, № 2. С. 397–420. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2023-27-2-397-420>

10. Барыбина Е. Л. Понятие «государственные (муниципальные) нужды» в предмете государственного контракта как средства самоорганизации гражданских правоотношений по поставке товаров для государственных и муниципальных нужд // Современное право. 2014. № 10. С. 79–83.

11. Розовенко М. В. Понятие и порядок определения государственных нужд // Общество и право. 2011. № 5 (37). С. 116–120.

12. Волкова М. А. Негативные последствия коррупции в сфере публичных закупок // Актуальные проблемы российского права. 2023. Т. 18, № 6 (151). С. 18–28. DOI: <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2023.151.6.018-028>

References

1. Yuzvovich L. I., Isakova N. Yu., Istomina Yu. V. etc. *Public Procurement System: Theoretical and Practical Aspects*. Yekaterinburg: Ural University Publ.; 2019. 233 p. (In Russ.)

2. Tkachev V. N., Vasin V. N. The Novels of the Legal Law Regulation of the Purchasing for the State and Municipal Needs. *Vestnik of Economic Security*. 2016;3:182-191. (In Russ.)

3. Firsova O. A., Shupletsov N. S. Activities of the Prosecutor To Bring To Administrative Responsibility Persons for Non-Compliance with Legislation in the Field of Procurement. *The Art of Law*. 2022;3:17-22. (In Russ.)

4. Shurpaev Sh. M. Issues of Legislator Approach To Features of a Special Subject in Corpus Delicti of Abuse and Bribery in the Public Procurement. *Law Journal of the Higher School of Economics*. 2022;4:51-70. DOI: <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2022.4.51.70> (In Russ.)

5. Asnis A. Ya. Novels of the Criminal Code on Responsibility for Abuses in Public Procurement: Background and Problems of Qualification. *Russian Competition Law and Economy*. 2018;4:34-43. (In Russ.)

6. Vechkanova T. V. Procurement under Federal Laws No. 223-FZ and No. 44-FZ. *Science Bulletin*. 2020;2(2):60-66. (In Russ.)

7. Zernova E. E. Essence and Content of Information Support for Public Procurement of Goods, Works and Services. *Innovation & Investment*. 2018;2:248-250. (In Russ.)

8. Litvinenko A. N., Myachin N. V. Normative Legal Regulation of the Procurement in the Russian Federation. *Bulletin of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2017;4:64-69. (In Russ.)

9. Kikavets V. V. Public Procurement in Russia: Concept and Content. *RUDN Journal of Law*. 2023;27(2):397-420. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2023-27-2-397-420> (In Russ.)

10. Barybina E. L. The Concept of “State (Municipal) Needs” in the Subject of the State Contract as a Means of Self-Organization of Civil Relations for the Delivery of Goods for State and Municipal Needs. *Modern Law*. 2014;10:79-83. (In Russ.)

11. Rozovenko M. V. Ponyatie i poryadok opredeleniya gosudarstvennykh nuzhd. *Society and Law*. 2011;5:116-120. (In Russ.)

12. Volkova M. A. Negative Consequences of Corruption in Public Procurement. *Actual Problems of Russian Law*. 2023;18(6):18-28. DOI: <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2023.151.6.018-028> (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Наталья Владимировна Игнатьева, заместитель начальника штаба – начальник инспекции Восточно-Сибирского линейного управления МВД России на транспорте (ул. Челнокова, 20, Иркутск, 664005, Российская Федерация); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3711-8147>, SPIN-код: 4508-0205, e-mail: ignatiewa.natalya2013@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Natalia V. Ignatieva, Deputy Chief of Staff — Head of the Inspectorate of the East Siberian Linear Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia for Transport (20 Chelnokova St., Irkutsk, 664005, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3711-8147>, SPIN-код: 4508-0205, e-mail: ignatiewa.natalya2013@yandex.ru

Поступила | Received
10.11.2025

Поступила после рецензирования
и доработки | Revised
30.10.2025

Принята к публикации | Accepted
18.11.2025

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

В целях повышения качества публикуемых материалов все присланные работы (научные статьи, сообщения, обзоры, рецензии и т. д.) проходят рецензирование, а также проверку системой «Антиплагиат». К рассмотрению принимаются только оригинальные статьи, ранее не публиковавшиеся в других изданиях и не находящиеся на рассмотрении в других изданиях. Предоставляемая для публикации статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы. Статьи принимаются на русском и (или) английском языке. Материалы для публикации на английском языке представляются зарубежными авторами без перевода в какой-либо их части на русский язык.

Требования к оформлению рукописи научной статьи, направляемой в журнал

Рукопись научной статьи (далее – рукопись, статья) представляется в электронном виде в формате, поддерживаемом Microsoft Word версии 2007 или выше (doc, docx, rtf). Приоритетной формой представления рукописи является заполнение формы на сайте журнала <https://www.siberianlawreview.ru/jour/author/submit/1>. Рукопись статьи для публикации с лицензионным договором в 2 экземплярах и заявкой автора может быть также направлена на электронную почту редакции (pauka@siblu.ru).

Рукопись принимается на русском и английском языках, при этом она должна соответствовать профилю журнала и отражать результаты оригинальных научных исследований.

Общий объем рукописи (всех ее структурных элементов) должен составлять от 20 до 40 страниц машинописного текста или 40–45 тыс. знаков с учетом пробелов.

При наборе текста необходимо использовать шрифт Times New Roman. Размер шрифта для основного текста рукописи – 14 пт, сноска – 12; нумерация сноска сквозная. Межстрочный интервал – полуторный. Расстановка переносов не применяется.

Перед текстом статьи указывается УДК.

Статья в обязательном порядке должна включать следующие **структурные элементы**:

- название статьи;
- сведения об авторах и их аффилиации;
- аннотацию;
- ключевые слова;
- финансирование (при наличии);
- введение;
- основную часть статьи, состоящую из трех и более разделов, каждый из которых должен иметь собственное наименование;
- заключение;
- благодарности (данный раздел включается по усмотрению автора);
- список литературы на русском языке;
- список литературы на английском языке (References);
- информацию об авторах.

Наименования структурных элементов статьи «Аннотация», «Ключевые слова», «Финансирование», «Введение», «Заключение», «Благодарности», «Список литературы», «References» должны быть воспроизведены в тексте статьи. Структурные элементы статьи не нумеруются.

Название статьи (не более 10 слов) должно содержать основные ключевые слова, характеризующие содержание статьи. Указывается на русском и английском языках. Располагается в левой верхней части листа.

Авторы и их аффилиация указываются в следующей строке после названия статьи с выключкой влево. Данные приводятся без сокращений, на русском и английском языках (фамилия, имя, отчество, место работы (название организации, соответствующее указанному в ее уставе, город, страна), адрес электронной почты).

В обязательном порядке указываются идентификаторы (ORCID iD, Researcher ID и др.). Если таковые отсутствуют,

авторам необходимо предварительно зарегистрироваться на <https://orcid.org>.

Очередность упоминания авторов зависит от их вклада в выполненную работу. Авторы могут указываться в алфавитном порядке, если их вклад в исследование равноценен.

Аннотация (объем 250–300 слов) – самостоятельный источник информации о статье, краткая характеристика работы, представляется на русском и английском языках. Аннотация должна быть логичной и отражать основное содержание статьи (предмет, цель, методы и выводы исследования). Сведения, содержащиеся в названии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации. Следует избегать лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает...»). Исторические справки, если они не составляют основное содержание публикации, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения, в аннотации не приводятся. Рекомендуется составлять аннотацию в соответствии со структурой ее основной части, выбирая из каждого раздела самые важные сведения, дающие в совокупности полное представление о содержании статьи.

Аннотация рекомендуется составлять после завершения работы над статьей. Особое внимание следует уделить качеству перевода.

Ключевые слова (5–10 слов или словосочетаний) должны отражать специфику темы, объект и результаты исследования. Ключевые слова или словосочетания отделяются друг от друга точкой с запятой.

Финансирование – факультативный структурный элемент, включающийся в статью при наличии финансовой поддержки исследования юридическими и физическими лицами. Здесь может содержаться указание на то, за счет каких грантов, контрактов, стипендий удалось провести исследование.

Введение должно содержать обоснование актуальности и новизны темы исследования, обзор литературы по теме исследования, постановку исследовательской проблемы, формулирование гипотезы исследования, описание методов, которые использовались для получения результатов, указание на цели и задачи исследования.

Основная часть статьи, состоящая из трех и более разделов, включает в себя фактические результаты исследования, их интерпретацию, в том числе оценку соответствия полученных результатов гипотезе исследования, обобщение его итогов, сравнение с результатами других исследователей, предложения по практическому применению результатов исследования, а также по направлению будущих исследований.

Заключение содержит главные идеи статьи, итоги исследования без дословного воспроизведения формулировок, содержащихся в основной части статьи.

Благодарности. Данный структурный элемент включается в статью по усмотрению автора в целях выражения признательности коллегам за помощь в подготовке статьи, критические комментарии, которые позволили улучшить содержание рукописи, благодарности за поддержку исследования людям и организациям.

Список литературы должен содержать ссылки на все *научные* источники информации, упомянутые в тексте статьи.

Литература, используемая при написании статьи, должна отражать современное состояние вопроса, включать публикации как в отечественных, так и в зарубежных журналах и изданиях.

Список приводится в конце статьи, выстраивается по порядку упоминания источников в тексте, а не по алфавиту, независимо от названия и языка источника, и пронумеровывается. В одном пункте перечня следует указывать только один источник информации.

Список литературы на русском языке оформляется в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления» и тщательно выверяется.

В списке литературы сведения об используемом издании должны обязательно содержать указание на издательство, общее количество страниц в используемом издании либо на конкретные страницы, где содержится соответствующий материал, если издание имеет периодический характер.

Если источник имеет DOI, то его указание является обязательным.

По тексту статьи даются отсылки к необходимому номеру библиографической записи из составленного списка, которые приводятся в квадратных скобках. Если отсылка к источнику информации в тексте статьи встречается несколько раз, то в квадратных скобках повторно указывается его номер из списка (без каких-либо изменений в самом библиографическом списке). В случае прямого цитирования обязательно указывают номер страницы (например: [1, с. 25], [1, с. 59–60]).

Обязательные параметры списка литературы:

- не менее 10–12 источников, из них: не менее 25 % источников – зарубежные (из которых 10 % – статьи из журналов, индексируемых в Web of Science, Scopus; работы на английском, немецком, французском языках, опубликованные в периодических научных изданиях (не дополнительных выпусках), а также статьи в сборниках трудов конференций и монографии, опубликованные в издательствах, не замеченных в применении недобросовестной издательской политики);

- не более 15 % источников – монографии;

- ссылки на литературу, опубликованную ранее 2009 г., должны быть единичными, кроме исследований, отражающих исторический аспект проблемы;

- не допускается самоцитирование. В случае невозможности избежать упоминания о ранее опубликованных автором трудах следует указать лишь на то, что автор уже рассматривал данный вопрос, при этом ссылки на опубликованные труды в тексте статьи не делаются, и в списке литературы они не приводятся.

Не включаются в список литературы следующие внеаучные источники информации:

- диссертации, авторефераты диссертаций;

- учебники, учебные пособия;

- нормативные правовые акты и комментарии к ним, судебные акты;

- правила, стандарты, патентные документы;

- словари, энциклопедии, другие справочники;

- доклады, отчеты, протоколы, данные статистики;

- средства массовой информации, интернет-ресурсы.

Ссылки на перечисленные внеаучные источники информации приводятся в подстрочных сносках.

Подстрочные сноски оформляются как примечания, вынесенные из текста вниз страницы, со сквозной нумерацией в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

В **списке литературы на английском языке (References)** порядок источников должен соответствовать русскоязычному списку литературы. Ссылки на источники оформляются в формате Vancouver. После описания источника необходимо указать язык издания, например, если оно было опубликовано на русском языке – (In Russ.). Для англоязычных источников это правило не применяется. Если источник написан на латинице (на немецком, французском и проч.), он должен быть процитирован в оригинальном виде.

При переводе русскоязычных источников и источников на других кириллических языках рекомендуется проверять наличие официального опубликованного перевода.

Транслитерация производится по стандарту BSI и применяется в следующих случаях:

- для обозначения фамилии, имени, отчества (при наличии) авторов источника;

- для собственных названий издательств, например: Nauka, Yurlitinform;

- если нет информации об использовании журналом англоязычного названия (рекомендуется проверить на официальном сайте данного журнала).

При подготовке списка литературы можно обратиться к автоматическим системам подготовки списка литературы (EndNote, Mendeley, Zotero и др.)

В блоке **«Информация об авторах»** для каждого автора указываются: полные фамилия, имя, отчество (при наличии), должность, место работы и его полный юридический адрес, ученая степень, ученое звание, почетное звание, все имеющиеся идентификаторы автора, адрес электронной почты, а также контактный номер телефона, который будет использован только для связи редакции с автором и не будет публиковаться в журнале и (или) на его сайте.

Формулы, таблицы и рисунки, приводимые в статье, должны быть пронумерованы, а рисунки и таблицы также и названы, к ним должны быть отсылки в тексте статьи. В таблицах не должно быть пустых граф. Простые внутрискрипные и однострочные формулы, а также рисунки и таблицы должны быть набраны без использования специальных редакторов. Рисунки и формулы также прилагаются к статье отдельными файлами в формате JPEG с разрешением не менее 300 dpi.

Не допускаются во всех структурных элементах статьи:

- набор шрифтом «все прописные»;

- полужирное начертание;

- наличие двух и более пробелов подряд;

- знаки табуляции;

- абзацный отступ пробелами и (или) знаком табуляции;

- мягкий перенос;

- разреженный и (или) уплотненный шрифт.

В случае несоответствия статьи установленным требованиям к оформлению и (или) содержанию решением редакционной коллегии статья отклоняется, о чем автор информируется по электронной почте.

За достоверность приведенных в статье сведений ответственность несут ее авторы.

INFORMATION FOR AUTHORS

In order to improve the quality of published materials, all submitted works (scientific articles, messages, reviews, etc.) are reviewed and checked by the “Antiplagiat” system. Only original articles that have not been previously published and are not pending in other publications are accepted for consideration. The article submitted for publication should be relevant, have novelty, contain a statement of tasks (problems), a description of the main research results obtained by the Author, conclusions. Articles are accepted in Russian and/or English. Materials for publication in English are submitted by foreign Authors without translation in any part of them into Russian.

Requirements to the formatting of the scientific article submitted to the journal

The manuscript of the scientific article (hereinafter referred to as the manuscript/article) shall be submitted in electronic version, in the format supported by Microsoft Word 2007 or higher (doc, docx, rtf). The priority form of the Article submission is the filling of the form at our web-site <https://www.siberianlawreview.ru/jour/author/submit/1>. The manuscript of the article to be published with the license agreement (in duplicate) and the Author’s request enclosed may also be sent to the editorial office’s e-mail (nauka@siblu.ru).

The manuscript shall be accepted in Russian and English, hereby it should comply with the Journal’s profile and highlight the results of the original scientific research.

The total volume of the article (including all the article elements) must be 20 to 40 type-written pages or 40,000–45,000 characters (blank spaces included).

For the text typing use Times New Roman font. Font size for the body of the Article – 14 pt, footnotes – 12; footnote numbering – consecutive. Line spacing – 1.5. No hyphenation.

UDC Code before the text of the Article is mandatory.

The Article must include the following **structural elements**:

- Title of the Article;
- The Authors and Their Affiliation;
- Abstract;
- Keywords;
- Funding (if any);
- Introduction;
- the body of the Article consisting of three or more sections each having its own title;
- Conclusion;
- Acknowledgements (to be included at the Author’s discretion);
- References (in Russian)
- References (in English);
- Information about Authors.

The titles of the structural elements (“Abstract”, “Keywords”, “Funding”, “Introduction”, “Conclusion”, “References”) must be stated in the text of the Article. The Article structural elements shall not be numbered.

Title of the Article (maximum 10 words) must contain the main key words. Shall be provided in Russian and English. Left-aligned in the top of the page.

The Authors and their affiliation are indicated on the line right after the title of the article (research paper), aligned to the left. The data is given without abbreviations, in Russian and English (last name, first name, patronymic (if any), place of work (name of the organization corresponding to that specified in its charter, city, country), e-mail address).

Authors must state their identifiers (ORCID iD, Researcher ID). If they have no identifiers the Authors should first sign in at: <https://orcid.org>.

The sequence of the enumeration of the Authors is based on their contribution to the work completed. If the contribution to the research is equal the Authors may be listed alphabetically.

Abstract (250–300 words) – independent source of information of the Article, brief characteristic of the Work, shall be

provided in Russian and English. The Abstract must be logical and highlight the main contents of the Article (subject, objective, methods and conclusions of the study). The data contained in the title of the Article must not be repeated in the text of the Abstract. Avoid excessive introductory phrases, like “the Author of the article reviews...”. Historical data (unless they are the main contents of the Article), description of the previously published works and commonly known provisions shall not be included into the Abstract. We recommend to make up the Abstract in accordance with the structure of the body of the Article selecting the most important data from each section to provide in aggregate the comprehensive idea of the contents of the Article.

The Abstract should be made up after the completion of the work on the Article. Special emphasis should be given to the quality of the translation.

Keywords (5–10 words or word-combinations) should highlight the specific features of the topic, object and findings of the study. The Keywords must be separated with a semi-colon.

Funding is an optional structural element included in the article if there is financial support for the study by legal entities and (or) individuals. This may contain an indication of what grants, contracts, scholarships were used to conduct the study.

Introduction shall include the substantiation of the topicality and novelty of the study, review of the literature on the study subject-matter, study problem setting, definition of the study hypothesis, description of the methods used to obtain the findings, definition of the study objectives and tasks.

The body (main part) of the Article consisting three or more sections, contains the actual findings of the study, interpretation thereof, including compliance of the findings obtained with the study hypothesis, limitations of the study and generalization of its outcomes, comparison with the findings of other researchers, proposals on the future practical application of the future studies.

Conclusion contains the main ideas of the body of the Article, outcomes of the study without verbatim repetition of the definitions included in the body of the Article.

Acknowledgements. This structural element shall be included into the Article at the Author’s discretion to express appreciation to the colleagues for the help with the Article preparation, including critical comments which enabled the manuscript improvement, gratitude for the financial support of the study by people and institutions.

References section shall contain references to all the scientific information sources mentioned in the text of the Article.

The literature used for the Article writing shall highlight the present-day state of the problem and include publications in both Russian and international journals and editions.

The Reference list is provided at the end of the Article and made up in the order the sources are referred to in the text, not alphabetically, regardless of the original title and language, the listed references shall be numbered. One list item shall include only one information source.

The *references in Russian* shall be made up in accordance with GOST R 7.0.5–2008 “Bibliographic Reference. General Requirements and Rules of Making” and carefully checked.

The list of references must state the publishing house, total number of pages in the edition used, or specific pages containing the relevant materials if the edition is periodical.

If the reference has a DOI it must be stated.

In the text of the Article references to the specific number of the bibliographic record from the list shall be provided in square brackets. If the reference to the information source in the text of the Article is made several times, the source number from the list shall be repeated in the square brackets (without any changes in the List of References itself). In case of direct citation the page number must be provided (for example: [1, p. 25], [1, p. 59–60]).

Mandatory parameters of the List of References:

- minimum 10–12 sources, including: minimum 25 % sources – international (out of which 10 % – articles from the journals indexed in Web of Science, Scopus; works in English, German, French published in the scientific periodicals (not supplementary issues!) as well as articles in the collections of proceedings of the conferences and monographs published in the reputable publishing houses);

- maximum 15 % sources – monographs;

- references to the literature published before 2009 must be single, except studies containing historical aspect;

- avoid self-citation. If it is impossible to mention the previously published works, just mention in the Article that the Author has already reviewed this issue, in this case no references to the published works should be included into the list of references.

The following extrascientific information sources shall not be included into the list of references:

- dissertations, author's abstracts of the dissertations;

- text books, workbooks;

- statutes and regulatory acts, judicial acts;

- rules, standards, patents;

- dictionaries, encyclopedias, other reference books;

- reports, statements, protocols, statistics data;

- mass media, the Internet resources.

References to the extrascientific information sources above shall be provided in the footnotes.

The footnotes shall be made as notes to the text provided at the bottom of the page, consecutively numbered as per GOST R 7.0.5–2008 “Bibliographic Reference. General Requirements and Rules of Making”.

In the “**References**” (*in English*), the order of sources should correspond to the Russian-language list of references. References to sources are made in Vancouver format. After describing the source, it is necessary to indicate the language of the publication, for example, if it is published in Russian – (In Russ.). For English-language sources, this rule does not ap-

ply. If the source is written in Latin (German, French, etc.), it must be quoted in its original form.

When translating Russian-language sources and sources in other Cyrillic languages, it is recommended to check the availability of an official published translation.

Transliteration shall be applicable in the following cases:

- to provide the surname, given name and patronymic (if applicable) of the Authors of the reference;

- for the proper names of the publishing houses, for example, Nauka, Yurlitinform;

- if the information of the use of the English title by the Journal it not available (check by the journal official web-site is recommended).

The transliteration shall be provided as per BSI standard.

To prepare the list of references automatic systems for the preparation of the list of references may be used (EndNote, Mendeley, Zotero, etc.)

In the “**Information about Authors**” section, for each Author, the following is indicated: full surname, first name, patronymic (if any), position, place of work and its full legal address, academic degree, academic title, honorary title, all available identifiers of the Author, e-mail address, as well as a contact phone number, which will be used only for communication between the Editorial office and the Author and will not be published in the journal and (or) on its website.

Formulae, figures, table. All the formulae, tables and figures must be numbered, and the figures and tables – also titled, there must be references to them in the body of the Article. The tables must not have blank columns. Simple inline and single-line formulae as well as figures and tables must be typed without using special editor software. Figures and formulae shall be attached to the Article as separate files in JPEG-format, resolution – min. 300 dpi.

In the Article elements above the following shall not be admissible:

- using Caps Lock,

- bold font,

- two or more consecutive blank spaces,

- tabulation symbols,

- paragraph indent using blank spaces and tabulation character,

- soft hyphens,

- sparse or condensed font.

If the Article does not comply with the requirements to the lineup and/or contents above the editorial board shall decline the Article and notify the Author by e-mail.

The reliability of the data used in the texts shall be the Authors' responsibility.

Научный журнал «Сибирское юридическое обозрение»

Редактор: *Л. А. Зарубина*

Редактор текстов на английском языке: *С. Ж. Капкенов*

Компьютерная верстка и оформление: *Л. А. Зарубина*

Дизайн обложки: *О. Ю. Шелихов*

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) 19 апреля 2019 г. Регистрационный номер ПИ № ФС 77-75350

Свободная цена

При перепечатке или воспроизведении любым способом полностью или частично материалов научного журнала «Сибирское юридическое обозрение» ссылка на журнал обязательна

© Редакция научного журнала «Сибирское юридическое обозрение», 2026

Адрес издателя и редакции: ул. Короленко, 12, Омск, 644010, Российская Федерация

Телефон: (3812) 37-68-55. E-mail: nauka@siblu.ru

Дата выхода в свет: 20.03.2026

Подписано в печать 11.03.2026

Тираж 200 экз.

Формат 70 x 100 / 16. Усл. печ. л. 13,89. Уч.-изд. л. 15,11.

Отпечатано в ООО «Полиграфический центр "Татьяна"»

Адрес типографии: ул. Жукова, 107, Омск, 644046, Российская Федерация

Scientific journal "Siberian Law Review"

Editor: *L. A. Zarubina*

Text editor in English: *S. Zh. Kapkenov*

Desktop publishing and design: *L. A. Zarubina*

Cover desing: *O. Yu. Shelikhov*

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications (Roskomnadzor) at April 19, 2019. Registration No. PI № FS 77-75350

Price discretion

When reprinting or reproducing by any means in whole or in part the materials of the scientific journal "Siberian Law Review" reference to it is obligatory

© The editorial board of the scientific journal "Siberian Law Review", 2026

Address of the publisher and the editorial office: 12 Korolenko st., Omsk, 644010, Russian Federation

Phone: (3812) 37-68-55. E-mail: nauka@siblu.ru

Release date: 20.03.2026

Signed print 11.03.2026

Circulation 200 copies.

Format 70 x 100 / 16. Cond. pr. pg. 13.89. Edit. pr. pg. 15.11.

Printed in LLC "Printing Center "Tatyana"

Printing office address: 107 Zhukova st., Omsk, 644046, Russian Federation